

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Henryson

In memory of
Rabbi Dr. Irving Levey
Former Hillel Rabbi
at Princeton

OX-XX

2 vols.

Antony of Ararat

1st Edn (St Petersburg 1813)

2 vols (50)

1 folding plate

GC 50/3

ЖИЗНЬ

АРТЕМІЯ АРАРАТСКАГО
УРОЖЕНЦА СЕЛЕНІЯ ВАГАРШАПАТЪ

близъ горы

А Р А Р А Т А,

и приключенія, случившіяся съ нимъ отъ младенческаго до совершенныхъ лѣтъ; удаленіе его отъ своего Опечества въ Грузію; опшуда въ Россію, попомъ въ Персію и на конецъ возвращеніе обратно въ Россію чрезъ Каспійское море, съ описаніемъ многихъ любопытныхъ предмѣстовъ, находящихся въ его споронѣ и прочихъ мѣстахъ Персіи, съ приложеніемъ шести гравированныхъ эстамповъ изображающихъ виды городовъ Персидскихъ.

Писанныя и переведенныя или самими

Съ Армянскаго на Россійскій.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

Въ типографіи Іос. Іоаннесова, 1813 года.

Шенгелъ

ЕГО СВѢТЛОСТИ

КНЯЗЮ

ПЛАТОНУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ

ЗУБОВУ

ГЕНЕРАЛУ ОТЪ ИНФАНТЕРІИ И РАЗНЫХЪ
ОРДЕНОВЪ КАВАЛЕРУ.

нижайшее приношеніе

*Армянина Артемія
Боеданова.*

PG3321
.A785 Z3
1813
ch.1

О Т Ъ И З Д А Т Е Л Я :

Исполняя завѣщаніе мащери моеи и на-
спавника, копорыя внушали мнѣ имѣшь
всегда въ памяти могуція бышь со мною
нешаспія, единспвенно для познанія Бо-
жіей ко мнѣ благоспи, я записываль всѣ
со мною вспрѣшившіяся приключенія, и
дополняя по времени, собраль и составилъ
изъ нихъ полную жизни моеи испорію на
Армянскомъ языкѣ. Настояніе и почпи
самое принужденіе нѣкопорыхъ особъ,
бывшихъ въ прошедшемъ Персидскомъ по-
ходѣ и меня довольно знавшихъ, заспави-
ли наконецъ перевести рукопись мою на
Россійскій языкъ, а примѣрь многихъ из-
даній, съ моими произшесствіями соглас-
ныхъ, рѣшилъ меня пуспиль въ свѣтъ
оныя записки и шѣмъ самымъ принести,
шакъ сказашь, благодарноспь во первыхъ
всевышнему за благій его промысль и ко
мнѣ милосердіе, копорое сохранило меня
ошь многихъ предспоявшихъ опасноспей
и во впорыхъ великодушнымъ и добродѣ-
пельнымъ людямъ, покровительспвовав-
шимъ мнѣ и служившимъ мнѣ въ самыхъ
нешаспіяхъ ушѣшителами. — Памяшь сихъ
последнихъ да будешъ незабвенна по гробъ
мой. — Издавая сіе я долгомъ спспавляю
предвариль чипашелей, чпо въ книгѣ жи-
зни моеи не найдупъ они никакихъ рипо-
рическихъ украшеній, хошя и еспь нѣко-

80-100-11781 000176029

1131

спорыя мѣста, въ которыхъ можно бы было разпространиться въ нихъ. Я писалъ проспой только то, что со мною дѣйствительно было, не прибавляя ни одного слова лишняго, котораго не было сказано, а спарался еще всѣми мѣрами скрыть многое.

Проя покорно чипашелей проспийшь мнѣ по чужеземству всѣ нескладныя и неправильныя изрѣченія, въ которыхъ случисься могутъ и противорѣчія, я уповаю что они извиняшь меня и въ самыхъ грамматическихъ ошибкахъ, коихъ безъ сомнѣнія на всякой спраницѣ найдешся множество; но виды Персидскихъ мѣспъ по крайней мѣрѣ заслужають вниманія; они сняпы въ 1796 году однимъ искуснымъ и извѣспнымъ художникомъ.

Изданіе сей книги могло быть и прежде годомъ, но по незнанію моему Російскаго языка и недоспапкамъ, оставалось безъ дѣйствія. Истинну происшествій подшвердятъ многія особы, меня знающія.

ЖИЗНЬ и ПРИКЛЮЧЕНІЯ

АРТЕМІЯ АРАРАТСКАГО.

Я родился въ 1774 году Апрѣля 20 дня, близъ горы Арарата въ селеніи Вагаршапатъ *Վաղարշապատ* *) принадлежащемъ первопреспольному Армянскому Монастырю, называемому Эчмиацynu *Էջմիածին*, что значить сошествіе единороднаго Сына Божія, во время Верховнаго Папріарха всея Арменіи Симеона. — Отець мой по имени Аспвацатуръ, что значить Богданъ, былъ искусный каменосъчець, небогатый, но какъ всѣ утверждали, добрый человекъ. По смерти его я остался чепырехъ мѣсяцовъ и по тому воспитаніемъ моимъ обязанъ былъ единственно матери. Кромѣ меня она имѣла еще двухъ сиротъ, брата 5-ти и сестру 3-хъ лѣтъ. Когда я началъ подростать и,

*) На семъ мѣстѣ въ древности былъ большой столичный городъ, построенный Армянскимъ Царемъ Вагаршомъ, который назвалъ его своимъ именемъ Вагаршапатомъ.

шакъ сказаць , приходишь въ смыслъ , по единственнае мое удовольствіе было слушашь рассказы о всякихъ частныхъ произшествіяхъ , какія обыкновенно въ тамошнемъ мѣстѣ передающа изустно отъ одного другому , даже отъ самой древности . Известно , что не только дѣти , но и совершеннолѣтніе любящ иногда сказки : я всегда приходилъ въ восхищеніе , когда находилъ случай узнать какимъ образомъ что-либо для себя новое . Не рѣдко при семъ случалось и то , что дѣти богатыхъ людей въ нашемъ селеніи , когда разговоръ касался какихъ нибудь знаменитыхъ въ древности мужей , сплели о себѣ басни , что будто и они производящ отъ какого-либо знашнаго лица или фамиліи . Я же напрошивъ того всегда начальн обращался къ собственному моему положенію и во всей силѣ чувствовалъ то , что я сирота , что мать моя безпомощная и бѣдная вдова , съ великою нуждою и трудами доспаетъ только самое бѣдное и нужное пропитаніе . Причина шаковыхъ

горестныхъ обращеній къ самому себѣ была та, что бѣдность и тѣснопа нашего семейства намъ служили всегда жестокою укоризною отъ немилосердыхъ соотечественниковъ, кои смотря на безпомощное наше съ матерью сиротство, старались обременять насъ всѣмъ, что только было въ ихъ возможности.

Изъ 700 домовъ, отъ бѣднаго семейства до самой богатой фамиліи, было не болѣе десяти чловѣкъ, кои знали грамоту. Къ числу сихъ грамотѣевъ принадлежалъ и я. Мать моя преодолевая всѣ затрудненія, какія только встрѣчала не столько отъ нищеты своей, сколько отъ зависти и жестокости богатыхъ согражданъ, успѣла дать мнѣ возможное воспитаніе, то есть, я обученъ былъ читать и писать. Въ горести своей, которую описать почти не возможно, сносая безропотно пропиву судьбы бѣдственное свое состояніе, она не имѣла уже никакихъ другихъ желаній, кромѣ того, чтобы меньшей лобез-

*

ный сынъ ея, ш. е. я, при жизни ея успѣлъ выучиться грамотѣ и бытъ въ кругу служителей храма Божія; и воптъ именно слова ея, въ коихъ возносила она желаніе свое къ Богу: „Господи! неопыми опть меня душу мою дополъ, пока не увижу меньшаго сына моего, чипающаго и поющаго во храмѣ швоемъ: *возведохъ очи мои въ горцу, отнюду же приидеть помощь моя, помощь моя отъ Господа, сотворшаго небо и землю*; тогда буду я совершенно успѣшенною за всѣ спраданія мои и съ радостію возвращу шебѣ жизнь мою.„ Изъ сего видно, чпо добрая мапъ моя все счаспіе свое, благо души своей, и, такъ сказать, край желаній своихъ, полагала единспвенно въ шомъ, чшобы я могъ неспи служеніе при храмѣ Господнемъ; въ шомъ предопредѣляла единспвенное счаспіе собспвенно для меня самаго, и чпо въ шомъ шолько заключалась вся помощь, какой ожидала и желала прискорбная душа ея, опть Сотворшаго небо и землю. Совлекаясь всего, чпо еспъ суеш-

ное и ложное въ естество чловѣчскомъ, кто не почувствуетъ, что подобное расположеніе души, возносящее ее къ Создателю своему, есть самое лучшее, и самое благонадежное сколько ни были бы жестоки окружающія насъ обшпьятельства? — Какъ бы то ни было, желанія маперіи моей исполнились; я совершенно могъ чипать все, и въ Сентябрѣ 1786 года, пришедъ въ Церковь на вечернюю молишву, въ первый разъ спалъ чипать предъ олтаремъ по успаву псалмы, въ числѣ коихъ и желаемый маперью моею: *возведохъ очи мои въ гору и проч.*

Но злобная зависть бывшихъ въ церкви спаршинъ, коихъ дѣши, кромѣ сельскихъ и домашнихъ работъ, ничѣмъ не занимались и грамотѣ не знали, не умедлила обнаружиться. Не выждавъ окончанія чшенія, они закричали священнику: что ты позволяешь этому сыну нищей вдовы чипать здѣсь? — Онъ не хочетъ дѣлать того, что дѣлають дѣши наши, — ударь его и опгони. — Слабый священникъ изъ

подобострастія къ нимъ, забывъ важность своего сана и свяпоспъ мѣспа, подходишь ко мнѣ, даешь изрядную пощечину и опгоняешь ошъ предомпарнаго мѣспа. Машъ моя, пораженнаа паковымъ поспупкомъ со мною священника, упадаетъ безъ памяпи; ее пакже бьющъ и по приказанію спаршинъ вышаскиваютъ изъ церкви и волокущъ въ домъ. По окончаніи сей мяпежной вечерни, спаршины спрожайшимъ образомъ приказали десяпнику смосрѣщъ за мною накрѣпко, не даващъ мнѣ ни одной минушы свободной, чпобъ я не могъ ничѣмъ занимащъся, кромѣ обыкновенныхъ работъ, говоря: и эпомъ негодай, сынъ нищій дерзкой женщины хочепъ быщъ ученымъ и равнящъся съ нашими дѣпными, (какъ будшо бы дѣпни ихъ знали грамопу) онъ долженъ полько ходищъ за скопиною, обрабопыващъ поле и мушищъ воду *); словомъ, мы при-

- *) Поля на конхъ посѣяно сорочинское пшепо, держатся покрышыа водою до самаго его созрѣвіа. Когда же съющъ его: шо надобно прежде мушищъ воду ногами; пакже пу- скающъ для сего и скопину, и семена бросающъ въ мушвую

казываемъ тебѣ выбить изъ его головы всю грамушу, . . . Вопль презрѣдное наспа-
вленіе, достойное ума и сердца тогдаш-
нихъ земляковъ моихъ! —

По выслушаніи сего новелѣннй пришелъ
я домой и нашель машь мою въ самомъ
опчаянномъ положеніи. Сколько ни была
возмущена душа ея произщесшвіемъ въ
церкви, но увидѣвъ меня, спаралась
придти въ себя. — Ей было нужно скрышь
собспвенную гореспь, чпобъ утѣшишь
меня и вмѣспѣ съ тѣмъ поспѣшишь дашь
мнѣ спасительныя наспавленія, копо-
рья по мнѣнію ея въ спрахѣ, произ-
водимомъ машернею любовію, должны были
попчасъ исполнись. Ахъ! сынъ мой,
говорила она, злодѣи не пощадили тебѣ
и во храмъ Божіемъ; но Богъ, копорый
еще болѣе оскорбленъ злодѣйствомъ ихъ,
накажешъ ихъ и опмсшишь обиды наши.—
Помни, чпо намъ Спаситель приказываль:

воду, дабы такимъ образомъ могли бышь подъ водою по-
крышы нѣсколько землею.

Если кто ударитъ тебя въ ланиту, обрати елицу другую. — Между пѣмъ я спарасуь по угрозамъ ихъ, чшобъ они не изшребили тебя и для того бѣги отъ нихъ, любезное дитя мое, спасай жизнь свою, скройся въ монастырь, или въ пустыню; — видно, что и швоя участь будетъ сполько же гореспна, какъ и моя. — Чешырехъ лѣтъ была я взята въ плѣнь и по невѣденію вѣрила ученію Магомета. Потомъ прешерпѣвъ разныя несчастія и мученія, возврапилась въ нѣдра православной церкви и содѣлалась женою Христіанина, швоего опца — и считала уже себя счаспливою, какъ напрошивъ шого судьба заспавила испытать меня новыя зоключенія, опнявъ у меня, уже девяшый годъ, мужа, оспавившаго мнѣ въ наслѣдство нищепу и вась шроихъ сиропъ. — Перенося всѣ нужды, я спаралась обучить тебя, и, чшобъ имѣлъ ты къ тому свободное время, вмѣсто тебя исправляла работы и нещадила ни силъ, ни здоровья моего, и вмѣстѣ должна еще была доспавать и на пропитаніе; воспитывая и соблюдая тебя, я думала на-

саждашь дерево, опъ котораго при спароспи моей ожидала прїлпныхъ и пипапельныхъ плодовъ, я надѣялась, что ты будешь подпорою спароспи и дряхлоспи моей, что подъ вѣпвями швоими я буду имѣть спокойную пѣнь и убѣжище; что ты будешь единспвенно причиною радоспей моихъ, кои заспавяпъ меня забышь мои гореспи и бѣдспвія, и дадушь чувспсвовапъ чеспъ и похвалу о шебѣ въ людяхъ нашихъ. — Господь услышалъ наконецъ молиппвы мои — и сердце мое возхипилось радоспю; но На семь неприяпномъ возраженіи мапъ моя оспановилась; по томъ голосомъ, показывающимъ испупленіе и сильное спраданіе души, продолжала: Ахъ! злодѣи безчеловѣчные, — одну ми-нушу полько имѣла я радоспъ мою; вы вырвали ее изъ сердца моего, испоргаеше насажденіе мое; — вы поспребише и корень его и съ нимъ надежды мои! — Такимъ образомъ мапъ моя съ начала желая упѣшипъ меня и успокоипъ, поспепенно пришла сама въ прежнее опчаяніе и начала проклинаять день своего рожденія,

упопробивъ въ своемъ ропощѣ проптиву недовѣдомыхъ судьбъ Божіихъ многія выраженія и изъ Іова.

Я спарался ушѣшить ее, сколько могъ и какъ умѣлъ; ибо по молодости лѣтъ чувствуя только настоящее, въ разсужденіи будущаго былъ гораздо спокойнѣе ея; какъ бы по ни было, я успѣлъ успокоить ее сколько, что опечалніе ея превратилось на послѣдокъ въ тихую горестъ. До сего времени я незналъ ничего о подробностяхъ ея жизни; но въ продолженіи вечера, для облегченія ли спѣшеннаго и разперзаннаго сердца своего, или для моего насцавленія, рассказала она намъ всѣ обстоятельствова прошедшаго отъ младенческаго возраста своего до настоящаго времени.

Я, говорила она, природная Гайканка, (***) и отъ сего племени произходящіе

(***) Гайкусь, праправнукъ Аеша, одного изъ сыновей праведнаго Ноа, есть первый основатель Арменіи; онъ предпріялъ вѣстѣ съ Немродомъ столпошвореніе Вавилонское.

предки наши, просвѣпившіеся свѣдомъ Евангельскаго ученія отъ Священномученика Григорія *Գրիգոր*, просвѣпителя Арменіи, пребывали въ Хрисіанскомъ законѣ. Отъ честныхъ родителей родилась я въ 1751 году въ Газахъ *). — На двухъ-годовомъ возрастѣ лишилась я отца моего, а своего дѣда. Послѣ того чрезъ два года, Лезгинцы подъ предводительствомъ своихъ начальниковъ дѣлали безпреспанные набѣги на Грузію, производя грабительства и убійства, а съ другой стороны въ сіе же самое время такой былъ въ нашихъ мѣстахъ голодъ, что народъ, подобно скошамъ, принужденъ былъ питаться травою, или что кто могъ найти; и наконецъ жители до такой доведены были крайности, что отцы и матери опирались отъ дѣшей своихъ и бросали ихъ. —

но не захотѣвъ признать надъ собою верховной власти Немрода, удалился въ свою землю, и послѣ въ возгорѣвшейся за то между ними войнѣ убилъ его. По имени его Армяне называются и Гайканцами, или племя Гайканское.

*) Провинція Газахъ, принадлежитъ Грузіи и граничитъ съ Персією.

Мать моя, а швол бабушка, видя, что ей со мною неизбѣжная предстоить погибель и опъ голода, опъ убійствъ и грабителей, отправилась со мною въ Еривань, въ намѣреніи пройти въ Вагаршапашъ, гдѣ по совершенному спокойствію, жипели наслаждались изобиліемъ, и гдѣ старшая сеспра моя была въ замужствѣ за чело-вѣкомъ небѣднымъ. Но по двухъ-дневномъ нашемъ пупешествіи Лезгинцы напали на нашъ караванъ и все разграбили; старыхъ мужчинъ убили, а молодыхъ взяли въ плѣнь, въ кошорый увлекли и меня; а мать мою по старости и слабости бросили на мѣспѣ, снявъ съ нее все платье, словомъ оставили обнаженную и безчувственную. По прошествіи нѣкопорого времени, я была продана опъ нихъ въ Персидскій городъ Ганджу, одному знашному Персіанину по имени Чолоху Сафаръ-Беку, кошорый будучи чело-вѣкъ чувспвишпельный, сжался надъ моимъ младенчествомъ, принялъ меня не шакъ какъ невольницу, но воспитывалъ какъ родную дочь и обучалъ Персидской

грамошѣ и закону. По прошествіи же двухъ лѣтъ, когда я оказывала въ ученіи совершенные успѣхи, Сафаръ Бекъ видя, что челоѡколюбивыя его попеченія обо мнѣ не оспаюпся впунѣ, положилъ на конецъ причестъ меня къ своему роду, и на 7 году моего возраста сговорилъ меня за роднаго своего сына, сдѣлавъ чрезъ своего Муллу кябинѣ (свадебный конп-рактъ). — Послѣ сего спустя чепыре года, когда мнѣ исполнилось уже 11 лѣтъ, благодѣтель мой положилъ бытъ моей свадьбѣ; но въ тоже самое время нарѣченный мой женихъ сдѣлался жестоко больнѣ.

Между тѣмъ мать моя, какъ она послѣ мнѣ рассказала, бывъ ограбленною разбойниками и брошенною на мѣстѣ, пришедши въ себя, оспавалась нѣсколько часовъ на дорогѣ, оплакивая мое похищеніе и общее наше съ нею бѣдспвіе; а напоследокъ съ сердцемъ, полнымъ опчаянія, не имѣя никакой одежды, дошла до деревни Шамкоръ, опспо-

явшей опъ того мѣста весьма не въ дальномъ разстояніи, гдѣ она и оспалась жишь.

Чрезъ нѣсколько лѣтъ поправясь въ здоровьѣ и соспоянїи своемъ, по непреодолимой маперинской горячности, рѣшилась меня опыскивать повсюду, гдѣ бы по ни было, и хопя бы исканіе сіе споило ей жизни. Съ начала прибыла она въ Ганджу, гдѣ я дѣйствительно находилась; но не могла шупь опыскашь меня по тому, что подобное приключеніе, по копорому я попалась въ оное мѣсто, и продажа плѣнныхъ всякаго возраста и пола бывали весьма часто, особливо же въ погдашнее время. Опшуда опправи- лась она въ Грузїю; по томъ въ Шуши, главный Карабагскій городъ, гдѣ найдя удобный случай, поверглась къ ногамъ Пана-Хана, и пересказавъ ему свое бѣдствіе и мое похищеніе, просила его помощи. Сей великодушный и справедли- вый человекъ сполько былъ пронупъ ея положеніемъ, что шупь же обѣщаль ей просимую помощь и исполниль обѣщаніе

свое чрезъ нѣскольکو дней со всею воз-
можною милоспїю, какой только мать моя
желать могла: онъ далъ ей нѣскольکو де-
негъ и отъкрытый листъ, содержащій по-
велѣніе, что естли она отыщеть свою
дочь въ его владѣній, или въ Ганджѣ, ко-
торой Ханъ Шахверди соспомялъ подъ его
властїю, по немедленно бы ей меня воз-
вратиши, или по крайней мѣрѣ отдаши за
небольшій выкупъ, который она была бы
въ соспоянїи заплащивъ.

Получивъ таковое повелѣніе, она при-
няла намѣренїе, чрезъ Ганджу отправиться
въ Вагаршапатъ, отсюда въ пограничный
Турецкій городъ Ахелциха, куда обыкно-
венно Горскїе хищники привозятъ своихъ
плѣнныхъ для продажи, а тамошніе жи-
тели развозятъ ихъ въ другїе Турецкіе
города и въ Египтъ. — На пути своемъ
собирая подаяніе для моего изкупленїа,
прибыла въ Ганджу, гдѣ ходя по Армя-
намъ, испрашивала милоспїю и вмѣстѣ
съ тѣмъ старалась развѣдывать обо мнѣ,
разсказывая мое похищенїе, гдѣ и когда

оное случилось. Нѣкоторые похваляя добродушіе и щедрость Сафаръ - Бека, у коего я находилась, совѣповали ей для изпрошенія шаковой же милоспыни идти къ нему, говоря, что онъ конечно мнѣ въ ней не опкажеть, особенно по тому, что сговоренный къ женидѣбѣ сынъ его находился при смерти. Мать моя послѣдовала сему совѣпу, и пришла къ дому Сафаръ-Бека. Находящіеся у него люди научили мать мою явиться ко мнѣ, называя меня невѣспкою моего хозяина, и что я сдѣлаю ей щедрое подааніе ради облегченія опъ болѣзни нарѣченнаго мнѣ мужа. Мать моя, входя въ храмъ (женскія комнапы), въ первыхъ дверяхъ вспрѣчается со мною. Будучи воспитываема Сафаръ - Бекомъ со всею попечительностію опца и въ законѣ Магомешанскомъ, я не токмо не ожидала вспрѣшиться у него съ моею матерью, но бывъ разлучена съ нею еще 4 хъ лѣтъ со всѣмъ объ ней и позабыла. — Спаранія хозяина моего о воспитаніи моемъ дѣйствительно не были щещны; я чипала,

писала и говорила по Персидски споль хорошо, что и старшіе меня въ томъ мнѣ успупали; и всѣ вообще называли меня умницею. Мать моя, не иначе могла говорить со мною, какъ по Персидски. Казалось бы, что ей, непомышлявшей во все найши свою дочь тамъ, куда пришла сполько за подаяніемъ, невозможно, или по крайней мѣрѣ трудно было бы узнать меня по прошествіи семи лѣтъ ошъ 4 до 11-лѣтняго возраста моего; но вмѣсто того, сердце ея узнало меня при первомъ на меня взглядѣ. — Тебя ль я вижу, любезная, поперянная дочь моя, вскричала она? — И забывая свое соспояніе и то, что пришедъ просить милоспѣнью, думала говорить не съ своею дочерью но съ дочерью богатаго и знаменипаго человека, обнявъ меня, прижала къ своему сердцу, и обливая лице мое слезами, въ чрезвычайномъ внушреннемъ волненіи, нѣсколько минушь не могла мнѣ болѣе сказать ни одного слова; по томъ съ рыданіемъ продолжала: ахъ любезная дочь! Тебя похищили ошъ меня варвары; чтобъ

опыскашь себя, я подвергалась всѣмъ опасностямъ, сносила шерпѣливо голодь, жажду, нагопу, и всегда уповала на помощь Божию и священномученика нашего Григорія, просвѣпившаго насъ свѣпомъ Евангелія Христова, — уповала, что я найду тебя, и упованіе мое совершилось; вѣра и надежда моя на милость и помощь Бога нашего не погибли впунѣ; узнай мать твою, — ты Христіанка, изкуплена ошъ первороднаго грѣха свяшою кровію Христовою и крещеніемъ во имя Его; ты не можешь забыть, что имѣла мать, которая учила тебя молиться во имя Отца и Сына и Свяшаго Духа, Троицу единосущную и нераздѣлимую; — узнай меня дочь моя и самое себя, не прельщайся своимъ состояніемъ; все здѣсь временно, и въ будущую минушу можешь погибнуть все земное благо наше: послѣдуй примѣру Свяшой мученицы Рипсимы, которая отпреклась была супругою двухъ великихъ Царей *) и приняла смерть за

*) Историкъ Агаангель, бывшій Секретаремъ Армянскаго Царя Тридцата, пишетъ, что Рипсима съ прочими 37 - ю

вѣру Хриспову; обратись и ты къ истинному Господу Богу швоему; и ешьли сшанушь себя оппоргашь опъ него, пригоповь шѣло свое на мученія и не спрашись смерти. Послѣ сего въ коропкихъ словахъ приведя мнѣ въ примѣръ подвиги мучениковъ, спрадавшихъ за Христа и получившихъ вѣицы царствія Божія, въ заключеніе сказала: „я надѣюсь, что бѣдная одежда матери швоей и созѣшы ея не будушь шебѣ прошивны — сердце мое богато любовію къ шебѣ и желаніемъ шебѣ блага и спасенія.“ — Къ счастію нашему, въ продолженіи болѣе чепверти часа никшо не помѣщаль нашему разговору и не слыхаль ни рыданій, ни разговора моей матери со мною. — Я не пони-

дѣвицами Христіанками, бѣжавъ опъ Діоклишіана, копорый хошѣлъ женишься на Рипсимѣ, укрывалась въ Арменіи. Діоклишіанъ узнавъ о семъ, писалъ къ Тридашу, чшобъ опъ Рипсиму или прислалъ къ нему, или бы самъ на ней женился. Но Рипсима бызъ опшескана, по насшавленіямъ сшаршей изъ нихъ Канапы опшреклась опъ всѣхъ предложеній и за шо приняла мученическую смерть, въ лѣто опъ Р. Х. 282, всѣ, кромѣ двухъ Нуни и Мани, кои удалились въ Грузію, и привели ея въ Христіанскую вѣру.

мала самое себя и находилась въ ея объ-
 япіяхъ, не сказавъ ей въ продолженіе рѣ-
 чи ея ни одного слова; по шомъ вдругъ
 какъ бы мрачный покровъ спалъ съ меня;
 я увидѣла новый свѣтъ, и новыя чувст-
 вованія наполнили сердце мое и душу. Въ
 шужь минушу вспомнила я младенчество
 мое, и даже то, что масть моя учила ме-
 ня молишься во имя Отца, и Сына и Свя-
 таго Духа. Обнявъ крѣпко, прижала я ее
 къ груди своей; слезы мои лились ручьями
 и смѣшались съ ея слезами. „Я узнаю
 тебѣ масть моя и послѣдую за тобою! —
 Приготовлю шѣло мое на мученія и съ
 радостію приму смерть; поди скорѣй и
 дѣлай что должно, пока нарѣченный мой
 мужъ находилсъ больнь и я свободна.“
 Такимъ образомъ проспясь съ нею, дала
 ей всѣ случившіяся со мною деньги. —
 Она оставила меня поспѣшно, опасаясь,
 чтобы насъ не заспали, и чтобы послѣд-
 нее несчастіе не было бы болѣе прежня-
 го. Вышедъ опъ меня, пошла она пош-
 часъ къ старшему священнику нашему и
 пересказала все случившееся съ нею и у

кого меня нашла. — Онъ говорилъ ей съ начала, что славный Сафаръ-Бекъ по богатству своему споль силенъ, какъ левъ, что и самъ Ханъ Ганджинскій уважаетъ его и не можетъ ему ничего сдѣлать, и что кромѣ Бога никто не можетъ меня освободить отъ рукъ его. Онъ совѣщивалъ ей попробовать щастія ийти къ Шушинскому Хану просить его помощи, говоря, что онъ чувствителенъ къ несчастнымъ, весьма спрогъ, справедливъ и многимъ уже оказалъ по подобнымъ случаямъ милосердіе и помощь. Но когда мать моя объявила ему, что она уже имѣетъ отъ него открытый листъ, тогда сей добрый священникъ вспалъ и благословилъ Бога, сказавъ ей: дочь моя, я вижу, что Богъ съ тобою — поди — надѣйся на Него, — не бойся страха сильныхъ, и приспупай къ дѣлу своему, чтобы спасти дочь отъ закона неправеднаго. Богъ шворящій чудеса, сохранившій опроковъ Вавилонскихъ отъ пламени, избавилъ и швою дочь и спасетъ ее отъ смерти; ты встрѣшишь затрудненія и

самыя опасности; но дерзай на все во имя Господа Иисуса Христа, не спрашись смерти, но паче радуйся, есшьли должно будеть принять ея за вѣру: старайся укрѣпишь въ подвигъ семь и дочь пвою; при чемъ, для подкрѣпленія духа ея, привелъ ей также многіе примѣры о подвигахъ Св. мучениковъ и мученицъ, и наконецъ сказалъ: „теперь поди дочь моя въ церковь и принеси Господу теплыя твои молитвы, да благодать Его пребудеть съ тобою, содѣйствуя тебѣ и укрѣпляя тебѣ въ опасностяхъ.“

Получивъ таковыя наставленія, мать моя была на другой день въ церкви, и опслушавъ обѣдню, пришла къ намъ въ домъ, съ просительнымъ письмомъ Сафарь-Беку, написаннымъ по Персидски.

Сафарь - Бекъ, мой хозяинъ, какъ человекъ весьма милосливый, по опъ него дано было приказаніе служащимъ въ домѣ, никому изъ приходящихъ къ нему съ просьбами, для изпрошенія какой-либо по-

мощи, не отказываешь и допускаешь. По сему мать моя без всякаго затрудненія могла войти въ его покой. Упавъ къ ногамъ его, подала ему свою просьбу, въ которой изобразивъ свои бѣдспвіи, мое похищеніе и труды, употребленные ею къ омысканію меня, просила его со слезами допустишь ее видѣшь меня, такъ какъ слышала она, что у него находится на воспитаніи одна дѣвица изъ Армянской націи, и что можешь быть не узнаешь ли она во мнѣ потерянной ея дочери. — Письмо написано было коротко и прогашельно; но хозяинъ мой прочитавъ оное, сказалъ моей матери смѣясь: ахъ, ты безумная Армянская спаруха! Какъ можно чпобъ ты дочь твою, которую, какъ ты говоришь, потеряла чепырехъ-лѣтнюю, могла узнать по прошествіи семи лѣтъ; видно, что у васъ у женщинъ нѣтъ ни какого разсудка. Мать моя не дослушавая далѣе его рѣчей, и заливаясь слезами, упала опять къ его ногамъ, и просила, чпобъ позволилъ ей только взглянуть на меня, и что есъли я дочь ея, которую

она ищеть, то надѣется потчасъ узнать меня и докажетъ ему по признаками. Сафаръ-Бекъ на конецъ склонился на неотступныя ея просьбы и самъ пошелъ съ нею въ харамъ. Съ начала показывали ей всѣхъ дѣвиць, какія только были у насъ въ домѣ по одиначкѣ, и самъ спрашивалъ со смѣхомъ: ну, не эпали своя дочь? — Мать моя ошвѣчала: нѣтъ! — На послѣдокъ показали и меня: оспановаясь на одно мгновение и успремивши на меня быспрый взглядъ, какъ бы въ первый еще разъ меня видипъ, потчасъ бросилась было ко мнѣ, чпобъ обнять, но ее удержали и Сафаръ-Бекъ велѣлъ пересказатъ ему, какія я имѣю знаки, чпобъ удостовериться, справедливо ли она признаетъ меня своею дочерью. — Мать моя немедленно пересказала ему все, что могло служить примѣнами на моемъ плѣтѣ. — Потчасъ меня освидѣтельствовали чрезъ женщинъ при матери, и сказали хозяину, что она говорила правду. — Не смотря на сіе Сафаръ-Бекъ при всей добротѣ своей не хотѣлъ со мною разстаться, раздражилъ

ся шѣмъ до крайности и разбранивъ мою мапъ, называя ея дерзкою, обманщицею и прочее, приказаль ея выгнапъ изъ дома. — Послѣ перваго свиданія моего съ нею, я съ несказаннымъ нешерпѣиємъ ожидала ея прибытія, дабы узнапъ, чпо она предприметь къ моему избавленію. — Для сего я велѣла, чпобъ о приходящихъ къ хозяину просипъ мылоспѣнню, сказывали бы и мнѣ, и сама безпреспанно за шѣмъ присмапривала, а между мѣмъ пригововляя себя ко всему, чпобы изъ шого ни вышло, съ сокрушеннымъ сердцемъ молилась Господу и святымъ мученикамъ. — Я видѣла, какъ мапъ моя пришла, и чпстію слышала разговоръ ея и просьбы къ Сафарь-Беку. — Тупъ я призвавши Божію помощь, рѣшилась на все, и шолько чпо по приказанію Сафарь-Бека мапъ мою спали выгоняпъ, я пришедши внѣ себя, выбѣжала изъ моей горницы и съ опчадіемъ закричала Сафарь-Беку: „Хозяинъ! Это истинная моя мапъ! — Я узнала ея, по моему законъ мой, въ копоромъ ея рождена, — и вѣрую во имя Отца, и Сына, и

Святаго Духа; — дѣлайте со мною что хощете, но я не отрѣжусь отъ истиннаго Бога моего, не откажусь отъ моей матери, и готова съ нею за Спасителя нашего Иисуса Христа на все мученіе и на смерть; вы нарекли меня быть женою вашему сыну; но я таковою не буду — что вы намѣрены со мною дѣлать — дѣлайте, скорѣе и я готова умереть.“ — Сафаръ-Бекъ пришедши отъ сего во все неожиданнаго вызова въ большее еще раздраженіе, обратился къ моей матери и кричалъ на нее: „какъ ты осмѣлилась негодная дерзкая женщина съ своимъ морщиннымъ гнуснымъ лицомъ, придти въ палаты мои, и обольстить эту невинную дѣвушку? — Вопь тебе какое я сдѣлаю рѣшеніе: ты будешь наказана публично и брошена въ мрачную тюрьму, гдѣ не увидишь ты дневнаго свѣта и испытаешь отъ голода и жажды.“ — Онъ тотчасъ приказалъ служителямъ своимъ связать ей руки, вести чрезъ главныя улицы въ ханскую тюрьму, и тамъ посадить ее въ самое мрачное мѣсто, по-

ка онъ увидишся съ Ханомъ, а по доро-
гѣ бишь палками. Я пришла въ ужасъ
ошъ сего варварскаго повелѣнія, кричала
хозяйину, чшобъ меня не разлучаль съ ма-
шерью, и чшо я хочу съ нею вмѣстѣ пре-
шерпѣвать мученія за Господа Бога мо-
его — и повшоряла съ воплемъ, чшо ни
служанкою его, ни женою сына его не
буду, и не хочу ошпашься заблужденною
во мракахъ закона его; но желаю при-
няшь мученія и смерть за вѣру Хрисші-
анскую. Видя машь мою связанную и вле-
комую по безчеловѣчному его повелѣнію
въ шемницу, я рвалась за нею — но Са-
фарь-Бекъ шопчасъ приказаль взятьь ме-
ня, бросить въ погребъ, и не давать мнѣ
ни пишь, ни ѣшь, пока не раскаюсь въ
моей дерзости, не ошкажусь ошъ машери
моей и ошъ намѣренія послѣдовать за
нею.

Между шѣмъ болѣзнь сына его день
ошо дня усиливалась — шакъ, чшо онъ
находился при смерти. — Сафарь-Бекъ
заняшь будучи всѣми попеченіями объ

немъ, не имѣлъ времени думать ни объ матери моей, ни обо мнѣ. Прошелъ уже цѣлый мѣсяць, какъ я находилась въ ямѣ или подвалѣ, брошенная на голой землѣ, куда однако приносили мнѣ каждый день нѣсколько пищи и воды, а иногда брали и въ покой. — Собственное положеніе мое, сколько ни было тяжко, но я думала единственно объ моей матери; ея мученія раздирали душу мою и я, конечно не перенесла бы столь долго сего телеснаго и душевнаго мученія; но святыя примѣры, приведенныя мнѣ матерью, подкрѣпляли мой духъ, и увѣренность, что спрдація сіи принимаемъ мы съ нею за Спасителя нашего и за Святую вѣру Его, наполняли сердце мое утѣшительными чувствованіями. Я молилась Богу только подкрѣпить меня въ такомъ подвигѣ, за который должна буду получить вѣчное блаженство; и со всемъ не внимала шѣмъ увѣщаніямъ, утѣшеніямъ и даже была нечувствительною къ нѣкоторымъ облегченіямъ въ положеніи моемъ, кои по приказанію Сафаръ-Бека, иногда мнѣ дѣ-

лали его люди. — На конецъ пришли взять меня изъ моего заключенія. — Я введена была къ Сафаръ-Беку, у котораго тогда находилось нѣсколько человекъ изъ самыхъ ближнихъ его пріятелей. Мнѣ напередъ сказано было ошъ нѣкоторыхъ служителей, любившихъ меня, что сіи друзья его совѣщовали Сафаръ-Беку оставивъ мученіе и упопробивъ ласку и всевозможныя милости, копорыми, какъ надѣялись они, лучше можно убѣдить меня и обратишь къ прежнему моему разположенію. — „Она ужасно измѣнилась“ сказалъ Сафаръ-Бекъ взглянувъ на меня; посмотри въ зеркало: ты не узнаешь свое себя. — Неужели тебѣ лучше валяшь-ся въ ямѣ, считаешь-ся дочерью бѣдной Армянки, и быть въ числѣ Армянъ, подданныхъ нашихъ, съ копорыми мы можемъ дѣлать все, что хотимъ: нежели жить въ полномъ удовольствіи, пользоваться моею опеческою любовію и быть госпожею? — Послушай, любезная дочь моя! Ты можешь быть не забыла, что я купилъ Тебя у разбойниковъ, какъ неволь-

ницу, содержалъ себя какъ собственное мое дитя; лелѣялъ себя на груди моей со всею горячностію отца; — прилагалъ все стараніе о твоёмъ воспитаніи, просвѣщилъ тебя православною нашею вѣрою; ты одѣвалась всегда въ золопыя одежды и наслаждалась у меня всею благомъ, какое только можешь доставишь челоуѣкъ такъ знашній и богашій, какъ я. Многіе искали щастія, чшобъ дочерей своихъ отдашь за моего единственнаго сына, но это щастіе опредѣлилъ я тебѣ. — Онъ теперь при послѣднемъ концѣ — и на одрѣ своемъ лежишь почти безчувственъ; при сихъ словахъ хозяинъ мой разпрогался и продолжалъ почти сквозь слезы. Можешь быть скоро уже я поперяю его на вѣки; но ты заспутишь его мѣсто; я самъ спарь и также близокъ къ смерти, — ты будешь единственною наслѣдницею всего моего богатства, имени и славы моей. — Женщина, тебя обольстившая, копорую ты называешь мащерью, въ продолженіи сего времени, можешь быть уже изшала въ шемницѣ; а ешъли жива, по

я вѣлю ея освободить; дамъ ей прописаніе и сдѣлаю щасливую; только ты обратишься къ повиновенію, и прими съ признательностію благо, мною тебѣ предлагаемое. Обѣщаніе же мое, которое тебѣ дѣлаю при сихъ друзьяхъ моихъ, я подшвержду присягою и клятвенною волею предъ симъ священнымъ Алкораномъ. — Выбирай теперь любое. “ Я ни мало не думая, отвѣчала ему, что помню всѣ благодѣянія его и благодарю за нихъ; но теперь не хочу болѣе ими пользоваться; не желаю ни богатства его, ни славы, но желаю остаться вѣрною Господу Богу моему и умереть за него; все то что онъ даетъ мнѣ, есть временное, какъ права иссохнешь на другой же день и можешь погибнуть; а то, что надѣюсь получить отъ Господа Иисуса Христа, есть вѣчное, что я не перестану исповѣдывать Святую Троицу Отца и Сына и Святаго Духа, и ни за что не отрѣжусь отъ мащери моей Христіанки. — Сафаръ-Бекъ, раздраженный отвѣтомъ моимъ, обратился къ друзьямъ своимъ: видите ли, что ни

какое милосердіе не дѣйствуетъ на этихъ безчувственныхъ и неблагодарныхъ пшарей. И пошчасъ приказаль снялъ съ меня плашье, въ копоромъ я была, и надѣлъ на меня самый толстый мшпкъ, въ копоромъ обыкновенно погребають мершвыхъ; голову мою покрыли рубцомъ, связали руки крѣпко и босую повели въ шюрму къ мапери. Мальчишки по улицамъ, можешь быль нарочно къ шому пригоповленные, кричали идучи за мною: эшо дочь спарой Армянки; она опрекаешся опъ нашей свяшой вѣры и хочешъ быль Армянкою. Такимъ образомъ на дорогѣ дѣлали мнѣ всякія ругашельсшва и сопровождали побоями. Приведя меня на шюремный дворъ въ ханскую конюшню, привязали къ сполбу; пошомъ вывели ко мнѣ изъ шемницы машь мою и привязали къ другому сполбу, а меня начали бишь одни по лицу, другіе по головѣ, иные плевали на меня, произнося по повелѣнію своего господина ругашельсшва, словомъ дѣлали все, чшо было имъ угодно. Ожидая, чшо машь моя сжалась на мои му-

ченія будетъ уговаривать меня покориться волю нашего мучителя. Но она на прошивъ того подкрѣпляла меня переносить оныя для имени Христова и вѣчнаго блаженства, говоря: потерпи, любезная дочь моя, Богъ съ нами, онъ намъ дастъ терпѣніе и силы перенести все муки. Въ самомъ дѣлѣ, не смотря на всю мою молодость, я такъ была шверда, какъ камень, и нечувствовала ни посрамленія, какое дѣлалось мнѣ посреди народа, ни побой, и, словомъ сказать, я въ разсужденіи всего того была совершенно мершвая; душа моя занята была единственно любовію ко Христу и святой вѣрѣ его. Я спокойно опивчала мучени мой: не бойся мачушка, я не опсману опъ шебя; пиранства ихъ я не чувствую, и они ничего изъ меня не вымучатъ. Мучени мой оказаны были сугубыя жестокости; и такимъ образомъ провели мы прои супки: привязанныя къ сполбамъ и принимая оныя служителей хозяина моего различныя ругательства и побой. Намъ пищу приносили шакую, какой не дають и соба-

камъ. Однако мы были неголодны; нѣкоторые чувствительные люди тихонько приносили намъ хлѣба, пшена и сыру.

Приключенія наши съ маперью уже извѣсны были въ городъ всѣмъ отъ малаго до большаго. Сынъ Сафаръ - Бека между тѣмъ по удивительному промыслу Божию ни выздоравливалъ, ни умиралъ; болѣзнь его не могла уже быть сильнѣе; онъ во все это время, болѣе мѣсяца, лежалъ безъ всякаго движенія, томился между смертію и жизнью. — Отецъ потерявши надежду увидѣть его выздоровѣвшимъ, желалъ уже одного конца. Друзья его будучи благоразумнѣе, собрались къ нему и совѣщавали чтобы насъ освободить, говоря: эта дивная болѣзнь съ швоимъ сыномъ, конечно есть Божіе наказаніе, и, можешь быть, за мученія, какія ты дѣлаешь спарухъ Армянкѣ и ея дочери; лучше освободи ихъ и принеси эту жертву для облегченія сына своего. Можешь быть Богъ за это помилуетъ его и не лишитъ тебя единороднаго своего

наслѣдника котораго ты смертію и мученіями сихъ несчастныхъ воскресить не можешь. Если уже эта дѣвка отказывается отъ всего благополучія и рѣшилась перпѣливо переносить свои мученія за свою вѣру, то оставь ихъ съ покоемъ. Подумай хорошенько объ этомъ: весь городъ знаетъ, что ты напрасно мучишь двухъ невинныхъ; ты потеряешь доброе свое имя; свои благодѣянія, какія ты до сего дѣлалъ несчастнымъ, забудутся въ памяти людей; тебя будутъ называть мучителемъ, ты лишишься и сына, и будешь разкаиваться въ напрасной и несправедливой своей жестокости. По крайней мѣрѣ испытай наши совѣты, которые дѣлаемъ тебѣ отъ усердія и искренней къ тебѣ дружбы. Ты всегда можешь ихъ убить, и теперь и послѣ, но неспыдно ли будешь тебѣ, почтеннѣйшему и первому въ нашей области человеку, оказывать власть и мщеніе надъ слабыми женщинами. Сафаръ-Бекъ склонился на ихъ совѣты, и тогда же послалъ насъ

освободить, но съ шѣмъ, чтобы привести къ нему публично связанныхъ. — На семь обратномъ пути мы сопровождаемы были опять ребятами теми же ругашельспвами; но едва ихъ слышали и не внимали ничему. — Насъ ввели къ Сафаръ-Беку въ собраніи всѣхъ бывшихъ у него друзей. — Онъ съ начала уговаривалъ мать мою, чтобы оставила на меня свои притребованія и совѣтовала бы мнѣ признаться его моимъ отцомъ и осмѣяться въ его законъ, что онъ за сіе оставилъ ее у себя и будетъ беречь ее староснѣ. Мать моя съ швердостію опречлась опять всего и сказала рѣшишельно, что ни благодѣнія его, ни мученія непобѣдящъ любви ея къ Богу и Свѣтой вѣрѣ Христіанской. Сафаръ-Бекъ обратился ко мнѣ, и съ возможною ласкою уговаривая меня, повпорялъ всѣ свои обѣщанія, а я повпоряла ему свои опрѣченія, и тоже опшвѣчала, что мать моя. Видя упорность нашу, онъ приказалъ насъ бити: мать мою и меня хлестали служители его большими масровыми прутьями

*) а Сафаръ-Бекъ, казалось, съ яростію упѣшался нашимъ глухимъ споноромъ. Друзья его вновь пронупные мученіями нашими убѣдительно просили его оставить свою жестокость, говоря: неужели ты въ самомъ дѣлѣ хочешь ихъ замучить и умертвить? ты видишь, что они готовы перенести все и даже умереть: они побѣдятъ тебя — и ты послѣ будешь мучиться совѣстію больше, нежели какое теперь дѣлаешь имъ мученіе; прослывешь варваромъ, а кровь ихъ будетъ вонять на тебя къ Богу. — Убѣжденія сихъ великодушныхъ людей, и наше шептаніе болѣе успѣдили его, нежели пронупы его чувствительность. Онъ противъ воли своей приказалъ перестать насъ бить, а друзья его въ пужь минушу наспоили, чтобъ онъ далъ намъ о свободѣ нашей бумагу и отпустилъ бы съ милостію, дабы нѣмъ сколько можно загладить свою несправедливость, и чтобы мы не проклинали его. Сафаръ-Бекъ склонялся уже

*) Масиръ, или Масро, се дерево, нѣтъ злая ягода, и спиды какъ у шиповника.

на все, потчасъ написалъ бумагу, приказавъ принести все мое платье и отдавая его мнѣ, прибавилъ къ шому на прощаніе наше сто піаспровъ. — Мать моя и я упали къ ногамъ его и благодарили за его милоспи. Равнымъ образомъ отдали нѣсколько поклоновъ его друзьямъ, копорымъ единспвенно обязаны были за наше избавленіе. При всей жестокоспи, съ какою поступалъ со мною Сафаръ-Бекъ, ему гореспно было разспашься со мною. Онъ самъ началъ уже просиць у насъ милоспи, чшобъ мы оспались у него въ домъ и управляли бы въ немъ всѣмъ, или по крайней мѣрѣ не выѣзжали изъ города, говоря мнѣ: я тебѣ воспишалъ какъ дочь мою и не могу съ лобою разспашься; по крайней мѣрѣ, доколѣ я живъ, будь здѣсь въ городѣ, чшобъ я могъ тебѣ всегда видѣшь и имѣшь о тебѣ попеченіе. Въ самомъ дѣлѣ онъ говорилъ въ эщу минушу ошъ чиспаго сердца, мы повшорили ему со слезами благодарносшь нашу и обѣщали оспашься въ городѣ.

Вышедъ оцъ него, пошли мы съ ма-
 шерью къ старому священнику, который
 давалъ ей предъ тѣмъ спасительныя на-
 ставленія, чѣмъ сохранишь вѣру свою.
 Священникъ сей, когда мать моя пошла
 оцъ него къ Сафаръ-Беку просить объ
 освобожденіи меня, подкупилъ одного из-
 вѣстнаго ему Персіанина, чѣмъ онъ на-
 блюдалъ и увѣдомлялъ его обо всемъ, что
 будешь происходить съ нами, дабы могъ
 донести о томъ Патриарху, и поному
 зналъ все, что мы претерпѣли. Онъ
 встрѣшилъ насъ съ радостнымъ лицомъ
 прославляя имя Божіе. — Къ приключенію
 нашему нужно было рассказать ему толь-
 ко самое послѣднее обстоятельство. —
 Онъ совѣщавалъ намъ, что хотя Сафаръ-
 Бекъ и распался съ нами хорошо и объ-
 щалъ оказывать покровительство, но это
 доброе его расположеніе скоро пройдетъ;
 природная мстительность возстанетъ въ
 душѣ его, и онъ подобно уязвленному змію
 будешь преслѣдовать насъ со всею зло-
 бою. — Мы, говорилъ онъ, подъ ихъ вла-
 стію — они могутъ дѣлать съ нами все;

на васъ выдумаютъ какое нибудь преступленіе — и подвергнутъ можешь быць большему бѣдспвію, нежели какое претерпѣли; а чѣтобъ избѣгнутъ сего, надобно вамъ какъ можно скорѣе отсюда удалитъ-ся въ Вагаршапанъ, гдѣ вы будете безопасны; тамъ Папріархъ можешь защищать васъ отъ всего. Онъ велѣлъ намъ поспѣшь приспѣшь къ какому нибудь Армянину и ни куда не выходитъ изъ его кварширы, пока онъ между тѣмъ приищеть надежнаго человѣка, проводитъ насъ до назначеннаго мѣста благополучно. По прошествіи нѣсколькихъ дней, доброй сей священникъ привелъ къ намъ шайно двухъ Армянъ, нанятыхъ имъ для нашего провозденія. — Дождавшись ночи, мы помолились Господу Богу усердно вмѣстѣ съ священникомъ, и отправились въ путь тѣшкомъ, будучи сопровождаемы его благословеніями. Армяне сіи зная хорошо тамошніи мѣста, гдѣ и какъ беречься отъ опасностей, дабы неопасся снова Лезгинцамъ, или другимъ разбойникамъ, повели насъ окольными дорогами, удаляясь

опть обыкновенной. Ночью припались въ каменьяхъ или оврагахъ, а ушромъ, начинающая продолжаясь пупь, осмапривались на передь, не ъдесть ли, или нейдесть ли кщо. —

Идучи такимъ образомъ, дошли мы до озера Кегамъ, или Севанъ, на копоромъ опть берега верспахъ въ двухъ увидѣли на островѣ большой спаринной Армянской Монаспырь. — Провожатые наши показали намъ пущь развалины древняго города Кег-Аркуни (чпо значипь Царское Село), поспроенный въ древноспи Кегамомъ, Царемъ Армянскимъ и разоренный до основанія Шахъ-Абасомъ. — Мъсположеніе пущь пріяшнѣйшее и особливо весною, въ копорое время мы проходили. Опдыхая на берегу озера, мы любовались окружающими насъ видами, но вмѣстѣ съ шѣмъ съ горестію взирали на опустошеніе споль прекрасныхъ мъспъ, гдѣ Армяне подь власпей законныхъ своихъ Государей жили благополучно. Провожатые рассказали намъ, чпо въ ономъ

озеръ вода сладка; рыбы великое множество, и чудесно то, что каждый мѣсяць рождается новая рыба, со всѣмъ другаго вида, такъ, что рыбы прошедшаго мѣсяца весьма рѣдко уже бывають видимы. Черезъ 12 дней прибыли мы черезъ Герхъ-Булахъ, (что значить 40 источниковъ) въ Ериванъ, а опшуда въ Вагаршапашъ. Только что вступили въ предѣлы сего города, что въ первые почувствовали въ груди нашей свободу и могли дышать безъ страха.

Бывшій въ то время Папріархъ Симеонъ, черезъ Ганджинскаго Священника зналъ уже все, съ нами шамъ случившееся. — Онъ самъ позвалъ къ себѣ мамъ мою, принялъ насъ съ благоволеніемъ и обнадежилъ всегдашнимъ покровительствомъ. — На пожалованные ошъ Сафаръ-Бека 100 піаспровъ, за уплавою провожавшимъ насъ Армянамъ договоренной цѣны, мы могли жить безъ всякой нужды довольное время. Между шѣмъ мамъ моя заботилась, какъ бы выдать меня за мужъ

за добраго челоуѣка и чрезъ то успро-
ишь мнѣ постоянную жизнь. По проше-
ствіи нѣкопорого времени, въ помѣ же
году пріѣхалъ въ Эчміацынской монаспырь
одинъ молодой челоуѣкъ, для поклоненія
изъ области Мушь *). Родомъ онъ былъ
Хачикіянecъ, копорый жилъ издавна такъ
какъ и онъ въ селеніи Варпенись. Аспва-
цашуръ, какъ звали сего молодаго чело-
уѣка, былъ Масперъ каменнаго дѣла. По
сему Папріархъ Симеонъ, какъ былъ лю-
бишель Художествъ, желая удержашъ
его у себя для пользы монаспыря, убѣ-
дительнымъ образомъ просилъ его ос-
тапьяся въ Ечміацынѣ, съ тѣмъ, что онъ
по временамъ можеть ѣздитъ на свою
родину для свиданія съ родителами, о
чемъ писадъ и къ нимъ. Какъ скоро онъ
на сіе согласился, то Папріархъ, чтообъ
удержашъ его у себя на всегда, вознамѣ-
рился его женишь. — Обѣщавшись намъ

*) Провинція Мушь, Курдустанской области, состоить подъ
Турецкимъ владѣніемъ въ Малой Арменіи. — Главный го-
родъ Мушь стоить на самомъ берегу Евфрата. Владѣють
сею провинціею преимственно Ики-Туглу-Паша (ш. е.
двухъ-букчужные) изъ рода Куртъ.

покровительствовашь, онъ въ награду за претерпѣніе наше, предложилъ ему въ невѣснѣ меня, и такимъ образомъ я выдана была за мужъ въ томъ же году. Мужъ мой, а швой опецъ, построилъ для себя домъ и два года жили мы спокойно и благополучно. Мы имѣли одну только печаль о смерти моей матери, которая умерла на другой годъ. Но по прошествіи двухъ лѣтъ сдѣлалась у насъ тревога; разбойники спали опять дѣлашь набѣги, а припомъ начались и междоусобныя безпокойствія. По сей причинѣ Ериванскій Ханъ велѣлъ жителямъ, для избѣжанія опасности, удалиться изъ селенія въ Синакскія горы на Южную сторону. Забравши наши пожитки, выѣхали и мы изъ дому въ Синакъ и прожили тамъ съ годъ. Здѣсь вскорѣ родился старшій швой братъ. Въ печеніи года мятежи успокоились совершенно и мы возвратились въ селенія; но нашли такое раззореніе, что жители едва могли распознать мѣста своихъ домовъ. Все было разломано разбросано, сожжено, и едва только въ нѣкоторыхъ мѣ-

стахъ споили стѣны. Отецъ твой принужденъ былъ вновь спроститься и сдѣлать маленькой домъ. Но чрезъ два года съ небольшимъ, нѣкоторые изъ монашескихъ причинили намъ новое безпокойствіе. Близость селенія отъ монастыря давала имъ способъ дѣлать непозволённые поступки. Папріархъ для отвращенія сего изпросилъ у Ериванскаго Хана позволеніе свести селеніе далѣе на 5 верстѣ. Нѣкоторымъ бѣднымъ Папріархъ сдѣлалъ пособіе деньгами. Здѣсь на новомъ поселеніи, по прошествіи также двухъ лѣтъ безъ мала, родилась Гирикнасъ, твоя сестра. Между тѣмъ отецъ, не знавши въ дому родителей своихъ никакихъ недостатковъ и заботъ, переносилъ со мною всё безпокойства и нужды, спалъ скупая свою жизнь и задумывался. Отецъ его писалъ къ нему неоднократно и убедительно просилъ, чтобы онъ ѣхалъ къ нимъ и со мною, дабы они могли имѣть утѣшеніе его видѣть и въ его глазахъ умереть, обѣщаясь исправить всё его нужды и оплатить долги, какіе бы онъ ни

надѣлалъ. Но какъ по опасности дороги
опъ насилій и грабежей, никакъ нельзя
было ѣхать со мною, а оставивъ меня
онъ не хотѣлъ, по сіе и было препяш-
спвіемъ удовлетворить желанію его ро-
дителей и желанію собственно нашему,
чтобъ удалился къ нимъ, какъ въ спо-
койное убѣжище и гдѣ могли бы мы жить
въ полномъ удовольствіи; ибо отецъ его,
а швой дѣдъ, былъ человекъ богачей. Ме-
жду шмъ печали и заботы сокрушали его
здоровье. Онъ сдѣлался боленъ и напо-
слѣдокъ не могъ уже совершенно попра-
виться. Мы не имѣли ни опъ кого ника-
кой помощи; не было у насъ никакого при-
ятеля, и никто даже не упѣшилъ насъ
хотя бы однимъ словомъ. Вся надежда
наша была обращена къ одному Богу шру-
дами моими доставала я дневное пропи-
паніе, а отецъ швой въ печеніе послѣд-
нихъ двухъ годовъ съ великою нуждою,
да и то рѣдко, могъ занимать свою
работою. На 10 году моего замужства,
1774 Апрѣля 20, въ самую спраспную
Субботу вечеромъ родился ты. — Спа-

рики и спарухи наши паковое время твоего рождениа сочли чудеснымъ и чрезвычайнымъ. — По спариннымъ примѣшамъ и сказкамъ присудили, чпобъ я непременно взяла опъ жерпвѣнной перваго дня Пасхи скопѣины коспъ лопашку, и положила бы къ тебѣ подъ головы до 7-ми лѣшняго возраста, опъ чего по предсказанію ихъ, должѣны бышь весьма мудрымъ и славнымъ чело-вѣкомъ. Хопя я была уже 22 лѣшь, но такъ лестное и упвердительное о твоемъ рождениі мнѣніе спариковъ, заставило меня вѣришь имъ; со всею простопною ребенка по крайней мѣрѣ я боялась, чпобъ въ самомъ дѣлѣ не упустишь твоего счастья и легко приняла суевѣрное ихъ наспавленіе, которое дѣлали они мнѣ про-рицательнымъ голосомъ, и, даже повели-тельно. Лопашка была взяпа и положена тебѣ въ головы; но послѣ, по прошествіи нрехъ годовъ, я думала о дѣйствіи сей коспи проотивное предсказанному, и из-полча бросила ее въ рѣку. Крещеніе твое надлежало совершить на другой день, т. е. въ Свѣшное Хрисшово Воскресеніе, но

какъ мы съ опцомъ швоимъ находились уже въ крайней бѣдности, по и немогли для того справиться такъ скоро. Припомъ же онъ въ болѣзни своей уже такъ былъ слабъ, что едва могъ ходишь по горницѣ, а я послѣ родовъ не могла скоро собратъся съ силами *) Нѣкоторые уже изъ сосѣдей, видя наше положеніе, помогли намъ въ шомъ, и, какъ я замѣшила, по усердіе ихъ на сей разъ происходило опъ почшенія къ чрезвычайному, по мнѣнію ихъ, рожденію швоему; и такъ окрестили шебя въ слѣдующер Фомино Воскресеніе *); при семъ случаѣ и самъ даже священникъ непреминулъ поздравишь меня съ швоимъ рожденіемъ и вмѣспѣ съ другими пророчиль о швоей премудрости и знашности. Между шѣмъ опецъ швой въ продолженіи послѣднихъ 4хъ мѣсяцовъ опъ рожденія швоего будучи уже пляжко

- *) Женщина родильница, по нашему обычаю, прежде шести недѣль не можетъ ходишь со двора днемъ, кромѣ вечера, когда скроется солнце; и ни кто во все шо время не будетъ ѣсть изъ ея рукъ или пригошвленной ею пищи.
- *) Я собшвенно для себя замѣшила, что въ Фомино Воскресеніе избавилась нашъ мол опъ Сафаръ-Бека.

болѣнь, Юля 24 умерь, оставя меня съ вами одну переносить всѣ бѣдствія ужасной бѣдноспи. Горесць моя пѣмь была сильнѣе, чпо въ немь имѣла я единственнаго друга; лишившись его, мнѣ не съ кѣмь уже было раздѣлять печалей. Мы упѣшали одинь другаго и чрезъ по доставляли сами себѣ нѣкоторыя минушныя опрады. Старшій браць пвой былъ въ это время близъ 7 ми, а сеспра 3 хлѣпъ. Предавши землѣ пѣло покойнаго отца пвоего, я должна была думать о способахъ къ продолженію моей жизни и къ вашему воспитанію. — Впорое замужство могло бы поправитъ мое соспоаніе и мнѣ еще можно было очень надѣяпсья выйпн замужь за какого нибудь пожилаго достаточнаго вдовца, еспѣли бы была я легкомысленнѣе и менѣе бы любила васъ, но я въ разсужденіи сего не обольщала себя никакими надеждами и думала, чпо я согрѣшу предъ Богомъ, еспѣли посягну быпъ женою другаго мужа, проживъ съ первымъ девяпъ лѣпъ и имѣя уже опѣ него шрехъ дѣшей. Богъ далъ мнѣ мужа,

я любила его и онъ меня любилъ; Богъ его взялъ, но любовь мою къ нему должна я сохранить въ сердцѣ моемъ на всегда и только для васъ. Вопчимъ не можемъ васъ любить, какъ родной отецъ; а когда будете другіе дѣши, то и возненавидите васъ. Женятся на вдовѣ для богатства, но я кромѣ нищеты неимѣю ничего; для красоты — но лучшая красота моя прошла; она увяла, ошъ пруда и печали, какъ цвѣшокъ ошъ морозовъ; — для любви, моя любовь въ могилѣ — для дѣшей, но я имѣю уже проихъ. Такъ рассуждая сама съ собою, я вспомнила о пшицѣ Керункъ и привела себѣ ее въ примѣръ: поперявъ свою пару, она не шокмо не ищеть другой, но и удаляется ошъ спада; уединенна изнуряетъ себя около береговъ и наконецъ умираетъ. Такое поспоянство и шерпѣніе въ швари, неодаренной разумною и безсмертною душею, не должны ли наиболѣе соспавлять качествъ челоука, — превосходнѣйшаго шворенія Божія, — нежели прошивною тому слабѣшю унижашься паче безсловѣсныхъ.

И такъ я избрала единственнае средство, чтобъ шыгость состоянія моего сносить терпѣливо, рѣшилась собрать къ тому всѣ душевныя мои силы, просить всегда Бога о подкрѣпленіи моего терпѣнія и снискивать пропитаніе для себя и для васъ трудами. Днемъ шкала ковры, вечеромъ пряла бумагу, — и съ помощію домашняго хозяйства, цѣлые пять лѣтъ по милости Божіей я жила съ вами безъ всякой нужды и даже порядочнѣе нѣкоторыхъ досташпочныхъ нашихъ людей. — Но по прошествіи сихъ пяти лѣтъ, (въ 1779 году) разрушено было опять спокойствіе жителей. Грузинскій Царь Ираклій, потребовалъ отъ Ериванскаго Хана дани; но онъ въ томъ ему отказалъ. Ираклій собралъ войско и пошелъ на Ериванъ войною. При вступленіи его въ область Арарашскую, Папріархъ Симеонъ вышелъ ему на встрѣченіе въ деревню Ашшаракъ, *) и употреблялъ всевозможныя убѣжденія отклонить его отъ сего предпріятія,

*) Ашшаракъ отъ Вагаршапата примѣрно вѣрстахъ въ се- рока.

представляя ему, что требуемая имъ дань и опказъ Хана во вся не сполнитъ того, чтобъ веспи за то войну, пребывающую великихъ издержекъ, и крови многихъ тысячъ людей; что онъ постарается употребить посредство свое склонить Хана къ удовлетворенію его пребыванія и надеется въ томъ успѣть; но Ираклій не внималъ ничему; восемь самыхъ богатыхъ Армянскихъ селеній удалились къ Баязиду на Турецкую границу, а прочіе по Христіанству приняли сторону Ираклія. Патріархъ паки употребилъ свое посредство при деревнѣ Паракаръ; но и на сей разъ оно оспалось безъ всякаго успѣха. Ираклій началъ непріятельскія дѣйствія спрѣлнїемъ изъ пушекъ прошиву крѣпости; но сіе не произвело въ Персіанахъ ни малѣйшаго страха: они отвѣчали ему со стѣнъ одними насмѣшками. Ираклій опвергнувши совѣты Патріарха, принужденъ былъ опспашь опъ своего намѣренія и прошивъ воли. Наступающая зима грѣзила ему погибелью всего его войска опъ сшужи и голода. Неудача сія раздражила

его до жестокости; онъ оказалъ ее особливо надъ Армянами, копорые хотя и полагали на него всю надежду, что онъ избавишь ихъ отъ ига Персидскаго, и для сего оказывали ему всякое при семь случаевъ усердіе и сдѣлались бунповщиками прошиву своихъ власпелнновъ. Ираклію казалось мало разорить только шѣхъ, копорые оспадись при своихъ селеніяхъ; но разослалъ своихъ чиновниковъ уговорить удалившихся къ Баязипу возвратишь къ своимъ мѣстамъ, и поспавляя порукою Папріарха, увѣрялъ, что онъ пришелъ въ обласъ ихъ единспвенно для ихъ освобожденія; что ни о чемъ такъ не думаетъ, какъ о ихъ благососпощіи и будеть прилагать о помъ всевозможныя попеченія; и на конецъ, чтобы они оппложая всякой страхъ, возвратились въ свои дома. Нещаспные, убѣжденные поручишельспвомъ Папріарха, къ коему имѣли полную довѣренность и любовь, прибыли къ своимъ мѣстамъ, только для того, чтобы содѣлашься жертвами самыхъ ужасныхъ насилій. Кромъ нашего селенія

Вагаршапапа и еще нѣсколькихъ ближайшихъ къ Эчмиацыну деревень, заключившихся для безопасности въ крѣпость монастыря *), всѣ прочіе были раззорены, или сожжены; имѣніе разграблено; бѣдные и богатые опшвѣдены плѣнными въ Тифлисъ и раздѣлены Иракліемъ между его Князьями. — Но этого еще не довольно: не смотря на то, что и Персіане при всѣхъ грабительствахъ своихъ ни когда не касались мѣстъ священныхъ и уважали храмы, — воинство Ираклія раззорило и ограбило всѣ монастыри и церкви на Аракашской горѣ и въ другихъ мѣстахъ находившіеся, такъ, что кромѣ пусыхъ стѣнъ ничего въ нихъ не оспалось. Папріархъ Симеонъ, заключивъ Вагаршапашскихъ жипелей въ Монастырскія стѣны, просилъ Ираклія не раззорять нашего селенія, обѣщаясь удовлетворить всякому его требованію, что имъ и было исполнено. Между многими другими его требованіями, даны ему опъ Папріарха знаш-

*) Крѣпости сей прежде не было, а построена попеченіемъ Папріарха Симеона.

ныя денежныя суммы, и такимъ образомъ Папріархъ спасъ насъ ошъ того бѣдспвія кошорому подверглись всѣ прочіе Армяна, и каковаго не прешерпѣли еще ни при какихъ безпокойствахъ и грабежахъ со спороны впорженія Лезгинцовъ, и прочихъ горскихъ разбойниковъ. Изъ числа плѣнныхъ, взятыхъ Иракліемъ, большая часпъ слѣдовала за нимъ въ самомъ ужасномъ сосщояніи; они не имѣли ни одежды, ни обуви, все у нихъ было опнято и ограблено, многіе погибли на дорогѣ ошъ голода, а многіе спаслись бѣгспвомъ приведенные же въ Тифлисъ, одни разсѣлены были по разнымъ самымъ опаснымъ мѣспамъ ошъ разбойниковъ, а другіе розданы Князьямъ и прочимъ Грузинскимъ дворянамъ, коихъ они называютъ нынѣ своими крѣпоспными *), и спаралсъ ли-

*). Армяне были и есть всегда всѣ свободные, и присволяютъ ихъ въ кошорые въ крѣпоспность со всѣмъ неправильно, не имѣя на шо ни какихъ докуменщовъ, да и бытъ оныхъ никогда не можеть. Турки никогда Армянъ не покупають, что спрого у нихъ запрещено, а Грузинцовъ покупають обыкновенно какъ и прочіхъ невельнщковъ,

шипъ свободы, угнѣпали ихъ всякими припѣсненіями и не рѣдко до крайности.

Сіе произшествіе уподоблялось нѣкопорымъ образомъ преселенію Вавилонскому и еспьли не превосходило, по и ничѣмъ неуступало раззореніямъ, учиненнымъ Шахъ Аббасомъ; попому чпо при плѣненіи Вавилонскомъ пощажено было человекство, и плѣнные Іудеи можеть бысть не прешерпѣли того, чпо прешерпѣли Армяне, опъ глада, нагошы и проч. а въ послѣднемъ случаѣ и свяшость храмовъ оспалась неприкосновенною и уваженною *). Слѣдствія сего раззоренія были не менѣе плачевны поля оспались въ запусѣніи и опъ того цѣлые два года продолжалась шакая дороговизна, чпо

*) Персіане храмъ всякой религіи, не смотря на разность закона, уважають сполько, сколько должно уважить мѣсто, посвященное богу и молитвамъ. Шахъ Аббасъ, при своемъ нашествіи, повѣсилъ въ Эчміадинѣ богашую лампу кошорая и до нынѣ тамъ находится. Нынѣшній Шахъ (или Шахъ-Зада) бывъ въ Эчміадинскомъ Монашырѣ, вошелъ въ храмъ не иначе, какъ входятъ и въ свои мечети, скпнувъ въ предверіи шифли, и повелѣвъ напередъ полъ храма устлать драгоцѣнными коврами.

Лидеръ (10 фуншовъ) хлѣба, продавался 15 пѣспровъ на Турецкія деньги, да и того взять было негдѣ. По сему бѣдные и богатые приведенные въ бѣдность, должны были пищаться быліями и умирашь съ голода.

Папріархъ Симеонъ носилъ въ душѣ своей сіи язвы народа. Всеобщее бѣдствіе людей, изпаявавшихъ въ глазахъ его опъ глада; разхищеніе имѣній и раззореніе храмовъ Божіихъ повергло его въ жеспокую скорбь. Казалось, что неусыныя его попеченія и благоразуміе, полагали швердыя основанія благососпоянію народа Армянскаго: онъ упошреблялъ къ шому всѣ средства и усилія, и народъ ощущалъ уже въ довольной мѣрѣ благодѣпельные плоды по истиннѣ паспырскаго его управленія; но Царь Ираклій, шакъ сказать, въ одинъ часъ и однимъ ударомъ разрушилъ все. — Повсюду видны были слѣды запуспѣнія, нищепы и губипельства; а осшавшаяся часть народа представляла не людей, но образъ изшомленныхъ скипающихя шѣней. — Всѣмъ примѣшны были внушрен-

нїа мученїа Папріарха, что онъ не въ силахъ былъ удовлетворить нуждамъ цѣлаго народа и облегчить бѣдственннй ихъ жребій. — Впрочемъ онъ дѣлалъ все, что только было въ его возможности, и явно изливалъ изъ сердца своего прискорбннй чувствованїа, кои столь были сильны, что онъ, какъ добрый паспырь, напередъ опдавъ Господу опчопъ въ дѣлахъ своихъ и въ управленїи ввѣреннаго ему спада, просилъ о прекращенїи жизни его. Часпо съ горькими слезами представлялъ онъ, что спараясь щцательпо соблюспи, устройспи и сдѣлашь благополучннмъ сколько возможно малое спадо свое, не можешъ перенеспи наспигшаго насъ жребїа и при семъ возклицалъ къ Богу, что онъ не виненъ въ крови овецъ, опъ Него ему врученннхъ; что онъ полагалъ за ннхъ душу свою, но не въ силахъ былъ спаспи опъ волковъ, кои ихъ разхипили и разперзали. Къ сему нещаспїю присовокупилось еще другое для Папріарха чувспвнпельное обспояпельспво, что нѣкоторые изъ нацїи нашей, опдалнвшнсь

опъ вѣры опцовъ своихъ, утвержденной на Никійскомъ Соборѣ, и сдѣлавшись Папистами, или Езуитами, спарались возвращашь слабыхъ, и ложными своими умствованиями, коихъ цѣлю единственно былъ обманъ и корысть, совращашь прососердечныхъ деревенскихъ жипелей съ истиннаго пуши.

На конецъ печали сіи, изнурившія душевныя и тѣлесныя его силы, по прошествіи 8 мѣсяцовъ прекрашили его жизнь. Тѣло сего достойнѣйшаго пастыря погребено съ прочими Папріархами въ Моноастырѣ Св. Мученицы Каіаны и сопровождаемо было всеобщими рыданіями. Сею поперею нещасіе наше усугубилось несравненно. Народъ лишился въ немъ единственной поддержки, защитника и самаго ревностнаго попечителя нашей вѣры *).

*) Папріарха Симеона по справедливости можно почестъ четвертымъ по Просвѣстителѣ Григоріѣ. — Онъ возобновилъ и устроилъ въ совершенномъ порядкѣ церковное служеніе, которое до того по разнымъ упущеніямъ въ рукописяхъ приведено было въ большое неустройство; усовершенствовалъ типографією своею прежнія ошибки и свящцы имъ

Послѣ него вступилъ на Папріаршій престоль Архіепископъ Лука изъ города Каринъ, (по Турецки Арзрумъ), въ это время уже пы былъ на 8 мь году. Я намѣрена была употребить всѣ силы, обучить себя грамотѣ и ввеси въ духовное званіе, чпобъ пы содѣлавшись наконецъ служилелемъ церкви, молился Богу объ оппущеніи грѣховъ швоихъ родителей, надѣясь при помъ, чпо пы будешь мнѣ подпорою въ спароспи моей и спашешь поддерживать брата твоего и сестру. — Я прибѣгла къ монастырскому переплетчику, нашему сосѣду, и просила его со слезами, чпобъ онъ взялся шебя выучить грамотѣ. Онъ охотно на это согласился, но съ великимъ прудомъ могла я для ученья швоего сыскашь доску *).

написанные сохраняшь вѣчной порядокъ и будешь смдѣшельствомъ какъ великихъ его дарованій, такъ и приверженности къ службѣ божіей и церкви. — Равнымъ образомъ прилагалъ онъ неуспынное спараніе о благосостояніи народа, выписывалъ нужныхъ художниковъ, ободрялъ всякія полезныя мастертства и дѣлалъ всѣ нужныя пособія.

*) Азбуку учать у насъ на доскѣ изъ дерева грецкихъ ореховъ, на которой училель пишеть буквы шущью. За ученье

Ты учился весьма прилѣжно и въ продолженіи одного года могъ уже чипашь очень хорошо и отвѣчашь на многіе вопросы о вѣрѣ на память. Ты спашь славилъся въ нашемъ селеніи; всѣ тебѣ завидовали, потому больше чпо ты былъ сынъ самой бѣдной вдовы, между тѣмъ какъ дѣти нашихъ богатыхъ людей не знали грамоты и не учились. Староста нашей деревни Карапешъ былъ человекъ очень доброй и одинъ почти онъ принималъ въ тебѣ участіе, одобрялъ мое стараніе и по добротѣ души своей радуясь успѣхамъ твоимъ въ ученіи, оказывалъ намъ покровительство. Но не смотря на то, по прошествіи нѣкотораго времени, одинъ изъ десятиниковъ, у котораго сынъ былъ совершенно безсмысленной и ни къ чему неспособный, кромѣ простой полевой работы, изъ зависти спашь не рѣдко отвлекалъ те-

блательнѣе; а по праздникамъ родители дарятъ того человека чѣмъ могутъ. Сверхъ того ученикъ дѣлаетъ у него въ домѣ все, какъ крѣпостной работникъ. Вообще учителя поступаютъ съ своими учениками самовластно и часто наказываютъ ихъ самымъ широкимъ и безчеловѣчнымъ образомъ.

бя опть ученья и посылашь на работы. Тогда я принуждена была сравняшья съ ребятами, и вмѣсто себя исправляла все то, что себя дѣлашь заспавляли, давая тебѣ способъ продолжашь свое ученье. Но когда, къ нещасію нашему, покровитель нашъ Карапешъ померъ, то управлявшій въ то время деревнею, одинъ изъ духовнаго званія, по имени Калустъ, изъ деревни Ашпаракъ, человекъ жестокосердой, копорого душа исполнена была злобы и ненавиденія, опредѣлилъ на мѣсто Карапеша спароспою Сагака, человека совершенно глупаго, который безпрестанно говорилъ самъ незная что. — Никогда и ни кто кромѣ безполковаго и глупаго вздора, ничего опть него неслыхаль. Онъ каждое ушро, вспавая рано, ходиль на сборное мѣсто только за тѣмъ, что бы споя, или ходя, молось что только на языкъ ему попадепся и ругашь тѣхъ, кого могъ онъ обижашь. Спрашивая изъ бѣдныхъ то того, то другаго, поспавлялъ за удовольствіе поносишь безчестными словами ихъ самихъ, или родспвенниковъ ихъ

кого ему вздумается; прочіе старшины и богатые люди деревни нашей были неумѣе его, или очень мало, словомъ сказахъ, что ни добраго нрава, ни здраваго разсудка почти со всѣмъ не имѣли. — Въ одно время, когда я исправляла за себя работы и была за то опъ десятника очень обижена, пришла къ Сагаку съ жалобою, и объясняя ему мою обиду, просила его оказатъ мнѣ съ сиротами опъ припѣсненій защити, но онъ вмѣсто того закричалъ на меня съ бранью, для чего я нейдю за мужъ, и выгналъ меня вонъ.

Съ тѣхъ поръ перенося на себя всѣ трудности и обиды съ терпѣніемъ, я избавляла чрезъ то себя опъ всѣхъ огорченій; собирала съ поля оспапки пожинаемаго хлѣба; шрудилась день и ночь, чтобъ достатъ вамъ пицу, и нѣсколько разъ принимала побои, публичныя ругательства и насмѣшки, ожидая только того, что когда ты въ состояніи будешь читатъ въ церкви, тогда уповала я найши въ людяхъ нашихъ честъ и видѣтъ

шебя въ покоѣ и уваженіи. — Но изверги опняли у меня и сію послѣднюю надежду злота и завись ихъ, какъ пы видишь, еще болѣе умножилась. Они вздумали погубить тебя, приготоваля тебѣ ядъ и изоцряя на тебя кинжалы свои. Ахъ! любезный сынъ мой! Тебѣ ничего больше не оспается дѣлать, какъ положившись на покровишельство Божіе, удалиться отсюда. Возьми кресль, одѣнься въ волосяную одежду пуспынниковъ и ищи себѣ убѣжища, гдѣ найши можешь. Я ничего больше не могу для тебя сдѣлать, какъ только молишься, чпобъ Богъ далъ тебѣ перпѣніе и помогъ войти въ какой нибудь монашпырь съ швоею бѣдноспію *) Неослабѣвай въ упованіи на Бога, и иди въ слѣдъ Христа Спасителя нашего. Онъ сказалъ, кпю не оставитъ отца и мать свою ради Его, шопнѣ не достоинъ Его. — Я разсказала тебѣ произшествія жизни

*) Въдному почши невозможно, или весьма шрудно попасть у насъ въ Монашпырь. Туда принимаютъ только досташпочныхъ, или по покровишельству какого шместъ богатшаго человека что со мною и случилось.

моей для того, чтобы мои страдания, перенесенные мною с матерью моею для любви Божией, и помощь Его, оказанная в избавлении нас от разных бедствий, послужили тебе примером и утвердили тебя в том уповании что Бог всегда силен; можешь возвести падшаго, воскресить умершаго, и от камня воздвигнуть семя Авраама. Мы взяли от земли и обратимся в землю. Век наш пройдет подобно тени и как мимо текущая вода, а с нею и все печали наши. Насполняя жизнь наша есть странствование и путь, на котором текут слезами пожнутой радости в будущей вечной жизни. — Не желай ничего, кроме перенесения и неисти от других утешений, кроме любви и упования на Бога, будь верен до смерти и ожидай награды только в будущем веке. — Не огорчайся давишим приключением. Бог накажет обидевших и наградит тебя за твою невинность. Помни сии мои наставления, и мои произведения и страдания поставляй себе примером; утверди

ихъ въ швоей памяти и сердцѣ. Сохрани Христiанскую вѣру, кошорой обучаюшь шебя; я даю шебѣ сіе завѣщаніе и естли ты сохранишь его, шо будешь благословенъ ошъ Бога.

Послѣ сей испоріи мать моя осыпала меня жарчайшими поцѣлуями и прижимая къ сердцу своему, продолжала упѣшашь меня и совѣшовашь чшобъ надѣялся на помощь Божію. — Въ продолженіи разговора ея, я, шакъ сказашь, пиль мои слезы; старшій мой брашь и сеспра плакали не меньше меня. — Такимъ образомъ провели мы весь вечеръ за полночь. На слѣдующее упро весьма рано, когда еще не разсвѣшало, мать моя услышала спукъ у ворошь и по голосу узнала шого десятишника, кому приказано было ошъ старшаны смотрѣшь за мною. — Не предвидя изъ прихода его ничего добраго, мать моя не прежде его впустила, какъ по шихоньку выведя меня на дворъ и скрывши въ сухомъ коровьемъ навозѣ, кошорый обыкновенно запасаешся у насъ на зиму для

шопки печей. Взощедь въ герницу, потчась спросиль меня. Она опвѣчала ему, что я пошелъ учись. Не за долго предъ тѣмъ временемъ, машь моя тайно опдала меня для ученья къ другому доброму чловѣку, для того, что у прежняго моего учителя всегда за мной караулили, чтобъ упащись на работу, коль скоро меня увидяшь. Десятникъ не зная о перемѣнѣ моего учителя пошелъ къ сосѣду, но ненащедь и шамъ, возвратился къ спароспѣ съ опвѣшомъ, что нигдѣ меня не нашоль. Только, что онъ вышелъ опъ насъ, то машь моя потчась послала меня къ новому моему учителю. Сей доброй чловѣкъ, будучи свидѣтелемъ сдѣланнаго со мною на канунѣ поступка, весьма объ ономъ соболѣзноваль; зная же и прежде зависпѣ и не доброжелательство нашихъ богатыхъ людей и начальниковъ, при малѣйшемъ сомнѣннн, что меня ищуть, или карауляшь, прашяль шакъ же въ коровій навозъ, или въ хлѣву въ сѣно. Но на сей разъ сдѣлаль большую неоспорожностпѣ, опспуспивъ въ полдень домой обѣдашь,

*

полагая, что тогда всякой сидишь съ своимъ семействомъ за споломъ и я могу итти и возвратишься безопасно. Но вышло на прошивъ. Староста будучи огорченъ опшвѣтомъ десятичника, и угрожая ему самому наказаніемъ, приказаль, чпобъ непременно меня опыскаль и привель къ нему. — Собственнаа опасность подвергнувшись наказанію, заставила его подумашь о семь хорошенько. — Дождавшись обѣденнаго времени, онъ пришель къ намъ на угадь, и къ нещасію нашему не ошибсь. Я неуспѣль еще окончить обѣда, какъ онъ вдругъ прямо взошелъ въ горницу и съ злобною радостію закричалъ на меня: а! попался: — вошь мы выучимъ тебя по своему! и съ бранью укорвя, что онъ долженъ бы былъ шерпѣшь за меня наказаніе; билъ меня по щекамъ и палкою по плечамъ, угрожая при шомъ: сколько еще я долженъ буду шерпѣшь наказаній опъ его рукъ. — Бѣдная машь моя не могла въ защищеніе мое ничего другаго сдѣлашь, какъ только говорила ему съ рыданіемъ, что она жelaешь и просишь Бога уви-

дѣшь, чшобъ и съ его дѣшьми было по-
сшуплено такимъ же образомъ, и чшобъ
они осшались сиротами безъ покровитель-
сшва и въ шакое же угнѣшеніи, какъ и
нешаспной меньшей сынъ ея Артемій.
Десяпникъ на сіи слова оставя меня, об-
рашилсѣ къ ней, и ударивъ нѣсколькo разъ
по лицу, схватилъ ее за волосы и ша-
скаль, приговаривая, что какъ она осмѣ-
лилась ему прошивишьсѣ и говоришь такъ
дерзко; а еспшли хочешъ защищашъ сво-
его сына и сдѣлашь его ученымъ: шо са-
ма бы за него работала все, что онъ ее
засшавишь и приказывалъ ей взивъ Тагу-
чакъ *) идни за нимъ вмѣстѣ со мною
къ спаросшѣ. Мать моя просила его убѣ-
дительно пощадить насъ и чшобъ онъ не
прогаль ее хопи шопъ день, говоря, что
ей не на кого оставишь малолѣшныхъ
дѣшей и дому своего, что еспшли она не
будешъ имѣшь времени дѣлашь на себя,
шо намъ ни кшо ничего не дашъ и не

*) Железо на подобіе каменщичьяго кирка, насаженное на
длинной палкѣ, аршина въ полшора, чѣмъ полюшь у насъ
шраву, расшущую между хлопчатой бумаги.

принесеть; что мы по малолѣпству не въ состояніи еще сами себѣ доставать пропитаніе, и что она исполнивши пѣмъ днемъ свои нужды, пойдетъ на работу завтра; но ни слезы, ни вопли брата и сестры моей ни мало не пронули сего изверга. Онъ принудилъ мать мою слѣдовать за собою, шаца ее за волосы. Будучи ожесточена до крайности и вышедъ изъ терпѣнія, ударила она десятника пагучакомъ въ голову и прошибла до крови. Десятникъ и безъ того будучи человѣкъ жестокой, шаковымъ поступкомъ матери моей приведенъ былъ въ совершенную ярость; прибилъ ее до полусмерти и бросилъ на улицѣ почти въ безпамятствѣ; но неудовольствуясь симъ, пошелъ уже не къ старостѣ, а къ самому управляющему деревнею Калусу, и жалуюсь на поступокъ матери, представлялъ ему о ее неповиновеніи; что она ни сама не хочетъ ходить на работы, ни дѣшей своихъ не посылаетъ, а думаетъ только о томъ, что бы насъ сдѣлать учеными, отдавши одного сына учиться башмачному

масперству, а другаго грамотѣ. Калустѣ въ это время былъ въ Кали, (родъ овина, гдѣ у насъ очищаютъ пшеницу.) По повелѣнію его, человекъ шесть изъ его служителей, тотчасъ пошли и припалили къ нему мать мою за волосы. Калустѣ лишь увидѣлъ ее, то съ звѣрскимъ ожесточеніемъ закричалъ на нее: какъ осмѣлилась она неслушаться десятника и оказати неповиновеніе къ повелѣніямъ его, какъ главнаго начальника и управляющаго всѣмъ селеніемъ, и кто далъ ей право исправлять съ прочими работъ, какія ей приказываютъ, и стараться только о томъ, чтобъ дѣти ея были ученые. — Мать моя избитая и почти изувѣченная, едва уже могла говорить; однако отвѣчала ему съ подобострастіемъ слѣдующимъ образомъ: милосивѣйшій господинъ! (погда, какъ онъ немилосердѣе былъ шигра,) я бѣдная вдова, ничего не имѣю, кромѣ того, что доспану моими шрудами; нѣтъ у меня ни какой помощи и покровителя, и не отъ кого мнѣ получить даже добраго совѣта; дѣти мои малолѣтны, сами

ничего доспавать себѣ еще не могушь. Я должна ихъ воспитывать; а еспьли я буду всякой день ходишь на ваши работы, то получая за цѣлой день только двѣ пары, по нынѣшней дороговизнѣ не покмо для дѣшей, но и для себя не могу доспавать сполько хлѣба, чшобъ бышь сытою. Я одна, и не покмо ни кпо не принесешь имъ хлѣба, но и присмотрѣшь за ними и за домою не кому. Окажише вашу милоспъ мнѣ и несчастнымъ моимъ сиротамъ: дайте мнѣ облегчение, пока они придуть въ возрастъ, тогда мы общими силами вознаградимъ по, чего я не могу пещерь дѣлать для васъ одна, — и сію просьбу свою заключила жалобою на десятника. — Калуспъ смопря на нее съ адскимъ ослабленіемъ, вмѣсто того, чшобъ убѣдисься справедливою ея жалобою на десятника и оказатъ ей зацщпу въ которой неопказали бы въ подобномъ случаѣ и самые люпые звѣри, еспьли бы разумѣли голосъ человѣческой; осыпавъ ее ругательствами, неприличными ни званію его, ни полу матери моей, за то, чшо

осмѣлилась она опивѣчашь предъ нимъ, приказалъ съ совершеннымъ хладнокровіемъ привести сильнаго челоуѣка и принести кярмасы *). Приказаніе его пошчасъ было исполнено. Привели дюжаго мужика, который взявъ мать мою за руки, держалъ ее крѣпко на своихъ плечахъ, а другіе били ее до шѣхъ поръ, пока у ней во все уже не спало голоса и все платье на ней было смочено кровью. Я слѣдовалъ все за нею и былъ свидѣтелемъ оказанныхъ надъ нею жесточайшихъ шираншвѣ Чипапели мои, ештли могушъ, пусть предспавлпъ, какво при шомъ было мое положеніе, и можно ли во всей подсолнечной указать на народъ большой люпосши.— Не больше ли это значить шого, чшо дикіе, которые по образу и жизни своей походятъ болѣе на звѣрей, вѣдлпъ своихъ непріятелей?

Такимъ образомъ насыпившись кровію мапери моей, спащили ее въ домъ шакже

*) Дерево гибкое и не шолще какъ въ палець изъ которыхъ дѣлаюшъ чубуки; ештли намазашъ ихъ масломъ, шо они будутъ мягки какъ пѣши и не ломаюшся.

за волосы. — Она споль сдѣлалась опасна въ жизни, что въ пошъ же день приобщили ее свяпыхъ пайнъ. Въ семь прудномъ положеніи находилась она съ мѣсяць, а съ постели могла вспашъ не прежде, какъ по прошеспвіи прехъ мѣсяцовъ. Между шѣмъ я, мой брапъ и сеспра, каждый день были гоняемы на работы, и нѣкошорые уже изъ сосѣдей, шакъ какъ мапъ моя имѣла у себя скошину и домъ, сжалившись надъ ея спраданіями и нашимъ беспомощнымъ сиропспвомъ, приходили исправляпъ домашніа наши нужды, когда мы сами всего исправпъ неуспѣвали. Не смотря на малолѣпство и пруды, какія я долженъ былъ переноспъ въ будничныа дни недѣли, по воскресеньямъ шайно уходилъ къ моему учипелю и продолжалъ ученье. — Въ эпо время я почти одинъ поддерживалъ наше семейство. Бывая въ церквѣ по праздничнымъ днямъ, и съ шѣхъ поръ, какъ выучился чипашъ, я съ величайшимъ вниманіемъ примѣчалъ порядокъ церковнаго служенія; имѣя же хорошую память, многое изъ онаго зналъ на изуспъ.

Священники меня любили за мою расприходность. Ходя на работу и съ работы, я каждый день заходилъ по къ шому, по къ другому, и доспавалъ опъ нихъ: хлѣба, сыру а иногда и деньги. Они брали меня съ собою на похороны, крестины и на другія шребы; при чемъ я исправлялъ должность дьячка и получалъ опъ шого нѣкошорой доходъ. — Впрочемъ случалось со мною не одинъ разъ и то, что полученныя за полевые работы деньги, иногда дней за десяць, были у меня опнимаемы, по приказанію нашихъ богатыхъ людей и начальниковъ. Напримѣръ: узнавъ кто идешь съ деньгами, прикажущъ десящнику его ошановить, и подъ предлогомъ, что будшо бы корова, или другая скопина его вошла въ ихъ поле, и пошравила пшено, пошребующъ зашлупить за убьшпокъ; и такимъ образомъ поступали они со многими бѣдными людьми.

Въ продолженіи помянушыхъ шрехъ мѣсяцовъ, какъ машъ моя съ шрудомъ еще шолько могла бродить по горницѣ, умеръ

торговавшій въ нашей деревнѣ наѣздомъ Армянскій купецъ Айвасъ, изъ города Астабага, что въ Нахичеванской провинціи Персидскаго владѣнія. Такъ какъ онъ не имѣлъ шупъ наследниковъ; то по праву монастыря посланъ былъ отъ Патриарха Луки Архимандритъ Карапешъ, для взятія на монастырь находившагося при немъ имѣнія послѣ его погребенія. — Я поспѣхъ воспользовался симъ случаемъ и выбравъ время, когда въ церкви кромѣ священнослужителей никого изъ постороннихъ не было; пришелъ въ церковь; читалъ по усопшемъ псалмырь, и что слѣдуетъ пѣлъ при служеніи Архимандритомъ панихиды. Замѣтя мою способность спросилъ онъ: кто я и какихъ родителей хочу ли быть принятъ въ монастырь и находишься у него въ услуженіи. Удовлетворивъ его вопросамъ о моемъ состояніи, я съ радостію принялъ его предложеніе идти въ монастырь и цѣловалъ его руку. Онъ сказалъ мнѣ, чтобъ я совершенно былъ въ томъ надеженъ. Пришедъ домой, я рассказалъ сіе обстоятельство

матери. Она обрадовалась до несказанности и со слезами благодарила Бога за низпосланіе любезному ея сыну такою благополучія. По погребеніи умершаго, Карапешъ объяснивъ Патріарху обо мнѣ и способностяхъ моихъ, просилъ его, чпобъ приняшь меня въ монастырь. Патріархъ на сіе согласился, и я чрезъ нѣсколько дней былъ шуда взявъ получивъ отъ матери благословленіе и подтвержденіе ея наспавленій. Мнѣ было тогда 10 лѣтъ.

Карапешъ родомъ былъ изъ города, Арапкеръ, Турецкаго владѣнія. Хотя онъ оказалъ мнѣ по моему положенію величайшее благодѣніе, но я считаю необходимымъ сказаъь объ немъ справедливо, не нарушая впрочемъ должнаго уваженія къ его памяти, и благодарности, копорою ему обязанъ, и копорою до днесъ его поминаю. Онъ былъ человѣкъ очень доброй; или по крайней мѣрѣ въ семъ смыслѣ лучшій многихъ другихъ. Онъ, сколько могъ я замѣтивъ, во все не былъ прилепенъ

къ суешамъ мира; ни какія спраспи не возмуцали спокойствія души его: онъ только любилъ изобильно и по вкуснѣ наполнять себя пищею. — Я также не имѣлъ въ ней недоспашка; всегда былъ сытъ въ полной мѣрѣ; но только объ ученіи моемъ совсѣмъ было забыто. Я ни чего другаго не дѣлалъ собственно для Карапета и ничему неучился, кромѣ того, какъ пригошлять для него кушанье; занимался иногда чтеніемъ священнаго писанія, и имѣя много свободнаго время, записывалъ для памяти испорію моей матери, и предшествовавшія ей обстоятельства. — Жители города Аракера, мѣста рожденія Карапета, говорятъ отличнымъ и нѣсколько смѣшнымъ нарѣчіемъ, пропиву чистаго Армянскаго языка, и въ пицѣ имѣютъ господствующимъ спранной и жесткой вкусъ. У нихъ не бываетъ ни одного почти блюда безъ дикаго перца. Аракерцы пригошляютъ изъ него даже особенный соусъ и употребляютъ его иногда такъ, какъ употребляютъ другіе салаты или огурцы, обмакивая только въ

еоль. Словомъ сказаць, что ни одинъ народъ не можетъ вкушать такъ сильной или лучше сказаць палящей горечи и въ шакомъ большомъ количествѣ, какъ Арапкерцы. Карапешъ говорилъ шѣмъ же нарѣчїемъ, имѣлъ вкусъ къ перцу, и кушанья его въ изобилїи онымъ были приправляемы. Я удивлялся, какъ такія яствы не съдали его внушренности, когда ошъ одного къ нимъ прикосновенїя слезала у меня съ губъ кожа, а запахъ поражалъ обоняніе. — Прочїе Архимандриты и монашескуюющіе въ разсужденїи кушанья его и нарѣчїя смѣялись надъ нимъ; а вспрѣчаясь со мною, никогда не пропускали говорить указывая съ насмѣшкою: вошъ служитель шакогошо. — Какъ бы шо ни было: а я два года провель съ нимъ совершенно спокойно и въ довольствїи. — Но по прошествїи двухъ лѣтъ, Карапешъ, по надобностямъ монастырскимъ былъ посланъ въ Баязипъ, что въ Курдуспанской области. Онъ не хотѣлъ оставить меня въ монастырѣ ни у кого; и по дозволенїю Патриарха опдалъ въ наше село къ старшему Прощо-

попу Гавріилу, съ шѣмъ, чѣтобъ онъ со-
держаль меня, продолжалъ мое ученіе и
берегъ, за чѣто обѣщаль ему по возвраще-
ніи заплашпшь за все съ благодарностію. —
Но Проропопъ удовлетворилъ его довѣ-
ренности весьма худо. Онъ былъ изъ чи-
сла тѣхъ же людей; кои не имѣють ни-
какой чувствительности, кромѣ жесто-
косердія. Въспо ученія, по большой ча-
сти употреблялъ меня въ работахъ по
обыкновенію прочихъ учителей; а когда
давалъ уроки, по при чтеніи онаго на
изустъ, еспли случалось ошибиться хоть
въ одномъ словѣ, наказывалъ, или спра-
ведливѣе сказапъ, мучилъ меня, такъ какъ
и прочихъ учениковъ своихъ безъ мило-
сердія. Кромѣ жестокихъ побоевъ, какихъ
добрый хозяинъ не сдѣлаепъ никогда и
скопинѣ, запиралъ въ куряпникъ, или въ
конюшню, сушки на двои безъ пищи. —
Такимъ образомъ до возвращенія Архиман-
дрипа, моего благодѣшела, перпѣлъ я опъ
Священника различныя несповспва безъ
мала два года.

Между пѣмъ въ продолженіи сего времени, опъ возвращенія Ираклія изъ подъ Еривана, чрезъ при года и имянно въ 1785 году, Омаръ, Ханъ Лезгинскій, собравъ войска своего до 30000 человекъ, пошелъ на Грузію. Проходя многія обласпи и селенія, прибылъ въ мѣспечко Маданъ, гдѣ находились золопые и серебряные рудники. Царь Ираклій укрѣпивъ нѣкошорыя свои мѣспа, пошелъ прошивъ Лезгинцовъ имѣя при своемъ войскѣ до прехъ сошъ Рускихъ самыхъ лучшихъ людей, и прибылъ въ мѣспечко Садахлу, разстояніемъ отъ Маданы на полпора часа. Армяне, Грузинцы и Греки ближайшихъ селеній, со всѣмъ своимъ имуществомъ и семействами вошли въ укрѣпленные мѣспа Мадана, чпобъ защищаться соединенно отъ Лезгинцовъ. Жившіе собственно въ Маданѣ при рудникахъ, большею частію Греки, плапившіе Ираклію дань золопомъ, серебромъ, мѣдыю и свинцомъ, просили его, чпобы посчѣшилъ освободить ихъ отъ нашествія злодѣевъ; но Ираклій сдѣлалъ только шо, что приблизился къ Мадану

еще на полчаса, намѣреваясь опсправить къ Омару своего воина, именемъ Орфандила, для заключенія съ нимъ мира; а начальникъ помянушаго Рускаго войска просилъ его, чшобъ позволилъ ему съ своими шремья спами дать Лезгинцамъ сраженіе и разбить ихъ; но Ираклій на сіе не согласился, говоря, что еще не время. Лезгинцы между шѣмъ взяли Маданъ при спупомъ, побили множесшво людей, а остальныхъ со всѣмъ имущесшвомъ и богатсшвомъ увели въ Турецкой городъ Ахельцега; послѣ чего обратились паки къ крѣпости Вахамъ. Ираклій, узнавъ о сихъ произшесшвіяхъ, хотѣлъ воспрепшсшвовать Омару и расположился не далеко опъ осажденной крѣпости, но также ничего не сдѣлалъ; а Лезгинцы взяли и сію крѣпость, побили не мало людей а другихъ увели въ плѣнь. Послѣ сего Омаръ Ханъ, пробывъ въ Ахелцега всю зиму, взялъ обратный пущь чрезъ Ериванскую обласш. Проходя чрезъ шамошнюю деревню Ашшаракъ, поймалъ нѣсколькo человекъ садовниковъ изъ Армянъ; однихъ убилъ, а

другихъ повелъ съ собою къ городу Шуши, откуда возвратился уже въ свои мѣста. — Во время сихъ безпокойствъ селеніе наше Ашпаракъ, въ томъ числѣ и наше семейство около двухъ мѣсяцовъ находились въ Ериванской крѣпости.

По возвращеніи Карапепа, я былъ взявъ обратно въ монастырь. Жалованья на пропопопа Гавриила было дѣло бесполезное; я зналъ, что Карапепъ не можетъ, слѣдственно и не будетъ мстить ему за меня, и потому радовался только его возвращенію освободившему меня отъ злодея. Въ сіе время въ монастырѣ приложено было обо мнѣ стараніе. — Меня учили прилѣжно церковному пѣнію по нотамъ восьми гласовъ. Я читалъ уже Апостольскія дѣянія наизусть, и по оказываемымъ мною успѣхамъ, которыми я обязанъ особенно хорошей моей памяти, многіе изъ духовныхъ досадовали на то, что я нахожусь у Карапепа, и что онъ кромѣ старанія, по его горькому вкусу, ничему не въ состояніи меня учить. Про-

шло около года, какъ не встрѣчалось со мною никакой непріятности. Но въ Сентябрѣ мѣсяцѣ 1787 въ Субботу на канунѣ праздника воздвиженія креста Господня, постигло меня самое болѣзненное приключеніе.

Во время служенія всенощной, не справясь по Церковному уставу, что въ праздникъ сей пѣніе стиховъ должно быть другое, сдѣлалъ ошибку, начавъ пѣшь обыкновенные стихи, и поправился уже тогда, когда пропѣли на другомъ крылосѣ. Архимандритъ Карапепъ хотя самъ смыслилъ весьма не много и безъ сомнѣнія сдѣлалъ бы тоже, однако ошибку мою принялъ очень къ сердцу. По выходѣ изъ церкви, онъ догнавъ меня, схватилъ съ оспервененіемъ за руки и ударилъ чрезъ плечо о плищы, усманными по дорожкамъ такъ сильно, что я лишился всѣхъ чувствъ, и лежалъ, какъ сказывали мнѣ, около часа, пока узнавъ о семъ другіе, пришли и на рукахъ опнесли къ нему въ келью. Глаза мои наполнились кровью, такъ, что

чрезъ прои сурпки я совершенно былъ слѣпъ, пальцы на рукахъ всѣ были разшибены и я весь былъ окровавленъ. Мать моя узнавъ о семъ несчастномъ со мною приключеніи, не смотря на успавъ, запрещающій женщинамъ входить въ монастырь, кромѣ двухъ разъ въ году въ определенное время, ворвалась туда и взошедъ въ нашу келью, пришла въ совершенное опшчаніе, увидѣвъ меня въ такомъ положеніи, что и узнать почти было не можно. Она кричала на Карапеша, называя его и всѣхъ монаховъ шиграми и безчеловѣчными; что она восплакала сына своего и шерпѣла для него всѣ нужды и мученіи не на тошъ конецъ чтобы они убили его, и преровала, возвращишь меня ей также здоровымъ, какимъ взяли: словомъ сказала что она надѣлала въ монастырѣ множество шуму. Обстоятельство сіе тошчасъ дошло до Папріарха, и мать мою безъ дальняго слѣдствія приказали выгнать вонъ изъ монастырской крѣпости, съ шѣмъ чтобы впредъ туда ее не впускашь, а Карапешу сдѣланъ былъ выго-

воръ. Боля обо мнѣ всею душою, обливаясь горькими слезами и наполняя воздухъ воплемъ, ходила она около стѣнъ монастыря, доколѣ не пришла отъ шого въ совершенное изнеможеніе, что послѣ пересказывала она мнѣ сама; я же — въ то время, находился въ безпамятствѣ, и около двухъ мѣсяцовъ не вставалъ съ постели. — Меня лѣчили прилѣжно: глаза мои поправились скоро; на руки прикладывали пластырь и пальцы совсѣмъ зажали, кромѣ одного. — Для испытанія оному причины, приложили на него мясо рыбы Кармирахайшъ, кошорая будучи въ пищу прекусная, имѣетъ въ наружныхъ средствахъ такое дѣйствіе, что безъ всякаго нагноенія и почти безъ боли, съдаетъ мясо, такъ, что обнажитъ кости и жилы. Посредствомъ чего увидѣли, что составъ указательнаго пальца на лѣвой рукѣ былъ раздробленъ и повреждена жила. Надобно было сыскашь костоправа. Меня оправили съ монастырскимъ служилемъ въ Ериванъ къ одному Армянину по имени Ревазу, жившему въ Армян-

ской слободѣ Кондѣ, ш. е. высокой холмъ. Ревась считался шамъ повѣреннымъ монашья; онъ былъ хорошій масперъ мѣднаго и серебрянаго дѣла, зналъ шакже другіе художества и былъ человекъ весьма не глупой и основательной. — По прибытіи въ Ериванъ къ Ревазу, я былъ споль еще слабъ, что не иначе могъ споль на ногахъ, какъ опершись на что нибудь. — Надобно было ѣхать въ Герхъ-Булахъ, отъ Еривана верстахъ въ 40, о кошоромъ помянуто выше, и гдѣ находился извѣстный въ то время кошкоправъ. Дорога была вся почти чрезъ горы и весьма затруднительна. Ревазъ принимая во мнѣ участіе, не хотѣлъ подвергнушь меня трудностямъ сего пути и писалъ къ кошкоправу, чтобъ онъ пріѣхалъ въ Ериванъ; но онъ будучи человекъ старой, не согласился принять безпокойства, шьмъ болѣе, что дорога кромѣ труднейшей сдѣлалась еще и опасною отъ разныхъ разбойниковъ. По сей причинѣ я прожилъ въ Ериванѣ слишкомъ мѣсяць. На другой же день по прибытіи моемъ къ

Резазу, случилось у него много гостей, между коими находилось челоѡка при священниковъ. — Резазъ узналъ опъ монашпырскаго служителя, что я хорошо учился и какія имѣлъ способности. По сему священники захопѣли меня видѣть. Послѣ обѣда, когда всѣ гости собрались въ садъ, позвали и меня. Они сдѣлали мнѣ вопросъ о Христіанской вѣрѣ. Сподприслонившись къ дереву, я въ отвѣтъ перечислялъ имъ все то, что только было мною выучено наизусть. Сей отвѣтъ мой продолжался очень долго, ибо я, по болѣзненному соспоянію моему, скоро пришелъ въ такое расслабленіе, что перечислялъ имъ, такъ сказать по одной только привычкѣ языка, всѣ слѣдующія за шѣмъ вопросы и отвѣты, не чувствуюя и непонимая не только того что я говорилъ, но и самаго себя. Гости замѣтивъ на послѣдокъ мою слабость, остановили меня, обласкали и велѣли опвеспити въ покои. По весьма ограниченному просвѣщенію шамощняго народа, я показался имъ больше, нежели ребенкомъ, и даже необыкновен-

нымъ. Во все время, бышности моей у Реваза, я пользовался благоеклонностями и ласками какъ хозяина — такъ и госней его, часно посѣщавшихъ его домъ. — На послѣдокъ, когда я довольно оправился въ моемъ здоровьѣ, а дорога сдѣлалась опъ разбойникова нѣсколько безопаснѣе, Ревазъ опсправилъ меня въ Герхъ - Булагъ съ собспвеннымъ своимъ служилелемъ. Палець мой былъ уже заросши, но костоправу показалось не хорошо; онъ положилъ, что для исправленія надобно его снова сломать, что и сдѣлалъ онъ во время моего сна. Почувспвовавъ вдругъ ужасную боль, я испугался до того, что одному только провидѣнію Божию должно приписать, что я со всѣмъ не помѣшался въ умѣ. Сей костоправъ былъ въ самомъ дѣлѣ чезовѣкъ довольно искусной и показалъ въ шомъ многіе опышы; но съ моимъ пальцомъ поступилъ неудачно, и вмѣсто исправленія сдѣлалъ еще хуже, нежели какъ онъ былъ. — Какъ бы по нибыло, я выздоровѣлъ, возврашилъ къ Ревазу и желалъ шамъ оспаться; но по

повелѣнію Паптріарха прислали меня взятьъ я отказался шуда ѣхашь, объявя, что послѣ учиненнаго со мною пиранскаго поспупка, не могу болѣе быть въ монастырѣ. За мною прислали въ другой разъ и взяли меня противъ воли. Въ обратній пущь поѣхали мы чрезъ деревню Паракаръ, гдѣ въ близъ лежащей горѣ находится мѣльная глина, копорую бѣдные люди употребляютъ вмѣсто мыла. По прибытіи въ монастырь, на вопросъ: хочешь ли оспашься въ монастырь, я отвѣчалъ по же. Преподобные опцы вздумали изшоргнушь мое согласіе насиліемъ. Они приказали меня битъ по слѣдамъ жидкими и гибкими палками. Это обыкновенное у насъ наказаніе; копорое производится большою часпію такъ жестоко, что наказываемый лишится и голосу и памяти. Оно называется Фалаха, и дѣлается такимъ образомъ: на длинную палку привязывается по срединѣ веревка обѣими концами и составляется петля, въ копорую вложатъ ноги того, кого хотятъ наказывать, завернушь палку такъ крушо, что

никакъ уже ногами пошевелиль не можно, и что причиняешь также жестокою боль, палку держаешь двое поднявши почти въ грудь; между шѣмъ наказываемый лежишь на полу или на землѣ на взиць, а претій сечешь ноги. — Въ продолженіе моего наказанія повпоряли спрашивать меня, хочу ли оспаться въ монаспырь; но я рѣшился выперпѣть все и опрекался опъ монаховъ. Такимъ образомъ опдѣлавшись опъ ихъ преподобій, я благодариль Бога, что не былъ убиць и замучень до смерти. Меня вышолкали изъ монаспыря съ безчестіемъ, и я возврапился въ Вагаршапашъ къ своей мапери, что производило въ 788 году весною, около Маія мѣсяца, когда у насъ споишь прекраснѣйшее время. Я былъ тогда 14 лѣтъ.

Управлявшій сопскій, десяпникъ и прочіе злые люди весьма обрадовались, что я по прежнему попался въ ихъ когти. На другой же день по приходѣ моемъ къ мапери, весьма рано, когда мы еще спали, десяпникъ пришелъ за мной

и повель на рабошы, изъ коихъ между прочимъ занимался и канканною рабошою *)), въ копорыхъ и упражнялся я два года почти всякой день, кромѣ воскресныхъ при сѣяніи пшена ходилъ *мѣтитъ воду*; гонялъ пщицъ при хлѣбномъ посѣвѣ; работала при сѣяніи хлопчатой бумаги; обрѣзывала виноградныя сучья; жаль хлѣбъ, рѣзала солому, и словомъ: исправлялъ всякія сельскія рабошы по моимъ силамъ. Сверхъ того въ рабочее время лѣпомъ, послѣ полудня, обыкновенно посылаемъ былъ съ быками и буйволами на поле, для кормленія ихъ; при чемъ должно было за ними смотрѣть; чпобъ не ѣли травы, пакъ называемой юнжа, копорая сѣется нарочишо *). По воскреснымъ же днямъ,

*) Кляканъ работа, есть изкопаніе колодцовъ, посредствомъ коихъ отъ высокихъ, или холмовыхъ мѣстъ, проводятъ на поля подъ землю воду. Таковыя колодцы и проводимыя ими сообщенія до желаемаго мѣста, по чрезвычайной вязкости и плоскости вообще тамошняго глинянаго грунта земли никогда не осыпаются, и молушь называюща вѣчными.

*) Трава сія косится въ лѣшо по три раза, и употреблещя въ корнѣ только сухая, ибо скотина наввшисъ ее сърой съ корня, раздуется и лопнетъ менѣе нежели чрезъ

а иногда и послѣ работы, когда только могъ, тайно ходилъ ко второму моему учивелю продолжая ученіе, и къ священникамъ, съ коими бывая при исправленіи ими разныхъ по духовенству прѣбъ, доспавалъ за то по нѣскольку денегъ. По прошествіи такимъ образомъ двухъ годовъ, учивель мой спалъ спарашся, чѣмъ опредѣлилъ меня опять въ монастырь учиться переплетать книги. Похваляя мои способности, онъ представлялъ необходимую въ томъ нужду, ибо кромѣ его и перваго моего учивеля другихъ мастеровъ не было. — По уваженію представленія его и по повелѣнію Папріарха, принявъ я былъ въ монастырь и назначенъ въ ученики. — Такая переменна весьма много обрадовала бѣдную мать мою, брата и сестру, а непріятелямъ нашимъ испортила много крови. — Я ходилъ съ масте-

часъ. Въ такихъ случаяхъ помогаютъ только тѣмъ, что насыпавъ обвѣшейся скотинѣ въ проходъ шолченаго перегородяють безпрестанно до тѣхъ поръ, пока ее очистишь. Тонжа первоначально имѣеть довольно пріятной вкусъ, и молодые люди ѣдятъ ее стебель, очищая ошь листья, которые довольно велики.

ромъ каждый день въ монастырь и учился переплетному мастерству. Кроме весьма изрядной и довольной пищи, которую я имѣлъ за общимъ столомъ съ мастерами и служащими при нихъ мастеровыми и рабочими людьми, получалъ жалованья въ мѣсяць по 30 паръ. Столъ раздѣлялся на двѣ часпи, за одинъ садилась всѣ духовные, а за другимъ мастера и мастеровые люди; всего человекъ до трехъ сотъ, а въ другое время, при случаѣ прѣзжающихъ на поклоненіе, бывало и до пяти сотъ кроме еще пѣхъ, кои занимающа полевыми монастырскими работами, которымъ столъ давался особо. — Цѣлое лѣто провелъ я очень хорошо; а въ зимнее время никакой работы не производилось. Въ продолженіе же хожденія моего въ монастырь лѣтомъ, случилось увидѣть мнѣ пача весьма странное происшествіе. — Одинъ изъ прѣзжавшихъ поклонниковъ, богатый Армянскій купецъ, давалъ монашествующимъ обѣдь, за которымъ находился и я. По шамошнему обыкновению, въ продолженіе прѣезы,

ни кто не смѣлъ говорить ниже одного слова, и всѣ должны внимать по учению, или разсужденію на священное писаніе, читаемымъ съ кафедры однимъ изъ духовныхъ. Подобнымъ образомъ и въ прошъ разъ была читана особая рѣчь, съ присокупленіемъ нѣкопсрыхъ похвалъ означенному купцу за его усердіе и ревность. Но одинъ изъ Архимандритовъ, возвратившійся предъ тѣмъ временемъ въ монастырь изъ другаго Государства, гдѣ онъ находился по духовной своей должности при чтеніи означенной рѣчи, во время спора, завелъ разговоръ съ сидѣвшимъ подле него поварихемъ. Главный Архiepископъ съ крепостію замѣнилъ ему, что онъ будешь имѣть время наговориться и послѣ; но Архимандритъ изъ гордости пренебрегъ его запрещеніемъ и продолжалъ свой разговоръ. Послѣ спора Архiepископъ до несъ о томъ Патриарху и съ бѣднымъ Архимандритомъ сдѣлали фалаха- приговаривая въ продолженіе онаго: вошь ты теперь имѣешь свободу не только разговаривать, но и кричать какъ

шебѣ угодно. По обыкновенію фалаха продолжалось довольно долго и окончилось шѣмъ, что Архіепископъ сказалъ почти безчувственному Архимандриту: ну, чтожь ты замолчалъ и не говоришь? — Въ шопѣ самой день возвращаясь домой и будучи возмущенъ симъ приключеніемъ, шель я въ задумчивоспи. — На дорогѣ встрѣшился мнѣ незнакомый человекъ, ѣхавшій верхомъ. Примѣшя мое смущеніе и печальное лицо, спросилъ меня съ участіемъ человекъ чувствительнаго, кпо я шаккой, куда и ошкуда иду, и ошъ чего шакъ задумался. Причину примѣченной имъ во мнѣ печали, ошнесъ я собственно къ своему соспояннію. Узнавъ, что я бѣдной сирота и учусь въ монашырѣ переплешашъ книги, онъ просилъ меня досшашъ ему церковной часовникъ, сочиненный покойнымъ Симеономъ, обѣщаясь за сіе, вмѣсто денегъ, подарить мнѣ овецъ и лошадь. Изъ шполь щедрого и знашнаго обѣщанія заключилъ я, что онъ человекъ богатой и доброй; и что шребуешъ ошъ меня часовника единшвенно для шого, что хо-

чепь оказашь мнѣ благодѣяніе. Я охотно
 обѣщаль ему выполнишь его желаніе. Онъ
 слѣдовалъ за мною къ селенію, и узнавъ
 нашъ домъ, сказаль мнѣ, что за часовни-
 комъ прїѣдешь чрезъ нѣсколько дней. Мать
 моя была объ немъ одинакаго со мною
 мнѣнія, по іному болѣе, что ничего подо-
 зрительнаго въ немъ не представлялось.
 Неизвѣстный человекъ не получивъ еще
 отъ меня ничего, на другой же день ве-
 черомъ, какъ уже спало довольно темно,
 привель къ намъ пару овецъ, сказавъ что
 имѣя надобность бышь не далеко отъ
 насъ, вздумаль исполнить часпїю свое
 обѣщаніе и напомнилъ мнѣ объ моемъ. Я
 сообщилъ ему шупь же нѣсколько шеп-
 радей, кои нашель я въ шипографіи бро-
 шенными за не чистою оппечашкою; а
 другія оставлены были за излишествомъ,
 увѣривъ его, что непременно соберу и
 весь Экземпляръ. Оставалось больше еще
 половины, но взяшь было негдѣ, а обѣща-
 ніе надобно было непременно исполнить.
 И такъ другаго средства не было, какъ
 оставльное число шепрадей оппнать отъ

нѣкоторыхъ полныхъ Экземпляровъ, которые продавались каждый по шести рублей; а чпобъ доспашь сію сумму честнымъ образомъ, такъ надобно бы было мнѣ служить въ монастырѣ два лѣта. И такъ я рѣшился на похищеніе, тѣмъ съ меньшимъ запрудненіемъ, чпо оно для типографіи ничего почти не значило; а я между тѣмъ былъ бѣдень; имѣть же овецъ и лошадь значило весьма много. Мысль, чпо тогда буду я не то что былъ прежде, восхищала меня. Какъ скоро неизвѣстный человекъ пріѣхалъ, то я съ радостію вручилъ ему оспальныя тетради. Онъ также былъ сему радъ и шой же ночи принесъ прешью овцу въ мѣшокъ. На сей разъ, поступокъ его, или благодареніе показалось мапери моей сомнительнымъ. Она осмѣлилась спросить его: для чего онъ овцу принесъ въ мѣшокъ. Для того, отвѣчалъ онъ, чпо такой хорошій мѣшокъ можешъ тебѣ быть весьма пригодень и нужень по домашнему употребленію, и я нарочно взялъ его отъ моего народа. — Слова: *отъ моего народа*, да-

ли намъ знать, что онъ конечно былъ священникъ; послѣ чего масть моя оспалась спокойною. Но на другой же день, по дошедшему свѣденію, спали у насъ въ селеніи говоритъ что *Меркѣ-кулапской* священникъ оплучился изъ своего мѣста, и чтобы опасались его, естли гдѣ онъ покажется: извѣстно было, что сей священникъ дѣлаеть разбой. Масть моя взяла на неизвѣстнаго человѣка сильныя подозрѣнія и была на эпошь разъ сполько неоспорожна, что рассказала все между нами случившееся, исключая часовника, ибо она о семъ ничего не знала. Ее очень бранили, для чего она объ немъ необъявила; но слава богу, что обстоятельство сіе прошло безъ дальнѣйшихъ для насъ неприяностей. Между тѣмъ неизвѣстный сдержалъ свое слово и прислалъ ко мнѣ весьма скоро очень хорошую лошадь съ человѣкомъ, ошъ котораго мы узнали что онъ пошъ самой, по слуху уже извѣстный намъ священникъ, изъ деревни Мерке-кулапъ *) прозванный Мзрахъ, что

*) Деревня Мерке-Кулапъ лежитъ въ Курдустанской обла-

значить копые, съ кошорымъ онъ всегда ѣздилъ. Мать моя по сомнѣнію опрѣкалась было принявъ оную лошадь; но приведшій ее человекъ уговорилъ, чѣмъ она была спокойна, и чѣмъ священникъ дѣлаеть эпѣту подарокъ опъ добродушія. Я съ своей стороны также настаивалъ, чѣмъ лошадь прислана ко мнѣ, и я имѣю полное право взять ее, какъ добровольное благодареніе человека добродѣтельнаго. Для сего щедрого священника, такъ какъ и для всякаго другаго, означенный часовникъ былъ вещью драгоцѣнною и совершенно необходимою; но не всякому легко было заплачивать за него шесть руб. — Мврахъ дѣйствительно занимался иногда грабежами; но съ шюю только опъ другихъ разницею, чѣмъ будучи человекъ не-

сти, не подалеку опъ Копъ, весьма хорошаго селенія, гдѣ находится большая гора; содержащая такъ называемую каменную соль, которою снабжаеться вся тамошняя страна, Грузія, Арменія и многія другія области подъ Турецкимъ и Персидскимъ владѣніемъ состояція. Соль съ мѣ спами такъ бываеть прозрачна, чѣмъ какъ бы нибыла велика толщина вырубленной глыбы, видно сквозь ея какъ чръзъ обыкновенное стекло.

сказанно горячаго, запальчиваго и въ нѣкопороумъ смыслѣ мстительнаго нрава, онъ посредствомъ разбоя мстиль богатымъ за бѣдныхъ, и опцимая опъ первыхъ, сколько удавалось, помогаль послѣднимъ шакъ, какъ будто бы отдаваль имъ принадлежащую часть, богатыми присвоенную. Жители деревни Мерке-Кулапъ будучи весьма скуднаго состоянія, получали опъ него одного всѣ возможныя пособія. Встрѣчась иногда надорогѣ съ бѣднымъ человѣкомъ, онъ провожалъ его самъ до безопаснаго мѣста, и ешлы узнаваль опъ него въ чемъ либо самыя крайнія нужды, то помогаль, какъ позволяль случай и возможность. Самъ же изъ добычи своей не пользовался почти ничѣмъ и ничего не имѣль у себя лишняго; но все раздаваль другимъ, шолько бы попался ему какой несчастной. Весьма по многимъ селеніямъ шаковыя бѣдные люди благословляли его за оказанныя опъ него благодаренія. По уставу Армянскія церкви, когда должно служить обѣдню, то священникъ долженъ всякой разъ исповѣдывашь грѣхи

свои другому священнику: но случилось, что когда, такъ прозванный Мзрахъ, пребывалъ себѣ исповѣди, то нѣкоторые священники опъ шого опказывались, укоряя его поступками; а онъ принуждалъ ихъ къ шому спрахомъ и заспавлялъ себя разрѣшашъ, угрожая мщениемъ. Но при всей спранности шакowychъ поступковъ, Мзрахъ приносилъ предъ Богомъ разкаяніе и сознание грѣховъ своихъ съ шоль по виду искреннимъ и почпи необыкновеннымъ сокрушеніемъ, что вся душа его, такъ сказашъ, изливалась съ горькими его слезами, копорыя при семъ проливалъ онъ обильно. О семъ увѣряли единогласно всѣ шѣ священники, у коихъ шолько онъ исповѣдывался, не смопря на шо, что многіе изъ нихъ были крайне не довольны суровыми и самоуправными его поступками.

Въ шуже лѣшю, около Августа мѣсяца, когда начинають у насъ снимать виноградъ, случилось еще одно обспоятельство, копорое вновь подвергло меня вла-

спи моихъ пирановъ, и новому злочлюче-
нію,

Выше сказалъ я, чѣмъ Калуспъ управ-
лялъ нашимъ селеніемъ. — Подъ нимъ
былъ изъ духовнаго же званія другой упра-
вляющій, или смопришель, которому по-
ручалось собирать отъ селенія подлежа-
щія монастырскія повинности, и надсма-
привать за работами монастырскими;
для исправленія коихъ, какъ изъ приведен-
наго выше видно, назначались всегда бѣд-
ные люди. — Сія духовная особа, или смо-
пришель, былъ человекъ жестокой, шакъ
что и родной племянникъ его, сынъ умер-
шаго брата его, прешерпѣвалъ отъ него
немалыя пиранспва, каково на примѣръ,
между прочимъ, грызеніе зубами головы
сего несчастнаго сироты. Онъ былъ изъ
Грузинъ, Тифлисской уроженецъ, и низ-
каго произхожденія. Около означеннаго
времени, по естѣ въ послѣднихъ числахъ
Іюля, обзрѣвая виноградные воды, съ
бывшими при немъ молодыми людьми на-
шего селенія, увидѣлъ онъ одного Персі-

анина, которъй, можетъ бышь, будучи упружденъ далекою дорогою, и упомлень зноемъ, ошь жажды, для прохладенія засохшей горшани, взлезши на спѣну одного сада, сорвалъ кисть, или двѣ, винограда. За сію ничего незначущую бездѣлицу, приказалъ онъ бывшимъ съ нимъ молодымъ людямъ Персіанина бишь; но сіи ошь того опозвались, предспавляя ему, что убишь человѣка за такую бездѣлицу они не могушь, что имъ самимъ и ему можетъ встрѣпиться такая же нужда, чтообъ для утоленія жажды взять изъ чужаго сада нѣскольکو ягодъ, и что сіе хозяину не дѣлаешъ никакого убытка. Но смотришель будучи приведенъ въ большее ожеспоченіе ихъ опвѣпомъ, взявши полспую палку, или просто сказашъ дубину, побѣжалъ къ Персіанину и ударилъ его по виску шакъ мѣшко, что онъ шупъ же испустилъ духъ. Родспвенники убишаго принесли жалобу Ериванскому Хану, а сей поспребовалъ ошь Паптріарха, чтообъ выдали виновнаго. Надобно было: или удовлешворить сему шребованію; или

подвергнушь мщенію Персіанъ все селеніе и всѣхъ монашеспвующихъ. И пакъ убійцу выдали родспвенникамъ убишаго, копорые выведя его изъ спѣнь монаспырскихъ и связавъ ему руки, били безъ милосердія. По памощному обычаю смершоубійца или за него его ближніе, опдѣлывающся плапою родспвенникамъ убишаго, смопря по соспоянію и возмощности опшвѣпчиковъ, и по согласію прешендашелей. — Но какъ въ монаспырѣ, по нещаспію убійцы, не скоро о помъ догадались; ибо Патрїахъ Лука небыль расположенъ за него вспупапъся и плашипъ, шо Персіане получивши его довольно на мѣспѣ, привели въ селеніе, сопрождая церемонію шеспвія его ударами; по помъ водили въ крѣпоспъ Ериванскую и шамъ шакже довольно мучили; а на послѣдокъ привели обрапно въ селеніе и дѣлали надъ нимъ всякія не исповыя ругашельспва. Между шѣмъ духовные, чшобъ избавипъ цѣлое общеспво опъ незаслуженнаго поношенія, причиненнаго однимъ злымъ человѣкомъ, рѣшилиспъ предложипъ

обиженнымъ цѣну за искупленіе виновнаго, переувѣривъ, что родственникъ ихъ убитъ нѣкопорыми молодыми людьми изъ селенія. Принявши хорошую плапу, они остались довольными, а Смотрипель освободился отъ рукъ ихъ едва дышущимъ. Такимъ образомъ преподобные ошцы оказавъ защиту преслупнику, дабы сохранить честь своего общества, а болѣе монастыря, по неоспорожности подвергли бѣдныхъ людей селенія новому запруднительному положенію: ибо, какъ скоро Ханъ узналъ, что Персіанинъ убитъ нѣкопорыми людьми изъ нашего селенія: то въ заслуженіе вины приказалъ, чтобъ на *Аракатской* горѣ, въ показанномъ мѣстѣ, построить для защищенія отъ набѣговъ разбойниковъ крѣпость. Въ слѣдствіе сего повелѣнія, работы должны были начаться съ весны слѣдующаго лѣта, и для производства оныхъ положено избирать въ нарядъ изъ бѣдныхъ семействъ всякаго возраста 35 человекъ и для надсмотриванія за ними изъ богатыхъ пять человекъ. Сверхъ того приставлены были два

Персіанина и одинь Армянинь главными смошришелями. Дѣшамь богатыхъ людей назначено было смѣняпсья чрезъ недѣлю, а возвращапсья опяпсь на работу чрезъ 6 и 7 недѣль; бѣднымь же чрезъ недѣлю же и двѣ, а другимь и чрезъ три, смошря по тому, кто бѣднѣе. При самомь началѣ, какь надобно было назначать людей къ строенію повелѣнной крѣпости, управляющій селеніемь Калуспсь, отдавая спаростѣ о томь приказь, какихъ должень онь избирапсь къ работѣ, и пославля въ примѣрь перваго меня, говорилъ: у насъ есть такіе изъ бѣдныхъ мальчиковъ, копорые живупсь спокойно и только о томь думаютъ, чпобъ учипсь грамотѣ, напримѣрь: какь сынъ такой-то вдовы, то есть я. По сему наспавленію однимь упромь въ субботній день, весьма рано, десятникъ пришелъ ко мнѣ къ первому, взялъ меня и силою опнялъ у мащери осла, копорый должень былъ раздѣляпсь со мною одинаковую учаспсь. Я приведенъ былъ на площадь, гдѣ у насъ бывалъ сходъ. Мнѣ одному только связали

руки и ноги, а для сугубой предосторожности, чпобъ я не ушолъ, сверхъ шого привязали еще къ дереву и бросили на землю подлѣ моего осла. Между шѣмъ собрались наши спаршины, и съ злобною усмѣшкою говорили мнѣ: вошъ шамъ ты будешъ имѣшь время учипься грамошѣ и переплешашъ книги, и для шого мы назначили, чпобъ до окончаніа строенія находилса при ономъ безсмѣнно. Въ самомъ дѣлѣ, изъ всѣхъ моихъ соповарищей, мнѣ одному оредѣлено было невозвращашся домой до шѣхъ поръ, пока не ошстроишса крѣпосшь.

Сколь нибыло шягосшно и горесшно мое положеніе; сколь ни шѣснила грудь мою шيرانская несправедливосшь моихъ мучишелей; но при всемъ шомъ, не могъ пропустишь безъ вниманія похвальбы пришедшаго спароспы, говорившаго прочимъ спарщинамъ и богашымъ нашимъ людямъ о чрезвычайной къ нему милоспи управляющаго. Этомъ злой безумецъ прибѣжавъ въ толпу подобныхъ ему дураковъ,

говорилъ съ восклицаніемъ: ахъ! какъ милоспивъ до меня управляющій и какъ меня любишь: цѣлые два часа разговаривалъ онъ со мною!

Послѣ сего пересказывалъ со всею подробностію, въ кошоромъ управляющій называя его самыми скверными и непошребными мѣспоимѣніями, указывалъ ему: вопшь ны пого-то еще не сдѣлалъ; поди скорѣй сдѣлай вопшь по-то, я шебѣ приказывалъ, поди исполни и проч. и проч. прилагая къ каждому слову брань самую низкую. Въ сіе время я былъ уже въ такихъ лѣсахъ, что могъ правильно различать худое опъ хорошаго; но казалось, что кшо бы какъ нибылъ проспъ, изъ пересказу спароспты замѣпилъ бы, что въ каждомъ словѣ къ нему управляющаго заключалось въ самой сильной степени презрѣніе, какъ къ человѣку низкому, подвласпному до неограниченности, и глупому. Однако онъ былъ доволенъ собою и принималъ по за благоволеніе, въ чемъ соглашались съ нимъ и прочіе съ не.

малымъ къ нему уваженіемъ и удивленіемъ говоря: ахъ! подлинно какъ онъ къ тебѣ милоспивъ, какъ себя любишь и прочее.

Не легко было собрать 35 человекъ; ибо бѣдные зная свою участь, укрывались Ихъ набирали безъ всякаго личнаго назначенія, а кого только могли поймать. Мнѣ доспалось бы пролежать связаннымъ до слѣдующихъ сутокъ, еспли бы не былъ взятъ на поруки. Набравши насъ определенное число, на другой же день отправили весьма рано. Навьюченные провіансомъ на недѣлю, прибыли мы къ Аракашской горѣ и взяли крапчайшій путь по лѣвой ея споронѣ; но за то претерпѣли чрезвычайныя трудности, ибо очень часто доспавалось карапкаться на чепверенкахъ; сверхъ того мы лишены были почти со всею возможностью отдохнуть отъ успалости, ибо спрахъ быть уязвленными отъ змѣй и другихъ вредныхъ гадовъ и особенно отъ морма *), непо-

*) Моря по фигурѣ походить на скорпіона, но мякоть, какъ мышь и покрыта шерстью, которая бываетъ рыжеватая,

зволюя намъ присѣсть, и мы на каждомъ шагу проклинали монаха, за котораго спрадали. Поднявшись отъ подошвы горы на нѣкоторое разстояние и перейдя въ бродъ вытекающую изъ нее рѣку *Аперъ*, вошли мы въ разоренное мѣсто называемое *Аванъ*. Здѣсь увидѣлъ я въ горѣ пещеру подъ натуральнымъ каменнымъ видомъ и любопытствовалъ въ нее войти но сдѣлавъ не болѣе пяти шаговъ, неосмѣлился по темнотѣ идти далѣе. При самомъ входѣ примѣтны еще нѣкоторыя старинныя надписи; а отголосокъ, отдающійся въ пространствѣ сего жилища усопшихъ въ древности, далъ мнѣ знать что оное было довольно велико. По разсужденію о мѣстѣ и по надписямъ догадывался я, что тутъ конечно должны быть погребены владыки и знашныя древняго Царства Армянскаго. Заключение мое думалъ я безъ сомнѣнія, справедливо: ибо *Аванъ*, за нѣсколько сотъ лѣтъ, былъ большимъ городомъ. Любопытство мени

чорная и другяя цѣшова. Моръ отъ земли прямо бросается въ лицо. Язы его смертоносны.

мучило ; я желалъ узнатьъ сіе мѣсто, и досадовалъ, что никто кромѣ меня не обращаетъ на него вниманія. По счастью, между популчиками нашими, случился одинъ преспарѣлой Армянинъ, который примѣпилъ мое безпокойство, и самъ вызвался сообщитъ мнѣ свои свѣденія. Онъ разсказалъ мнѣ, что по разрушеніи Армянскаго нашего Царства, жители сполчнаго города *Анни*, по уваженію и любви къ памяти умершихъ царей своихъ, чтобы прахъ ихъ не былъ попираемъ нечестивыми пришельцами, перенесли гробницы ихъ и скрыли въ сей пещерѣ.

Отъ сего мѣста дорога наша спала еще затруднительнѣе : ибо надлежало всходитьъ на такія крупизны, которые спояли предъ нами на подобіе каменныхъ стѣнъ, а сверхъ того дорога сполько была узка, что не лзя было идти въ рядъ двоимъ и беспрестанно надлежало опасаться, чтобы не свалишься въ пропасть глубины, которой мѣстами можно полагать

около 100 сажень. Рѣка, упадающая съ вершинъ на дно сей пропасти, поражала насъ глухимъ шумомъ. По преодоленіи всѣхъ трудностей, въ полночь прибыли мы на назначенное мѣсто Тегеръ (что собственно значить *мѣсто*). Между тѣмъ ослы отправлены были другимъ путемъ гораздо спокойнѣйшимъ и удобнѣйшимъ; мы не пошли онымъ за дальностію: ибо въ сей дорогѣ надобно бы было пребыть четверо сутокъ. Здѣсь ненашли мы никакого мѣста для нашего пристанища, кромѣ одной довольно большой церкви, въ которой и провели оспальное время ночи. На другой день увидѣли мы шухъ оспалки развалинъ большаго селенія, со всѣмъ почти изглаженныхъ. Поманушая церковь стояла надъ самою дорогою, копорою мы слѣдовали, и съ сей стороны была неприступна. Она построена изъ дикаго камня съ колоннами, весьма правильной Архитектуры и очень сходной съ виденнымъ мною рисункомъ одной Италіанской церкви. Свѣтъ входилъ только изъ купола. Не смотря на древность сей церкви,

по догадкамъ, болѣе 1000 лѣтъ воздвигнутой, она казалась такъ нова, какъ бы не давно построена. Надписи, высѣченныя на гробницахъ имѣющихся внутри церкви и около ея, по старинному Армянскому письму, котораго не возможно уже разобрать; также по Греческому и Латинскому, дають поводъ полагать ей полкое число лѣтъ: ибо Месропъ, который первый исправилъ и сочинилъ Армянскую азбуку и письмо, существующія по нынѣ, жилъ до сего времени за 1200 лѣтъ; а до того письма употреблялись другихъ націй, кпо гдѣ жилъ. Лѣсу по всей горѣ, въ долинахъ и низменныхъ мѣстахъ было весьма много. Въ тамошней сторонѣ деревья почти всѣ фруктовыя, исключая нѣкоторыхъ кустарниковъ, распущихъ въ одичалыхъ мѣстахъ, или между камнями и въ расѣлинахъ. Не смотря на слѣды запустѣнія и чрезвычайную дикость сихъ мѣстъ, они были еще весьма припны, только что со всемъ не было возможности входить въ середину пустынныхъ ихъ садовъ, какъ пошому, что дикій ви-

ноградъ перепушамъ всѣ деревья, что не лзя было сквозь него продраться, пакъ и по опасности опъ звѣрей и змѣй.

Благодаря глупости управляющаго старосты и прочихъ шаршинъ, мы имѣли время отдохнушь опъ нашего похода и погуляшь нѣсколько дней безъ дѣла: ибо отпращая насъ спроишь крѣпость, они не догадались, что съ нами не было мастера, за кошорымъ послано въ Ериванъ по прибышій нашемъ уже на мѣсто и тамъ наняли его за большую плату на щопъ нашего селенія. По прибышій мастера начали спроишь крѣпость около помянутой церкви съ шрехъ шпоронъ, а чешвертая, какъ выше сказано, прилегая къ чрезвычайно глубокой пропасти, усъянной почти непроницаемымъ лѣсомъ различныхъ деревьевъ, была неприсшупна. На мою долю доспались при осла, на коихъ я возилъ камень для кладки стѣнъ. Но какъ мы взяли хлѣбнаго запаса только на одну недѣлю, кошорый къ вечеру Пшп-

ницы весь у насъ и вышелъ, по въ субботу уже нечего было намъ ѣсть. Въ воскресеніе ожидали смѣны, но она не пришла. Мы хотѣли собраться въ обратный путь и оставя работу возвратившись въ селеніе; но Персіане смогли, родственники убиваго, будучи пропиву насъ ожесточены, уничтожили наше намѣреніе принудивъ ругательствами и побоями дожидаться смѣны, которая пришла въ другое уже воскресеніе. За неимѣніемъ хлѣба мы питались около восьми дней одними правами, какъ по: шушаномъ першенжукомъ, или щавелемъ, и Неукомъ. Спебли сей послѣдней правы довольно питательны и вкусны, но собирать ее стоило намъ великаго труда: ибо змѣи охотно любящъ сію праву и всегда около ее находящяся, по чему на всякомъ шагу должно было подвергаться отъ нихъ опасности; чѣмъ касаясь до плодовъ древесныхъ, по по причинѣ сказанной ихъ дикости, они со всѣмъ были негодны къ употребленію. Отъ шаковой пици мы всѣ: и бѣдные и богатые обезсилѣли и

сдѣлались пощи, подобно пѣнямъ, кромѣ приспавниковъ, или Смоприпелей, копорые ни въ чемъ не имѣли недоспашка. По приходѣ смѣны возврапились мы въ селеніе съ пуспыми и заморенными желудками. Но какъ обо мнѣ было уже сдѣлано опредѣленіе, чшобъ не возвращапсь до окончанія работы, то на другой же день весьма рано явился ко мнѣ десятиникъ и повель къ спароспѣ, копорой напомнимъ мнѣ съ неисповымъ крикомъ во первыхъ по, чшо онъ еспѣ большой власпелинъ и повѣлипель въ селеніи, по шомъ вопрошалъ: какое я имѣлъ право своевольничапъ и какъ осмѣлился прійпи домой, когда онъ даль повеленіе, чшобъ я не возвращался въ селеніе до пѣхъ поръ, пока уже все будепъ кончено; и присовокупивъ къ сему обыкновенное и необходимое заключеніе, чшо я хочу равнѣпсья съ ихъ дѣпьми, приказалъ десятинику связапъ мнѣ руки и на другой день опвеспи на работу; при чемъ наказалъ распорядипсья со мною шакъ, чшобъ онъ ѣхаль, а я бы шель пѣщій, и чшобъ опъ его имяни сказапъ

смопришелямъ Персіанамъ , дабы они по-
сшупали и смопрѣли за мною со всею
строгоспію , неопуская домой до пѣхъ
поръ , какъ окончишся спроеіе . Такимъ
образомъ , во вшорникъ по упру , поведень
я былъ десяпникомъ связаннй ; но дошедъ
до горы , онъ сдалъ меня другому , шамо-
шней деревни жишелю , копорымъ я до-
доведень до мѣспа на веревкѣ . Сдѣлан-
ное спаросшою порученіе шакже было
пересказано . Персіане по сему хопя ока-
зывали надо мною свою жестпоспъ въ
особенности , но не щадили и другихъ
моихъ поварищей . Посредспвомъ шакого
утнѣшенія хопѣли они вывеспци насъ изъ
шерпнїя и чшобъ мы взбунповались , да-
бы подъ симъ предлогомъ могли они воз-
вращишся въ свои мѣспа ; ибо непривык-
ши къ шакому роду жизни , какую вели
на горѣ , и бывъ оплучены опъ домовъ и
семеиспвъ своихъ , крайне скучали . Но
мы догадались объ ихъ намѣреніи и еди-
нодушно рѣшилиш сносипъ все шерпѣли-
во до окончанія дѣла . Мнѣ было всѣхъ
пшажелѣе по шому , что осшавался въ ра-

Божѣ безсмѣннымъ; между тѣмъ какъ дру-
 гимъ доспадалось спрадаць полько по
 недѣльно. Все, что облегчало мое бѣд-
 ствіе, состояло полько въ томъ, что
 масперъ, или каменщикъ, будучи человекъ
 весьма добрый и чувствительный, при-
 нималъ во мнѣ участіе. Узнавъ о тѣхъ по-
 дробно о моемъ состояніи и нещастіяхъ,
 оказывалъ къ участи моей самое нѣжное
 состраданіе, и не менѣе уважалъ мою
 ученость, будучи самъ безграмотенъ. Онъ
 претовалъ даже о тѣхъ мнѣ однажды, что
 бы я что нибудь сказалъ ему въ собствен-
 ное его утѣщеніе о томъ, чѣмъ укрѣ-
 пляюсь я въ моемъ терпѣніи. Я говорилъ
 ему о примѣрахъ священныхъ мучениковъ,
 кои переносили всѣ трудности и скорби безъ
 роптанія съ вѣрою и любовію къ Богу;
 что и я починаю здѣшній свѣтъ суеш-
 нымъ, а жизнь нашу скоро преходящею,
 тѣмъ легче переношу мои страданія, на-
 дѣясь въ будущей жизни получить за то
 въ награду безконечное блаженство. Я
 приводилъ еще къ сему сдѣланное пред-
 опредѣленіе Адаму: *въ потѣ лица твоего*

си́си хлѣбъ твой; что шаковое изрѣченіе долженствуетъ пребыть на роду человѣческомъ до скончанія сего міра, и которое обязаны мы носить съ благоговѣніемъ, дабы не сдѣлались большими противниками всемогущей и свяшой волѣ нашего Создателя; также Евангельское утѣшеніе: *пріидите ко мнѣ вси труждающіеся и обремененіи, и азъ успокою васъ*, и прочее. Но какъ онъ во все челоуѣкъ былъ несвѣдущій въ священномъ писаніи, то весьма мало понималъ изъ шаковаго моего разговора; по чему я принужденъ былъ прибѣгнуть къ легчайшему для него примѣру, напомнивъ одну пѣсню, писанную нѣкопорымъ, спарикомъ Армяниномъ на Персидскомъ языкѣ.

Содержаніе пѣсни сей заключаетъ въ себѣ утѣшительную увѣренность о преимуществѣ Христіанина предъ Магометаниномъ: я приведу здѣсь нѣкопорыя главные сшихи сей пѣсни изъ слова въ слово:

„Проживъ до глубокой старости, я
 „училъ и читалъ Христіанскія книги, ко-
 „порыя веляшь намъ защищать честь
 „святой вѣры и истинны ея: сіе намъ
 „принадлежитъ. “

„Мы всегда и все даемъ, но неоску-
 „дѣваемъ: сіе намъ принадлежитъ. “

„Терпимъ мученія и плашимъ дани;
 „но неистощаемся; — сіе только намъ
 „принадлежитъ. “

„Ханы и Шахи опъ насъ бываютъ
 „сыты; слава тебѣ Господи! Это намъ
 „принадлежитъ. “

„Сохраняя законъ и обѣщанія Бо-
 „жїи, увѣряю васъ, что и рай намъ при-
 „надлежитъ. “ и прочее.

Ну! ну! съ восхищеніемъ возкликнулъ
 мой масперъ, вопъ давно бы ты это ска-
 залъ; шеперь я все понимаю, и на что
 говоришь сполько примѣровъ изъ писаній!
 Онъ весьма былъ радъ моей бесѣдѣ, и я
 также доволенъ былъ собою, что вездѣ
 находилъ себѣ какого либо почишателя

и чрезъ шо въ крайноспяхъ снискивалъ хлѣбъ и покровищельство; однако радость сія продолжалась одну только минушу, и тогда же обратилась мнѣ въ жестокое спраданіе. Разговоръ нашъ имѣли мы за стѣною, копорую клали, а вблизи одинъ изъ Персіанъ непримѣтнымъ образомъ подслушалъ мои рѣчи, и особенно шо, что рай намъ принадлежишь. Будучи шѣмъ приведенъ въ ярость, онъ въ шужъ минушу подалъ свой голосъ и подозвавъ меня къ себѣ, спросилъ что я говорилъ съ мастеромъ. Испугавшись ошъ одной перемѣны лица его, я оппирался, что неговорилъ ничего, однако на послѣдокъ принужденъ былъ прочищать ему мою пѣсню. Тотчасъ позвалъ онъ своего шоварица и пересказавъ ему мои слова, принялись оба бишь меня палками, приговаривая: „ну, спупай же въ рай, вопъ шебѣ рай.“ — Они мучили меня до шѣхъ поръ, пока ни на головѣ, ни на шѣлѣ не оспалось цѣлаго мѣспа, и я весь былъ уже въ крови. Тогда сіи изверги спащили меня безчувственнаго къ церкви и бросили въ шем-

ное мѣсто, которое прежде было ризницею. Пришедши шамъ въ память, я почувствовалъ всѣ мои язвы, мое положеніе, и обливаясь горькими слезами, молился Богу сжалишься надъ моею бѣдностію и страданіями, что избавя прехъ Вавилонскихъ опроковъ опъ огненной печи, и швора велія и дивныя чудеса, избавилъ бы и меня опъ моего мученія, изцѣлилъ бы раны мои, призрилъ бы меня подъ сѣнію крылъ своихъ, послалъ бы помощника и упѣшителя, котораго я не имѣю, или же: еспѣли въ здѣшнемъ вѣкѣ неопредѣлено мнѣ бытъ когда либо въ спокойной жизни, по явилъ бы надо мною благость свою скорымъ прекращеніемъ дней моихъ, исполненныхъ болѣзней и скорби. Въ шаковомъ плачѣ и сѣшваніи непрерывно нѣсколько часовъ, находившаяся при Персіанахъ женщина, для приготошенія имъ пици и мышья бѣлья, узнавъ о моемъ приключеніи, пайнымъ образомъ опъ всѣхъ пришла ко мнѣ. Она принесла съ собою молока и напишала меня; разбишую голову мою, покрышую загуспѣвшею кровью,

обвязала лошаковымъ навозомъ. Находясь въ холодномъ мѣспѣ и лежа на каменномъ полу, я сдѣлался очень шрудень. Въ семь положеніи, безъ пищи, кромѣ одного молока, безъ всякихъ помогающихъ средствъ, безъ присмотра, въ объятіяхъ хладной сырости, обыкновенныя силы человѣческія не могли бы успоить, еспьлибы перспѣ Божій не поддержалъ слабой жизни моей. — Я пролежалъ цѣлые два мѣсяца; никто не далъ знать о томъ моей мащери и нѣкому было помочь мнѣ, чпобы поворопиться на другой бокъ, кромѣ той доброй Персіанки, копорая не могла приходить ко мнѣ болѣе одного раза въ день, да и по шайно подъ великимъ страхомъ. Товарищи мои, равнобрно упомянутые работою, а не менѣе и недоспашкомъ пищи, или и самымъ голодомъ, со всѣмъ не имѣли досугу думать обо мнѣ. Въ продолженіи болѣзни моей, мучители мои и прешій смощришель изъ Армянъ были смѣнены, а на мѣсто ихъ присланы другіе два Персіанина и одинъ Армянинъ. Между шѣмъ я спалъ поправляясь и выходилъ,

или лучше сказать, выпалзывать на воздухъ. Товарищи мои въ облегченіе себя опъ работы, опъ копорой прежнія приспавники не давали опдыха въ день по-чпи ни на минушу, выдумали хипросшь и вновь присланнымъ предспавляли, чпо они по опдаленности опъ селенія не могутъ шеперь опсправлять должной по нашему закону молишвы въ церквѣ, и чпо для шого общеспво опсправило съ ними одного ученаго, ш. е. меня, чптобы я каждый день всему ихъ собранію чипаль молишвы и нѣкошорое служеніе церковное; шо для сего давали бы они имъ по нѣсколку часовъ въ день свободы; въ прошивномъ же случаѣ грозили принести на нихъ жалобы и оспавить работы. Новые приспавники безъ пруда на сіе согласились, пошому, чпо были добрѣе прежнихъ, и нехощѣли подашь повода къ безпокойспву, за кошорое можешъ быть надлежало бы имъ опшвѣспсвовашь, какъ людямъ, неумѣющимъ править порученнымъ имъ начальспвомъ. Какъ бы шо нибыло, но шолько чпо я поправился, шо раза по

при въ день спалъ опправляяшь наши молишвы, къ копорья мы довольню опдыхали опъ шрудовъ, чпо было единшвенною цѣлю нашего моленія. При чемъ шоварищи мои всегда приговаривали мнѣ, чшобъ я чипаль долѣе. Въ шаковыхъ молишвахъ между прочимъ не забывали мы никогда Архимандрита за копораго здѣсь рабошали и просили Бога заплашитъ ему за наше бѣдшвие. Равнымъ образомъ поминали управляющаго спароспу и прочихъ имъ подобныхъ. Персіане видя меня читающаго и поющаго безъ книги, особливо въ шогдашнемъ моемъ возрастѣ, возимѣли ко мнѣ нѣкопорое уваженіе.

Въ продолженіе работы сей, многіе изъ моихъ шоварищей, шолько не помню сколько именно, померли опъ разныхъ причинъ; нѣкопорые бывъ ушибены каменьями, умирали опъ шого, чпо нѣкому было помочь имъ и лѣчить; другіе опъ змѣнаго уязвленія, иные оставаясь безъ смѣны недѣли по двѣ, по шри и болѣе, умирали опъ голода и опъ другихъ болѣзней. Я

же въ разсужденіи пици не имѣль уже недоспашка, какъ приобрѣль къ себѣ уваженіе нашего маспера, копорый по выздоровленіи моемъ удоспоиваль меня своей прапезы, съ наступленіемъ же зимы кончилось и спраданіе наше. Всѣмъ обществомъ возблагодаривъ Бога за ниспосланную спужу и снѣгъ, оставили мы гору, пробывъ на ней шестъ мѣсяцовъ, и возвратились въ селеніе: ибо продолжашь работу болѣе было уже не можно.

На возвращномъ пути взяли мы другую дорогу, хощя самую дальнюю, но изъ прочихъ спокойнѣйшую. Не съ большимъ чрезъ чепыре часа спустились мы къ подошвѣ горы, къ шой споронѣ, гдѣ печепь рѣка Ампершъ. *) Рѣка сія въ осеннее время бываешь глубже, однако не выше груди; а въ другихъ мѣстахъ въ поясъ и по колено, исключая нѣкопорыхъ ямиспыхъ мѣспъ; вообще же весь-

*) Ампершъ значить мѣсто, *натурою укрѣпленное*; ближайшій же переводъ сего слова: *безъ крѣпости крѣпкое*, по кошорому и рѣка названіе свое имѣшъ.

ма быстра, и по причинѣ пороговъ производилъ столь чрезвычайный шумъ, что и въ довольно ошъ нее разстояніи со всѣмъ почти не лзя слышать разговора. *Аипертъ*, имѣющая самую чистѣйшую и пріятнѣйшую воду, составляетъ изъ ключей горы Аракацъ, кои соединяясь у высунувшейся изъ горы скалы, того самаго мѣста которое называется *Аипертъ* имѣющей ровную и довольно проспранную поверхность, упадающъ въ пропасть двумя каскадами съ обѣихъ сторонъ скалы и тамъ производилъ рѣку. Поля, около лежащихъ селеній, напояются ея водами, ибо въ тамошнихъ мѣстахъ вообще нѣтъ такихъ ни дождей, ни снѣговъ, какъ въ другихъ мѣстахъ, кои для того были бы доспапочны, и всѣ поля наводняются ошъ рѣкъ испочниковъ и проводимыми ошъ нихъ каналами, или подземными колодцами. При переходѣ чрезъ *Аипертъ*, поварищи не сказали мнѣ, что должно смотрѣть на сухой берегъ и опнюдь не глядѣть на воду, ошъ чего въ шу же минушу помущився глаза и дѣлается родъ

обморока. Поднявши плащѣ наше на головы, пошли мы въ бродъ. Но я только что вслупиль въ воду, имѣя у себя ошь побой больное еще шѣло, по почувсшво-
 валь несперпимой холодъ въ ногахъ и ошь смопрѣнїя на воду лишь только
 что сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, голо-
 ва моя закружилась и пошемнѣло въ
 глазахъ. — Спремленїемъ воды попчасъ
 меня опрокинуло и понесло по печенїю,
 перекашывая съ собою чрезъ камни. То-
 варищи мои съ начала непримѣшили моего
 паденїя, а послѣ можешъ бышь и не рѣ-
 шились мнѣ помогашъ по собственной
 опасности. Въ семь случаѣ шакже дивная
 десница Божїя сохранила мою жизнь. При
 паденїи, я не во все лишился памяти, и
 нѣсколько переводя дыханїе опражалъ
 лїющуюся въ меня воду. Меня опнесло
 уже шакъ какъ сажень на 70, и къ ща-
 спїю приваливъ къ одному довольно вы-
 сокѣму камню, чрезъ которой вода не мо-
 гла уже меня перекашпшь, прижало къ
 оному почти споймя. Опасность привела
 меня въ полную память и придала силы.

Открывъ глаза, я старался удержашь себя у сего спасительнаго камня. — Но можетъ быть силы мои, по причинѣ замерзвенія членовъ опъ холодной воды, скоро бы меня со всѣмъ оставили, естъли бы не случилось одному Персіанину идиши берегомъ. Онъ искалъ мълчайшаго и удобнѣйшаго мѣста для перехода съ своимъ осломъ: ибо сія скопина, какъ извѣстно, плавашь не умѣешь, а пошому боишся воды, и опнюдь не спупишь въ нее въ шакомъ мѣстѣ, въ которомъ вязко или мушно, и гдѣ не видно мълкаго и совершенно чистаго дна. Увидѣвъ сего Персіанина, я закричалъ ему: Божій человекъ! помоги мнѣ и спаси меня! — Онъ раздѣвшись въ одну минушу, бросился ко мнѣ и взявъ меня подъ мышки, вывелъ на берегъ. Такъ какъ плашь мое было все унесено водою, шо онъ, для прикрытія наготы моей, далъ мнѣ свою епанчу и посадивъ на своего осла, проводилъ въ деревню *Акаракъ*, опъ рѣки не болѣе версшы разстоянія. Деревня сія была прежде Арминская, а шеперь заняша одними Персіана-

ми. Избавитель мой сдѣлалъ мнѣ еще одно изъ величайшихъ благодѣяній; онъ оп-велъ меня въ домъ своего знакомаго и просилъ до совершеннаго моего исправленія смолчать за мною и оказывать всю возможную въ моей слабости помощь, обѣщавъ ему за сіе возблагодарить. Меня потчасъ опвели въ конюшню и тамъ положили, пакъ какъ мѣсто сіе у насъ есть самое теплое и удобнѣйшее для согрѣнія опъ спужи. Какъ скоро я опдохнулъ и обогрѣлся, то принесли мнѣ нужное платье и пицу; послѣ чего я довольно оправился опъ моей омертвелости. Великодушный Персіанинъ, взявъ плащъ свой и увѣривъ меня что оставилъ въ добрыхъ рукахъ, просился со мною. Я благодарилъ его со слезами за спасеніе меня и за благодѣяніе, которое мнѣ дѣлаешь. Пробывъ шупъ двѣ недѣли, я довольно пришелъ въ силы и укрѣпился въ здоровьѣ. Здѣсь ходилъ я осматривать тамошнюю спаринную крѣпость и развалины монастыря, называемаго Парби, который есть первый изъ построенныхъ въ 3мъ вѣкѣ

просвѣпипелемь Арменіи Свяпымь Великомученикомь Григоріемь *). — По прошествіи двухъ недѣль, опблагодаривъ моихъ хозяевъ съ чувспвипельностію за попеченіе и милоспи, мнѣ оказанныя, собрался идиши въ свое селеніе. Они и другіе Персіане собрали ещѣ мнѣ на дорогу денегъ около рубля. Дорога моя была на деревню Ушаканъ, опспоящую опъ нашего селенія примѣрно верспахъ въ 15 пи. Не доходя до сей деревни, при подошвѣ одного камениспаго холма, увидѣлъ я памятникъ, воздвигнупый изъ дикаго камня, величиною около двухъ сажень съ половиною. Опспановясь и разспапривая его,

*) Подверженныя бешевспу опъ укушенія бѣшеной собаки, приходящя и по нынѣ къ сему мѣсту и получающъ изцѣленіе, или же берутъ нѣсколькo земли изъ средины церкви и кладущъ въ воду, которую дающъ пить бѣсующемуся. Первая причина таковому дѣйствію слѣдующая: во время опправления Св. Григоріемь лишургіи, нѣкошорые язычники бросили въ церковь бѣшеную собаку, (незнаю мерспаую или живую) сказавъ Григорію въ смѣхъ: естъяи швой Бо.ъ силенъ, шо выльчи эту собаку. Св. Григорій принесъ Богу моленія и изпросилъ помянуоще чудесное дѣйствіе; чтооь бѣсующіяся получили на семь мѣстаъ изцѣленіе, а собака шогда же выбѣжала изъ церкви здоровою.

сожалѣлъ, что не могъ прочиташь надписи, копорая сдѣлана была на древнемъ Елминскомъ языкѣ. Въ это время подошелъ ко мнѣ Ушаканскій обыватель и сказалъ мнѣ, что ты смотришь съ такимъ вниманіемъ, не хочешь ли ты быть осмымымъ? При сихъ словахъ любопытство мое умножилось, я просилъ его убѣдительно, чтобъ онъ разсказалъ мнѣ, кто такой погребень подъ симъ камнемъ. — Онъ уведомилъ меня, что на семь мѣстъ были прежде виноградные сады, и что шупъ, гдѣ стоить памятникъ, погребены семь брашьевъ, убитые разбойниками по одинакъ погда, какъ отецъ сихъ семи брашьевъ во время дѣланіи винограда посылалъ ихъ одного за другимъ для провѣдыванія перваго, оспававшагося на мѣстѣ для спереженія; но не дождавшись и послѣднимъ посланнаго, пошелъ шуда самъ и также убитъ, какъ его дѣти, и брошены злодѣями въ яму, въ копорую обыкновенно при давленіи винограда собирають его сокъ; по чему и называется сіе мѣсто могилою семи брашьевъ. Поблагодаривъ

его за свѣдѣніе, я продолжалъ мой путь къ деревнѣ Ушаканъ, въ копорой живутъ все Армяне.. Пришедъ шуда уже въ сумерки, опыскалъ домъ нашего знакомаго, по имени Саркиса (Сергѣй), копорый во время помянушаго нашествія Царя Ираклія, для спасенія своего удалившись въ селеніе Вагаршапашъ, проживалъ въ нашемъ семействѣ. При входѣ моемъ въ его домъ, онъ шолько чшо увидѣлъ лицо мое, какъ въ чрезвычайномъ спрахѣ бросился вонъ и швора молишву, побѣжалъ къ сосѣдамъ, оспавивъ меня одного. Я удивился шакому спранному его поступку, и опъ шого испугавшись, можетъ быть не менѣ его выщель на улицу, думая, чшо Саркисъ конечно считаесть меня за мерпвеца или привидѣніе. Догадка моя была основашельна. Въ шужь минушу нѣскольکو человекъ выбѣжало изъ домовъ, а Саркисъ задыхался, кричалъ: „вошь, посмошрише, посмошрише! — Всѣ шоварищи его сказали, чшо онъ упонулъ въ *Ашпертъ*; машъ служила по немъ панихиды и дѣлала поминки, а шеперь онъ показался здѣсь: это шѣнь

его, это мертвецъ; вѣрно на немъ лежишь проклятіе, и онъ не можетъ найсти себѣ спокойствія, — и между шѣмъ прикладывался выспрѣлишь по мнѣ изъ ружья. Слыша шаковыя обо мнѣ заключенія и види храброе намѣреніе Саркиса меня убишь, я взаимно въ опвѣшь съ возможною скоростію кричалъ имъ, что я неумиралъ, что спасся такимъ и такимъ образомъ, и гдѣ былъ и при семъ случаѣ въ большее увѣреніе крестился и чипалъ молишвы, самъ шрепеща отъ спраха, чтобы Саркисъ не выспрѣлилъ. Сосѣды будучи въ меньшемъ спрахѣ, нежели онъ, могли видѣшь и судишь основательнѣе; они говорили ему, хопя впрочемъ и сами можетъ бышь еще нѣсколько сомнѣвались, что я не мертвецъ, по тому, что чипаю молишвы, и дѣлаю крестное знаменіе, чего мертвецъ, обладаемый діаволомъ, дѣлать не можетъ; а при томъ никогда не говоришь и конечно бы его схватилъ; посмотри, продолжали они, и ноги у него шакъ какъ бышь должно *).

* У насъ вѣрашь мертвецамя, и полагають между прочимъ

лу къ нимъ приближаюсь, чпобъ они по сумеркамъ могли меня лучше разсмопрѣшь и повпоряя увѣренія мои, въ подкрѣпле- ніе оныхъ возобновлялъ чпеніе молишвъ. Между тѣмъ пришелъ и священникъ. При- ближался ко мнѣ для испытанія, подлин- но ли я мерпвецъ или живой, дѣлалъ на меня крестное знаменіе; я самъ шакже крестился и подошедь къ нему, поцѣло- валь у него руку. Послѣ сего Саркисъ увѣрившись, чпо я пришелъ не съ того свѣша, обрадовался и поцѣловавъ меня повель въ домъ. Прочіе шакже вошли за нами; но все еще сомнѣвался, желали по- смопрѣшь буду ли я ѣсть, и не прежде увѣрились совершенно, пока не увидѣли, чпо я ужиналъ, какъ надобно живому, ус- павшему опъ дороги и проголодавшемуся челоувѣку.

За ужиномъ Саркисъ пересказаль мнѣ о томъ, какъ поварищи мои увѣрили се- леніе и мою машь о смерти моей, чпо

опъ живаго челоувѣка шу разницу, чпо у него слѣды ногъ должны быть оборочены пашками въ передъ.

мать моя сдѣлала уже въ память могилу и находилъся о поперѣ меня въ величайшемъ опчаяніи. Между шѣмъ въ продолженіи ужина онъ и прочіе сосѣды, съ искреннею радостію пили за здоровье мое вино, и пошли опъ насъ очень веселы. Какъ скоро оспались мы съ Саркисомъ одни, то онъ совѣщавалъ мнѣ, чпобъ по упру какъ можно ранѣе поспѣшишь домой и ушѣшишь мою мать, говоря, чпо иначе она опъ великой своей горести и опчаяніа можешъ скоро умерешъ. Вспавши поупру весьма рано, пошелъ я напередъ въ церковь къ заупрени помолишься Богу и свѣшому Месропу, который, какъ выше сказано, сочинилъ Армянскія и Грузинскія письма, и шѣмъ просвѣшилъ обѣ сіи націа; а по помъ перевелъ на нашъ языкъ по своему новому письму Библию и другія священныя книги, церковное служеніе и весь обрядъ. Оба тамошніе священники были уже въ церкви и сидѣли одинъ на правомъ, а другой на лѣвомъ крилосѣ въ безмолвіи, и иногда покашливая. Я полагаалъ, чпо они кого ни-

будь ожидають и для того не начинають заупрени, но вышло на прошивъ. Прошло около 3 часовъ, естли не болѣе, когда уже взошло солнце, какъ они посидѣвъ такимъ образомъ, по одиначкѣ вышли изъ церкви, ни сказавъ одинъ другому ни слова. Види чпо пѣмъ кончилась ихъ заупрениа, сошелъ я въ погребъ, гдѣ подь олпаремъ погребень Св. Месропъ. Помолясь и опдавъ должное поклоненіе Святому, возврапился къ Саркису и съ удивленіемъ пересказавъ ему виденное мною, спрашивалъ тому причину. Священники сіи, опвѣчалъ Саркисъ, собирая пошлины съ живыхъ и мерпвыхъ, и сверхъ того десятины, по жадности спали недовольны симъ обильнымъ доходомъ и для умноженія онаго, въ самомъ ли дѣлѣ, или припворно выдумавъ новый проекшъ для своихъ доходовъ, ссоряпся между собою на шопъ конецъ, чптобы обывашели, кпо кошораго изъ нихъ любипъ, приходили бы къ нимъ просипъ о примиреніи между собою, и при семъ случаѣ всякой къ любимому имъ священнику несепъ какой

нибудь подарокъ; и по чпо они не служили теперь, по буднямъ случается весьма часто; одинъ заставляетъ другаго, чпобъ начиналъ службу; и такимъ образомъ перекоряясь, оставляютъ церковь безъ опправленія Божіей службы. Теперь по видимому они опять ожидающъ, чпобъ шли къ нимъ съ подарками. — Послѣ сего разговора, проспаясь съ Саркисомъ, опправился я въ пупъ съ однимъ попушникомъ шедшимъ въ наше селеніе.

Домы деревни Ушаканъ *) построены

- *) Въ деревнѣ Ушаканъ растутъ два примѣчательные корня, одинъ называется *Торонб*, изъ котораго дѣлается красная краска, кошерая употребляется здѣсь въ Россіи и называется мореною, а другой Лоштакъ или Манракоръ, имѣющій по своей фигурѣ совершенное подобіе челоѡка и употребляется у насъ въ лѣкарствѣ. Онъ довольно великъ и его вытаскиваютъ обыкновенно собакою, такимъ образомъ, что окопавъ около его землю, привязываютъ къ нему веревкою собаку, и понуждаютъ ее плянуть, пока корень не выйдетъ со всѣмъ изъ корня. Причина сему, какъ во всѣхъ нашихъ мѣстахъ говорятъ, та, что естля оной корень вытащитъ челоѡкъ, шо онъ не минуемо отъ того умретъ шупъ же, или весьма скоро, и чпо при вытаскиваніи его всегда бываетъ слышимъ спонающій челоѡчскій голосъ; но я сего не утверждаю, и какъ самъ не видалъ, шо и не очень вѣрю.

ны всѣ изъ нозревапаго камня, копорымъ
 наполнены всѣ тамошнія холмы и горы,
 называемаго Чечопъ, что значить рябой
 Онъ имѣеть двойкой цвѣтъ; красновою
 и черной; легокъ, какъ морская пенка и
 на водѣ не тонеть, еспли нѣтъ въ немъ
 поспороннаго вросшаго камня; въ баняхъ
 оскабливають имъ съ ногъ нарастающую
 кожу. Деревня Ушаканъ съ шрехъ сторонъ
 укрѣплена спѣнами изъ того же камня, а
 чешвертая спорона неприслупна, по на-
 шурѣ; ибо шуть около 50 сажень и бо-
 лѣе чрезвычайная каменная крупизна, при
 подошвѣ копорой печеть рѣка Карпи,
 проходящая также и около нашего селе-
 нія. Она не очень широка, имѣеть по
 большой части мѣлкя мѣста и вообще
 нѣтъ большой глубины; выпекаетъ какъ
 и Ампертъ изъ ключей Аракашской горы
 подъ находящимся тамъ селеніемъ, Карпи
 называемымъ. Спускаясь прямо опъ де-
 реви помянушою крупизною по проло-
 женнымъ шропинкамъ, посѣшилъ я имѣю-
 щіяся въ ней пещеры обипавшихъ нѣко-
 гда тамъ пущынниковъ. На послѣдокъ

перешли рѣку, по поспроенному покойнымъ Папріархомъ Симеономъ каменному мосту. Въ сей рѣкѣ находилъ ся та самая рыба, называемая Кармрахайпъ, которую въ бытность мою въ монастырѣ, какъ выше я сказалъ, прикладывали къ больному моему пальцу. Перейдя мостъ, поспѣшась надобно всходилъ на каменную гору, посредственной высоты. Поднимаясь, примѣтилъ я почти повсюду разной величины камни, накладенные одинъ на другой въ родѣ маленькихъ пирамидъ. Спутникъ мой велѣлъ мнѣ, чпобъ я взявъ камень, положилъ также сверхъ одной кучи, и самъ сдѣлавъ поже, указалъ мнѣ въ правой рукѣ возвышенное на горѣ мѣсто, гдѣ хотѣлъ объяснить причину таковой накладки камней, дѣлаемой всѣми по сей горѣ проходящими. Взошедъ на показанное возвышеніе, привелъ онъ меня къ пещерѣ, выкладенной изъ камней и довольно просторной для одного человека. Въ боку сей пещеры показалъ онъ мнѣ яму, которой глубина натуральная была еще вырыта, и я полагалъ ее ар-

шинь до 15. Въ сей ямѣ видны были во множествѣ наваленныя человѣческія коспи. Спутникъ мой дорогою разсказалъ, что предъ пѣмъ лѣтъ болѣе 150, жилъ въ сей пещерѣ подъ видомъ пустынника, нѣкто по имени Давидъ, копорого всѣ называли Аршаръ (ш. е. испинный или праведный, и подъ симъ названіемъ собствено разумѣлся такой человѣкъ, копорый долженъ бытъ непременно въ раю). Въ то время, около прехъ лѣтъ продолжался здѣсь самой ужасной голодъ, шакъ, что нѣкопорые жипели ѣли всякихъ живопныхъ. Давидъ между пѣмъ удивлялъ всѣхъ образомъ своей жизни, и каждый день ходилъ въ монастырь къ обѣднѣ; но наконецъ случилось, что онъ монастыря по обыкновенію, около свяшой недѣли, посланъ былъ одинъ изъ церковныхъ служителей по селеніямъ, для собиранія яиць. Когда онъ проходилъ мимо той пещеры, Давидъ пригласилъ его къ себѣ, какъ прохожаго для отдохновенія. Дѣячокъ шолько что взошелъ въ пещеру, то пустынникъ, посадивъ его, неизвѣстно за чѣмъ вы-

шель вонь. Онъ же между шѣмъ желая осмотрѣшь пещеру, увидѣль сію яму, а въ ней чѣловѣческія кости, и по тому взялъ на пустынника подозрѣніе. — Но какъ избавишься опъ него не находиль никакого средства, шо на оставленномъ имъ при выходѣ верхнемъ кафшанѣ назади успѣль написашь углемъ: „спасите меня изъ ямы, онъ ѣсть людей и меня съѣсть.“ — Пустынникъ выходиль только для предоспорожности посмотрѣшь, найдешь ли кшо вблизи опъ его пещеры, и шопчасъ возвращаясь назадъ, схватилъ бѣднаго дьячка, связалъ ему руки и ноги и завязавъ ротъ, опустилъ въ яму. Время было еще упромъ рано такъ, что по щаспію дьячка пустынникъ въ шопъ же день пошелъ въ монастырь къ обѣднѣ. Онъ могъ оставляшь свою пещеру безъ всякаго сомнѣнія, шоптому, что изъ уваженія къ нему по всей нашей землѣ ни кшо не смѣль входилъ въ нее безъ его приглашенія; но какъ скоро въ церквѣ замѣшили, что у него было написано на спинѣ, шо, прочитавъ надпись, въ шужь

минути объявили монашеспвующимъ. Его задержали подъ карауломъ, а между тѣмъ послали нѣсколько человекъ осмопрѣшь пещеру. Посланные вышацивъ изъ ямы несчастнаго дьячка, привели въ монастырь, а при помъ донесли и о видѣнныхъ человеческихъ костяхъ. Въ продолженіи голода весьма много людей пропало безъ вѣспи, и догадывались, что они къмъ либо были убиты въ пищу. Теперь все подозрѣніе упало на сего пустынника и онъ при первомъ допросѣ признался, что найденныя въ его пещерѣ кости были почно съѣденныхъ имъ людей, копорыхъ онъ къ себѣ заманивалъ, или въ ночное время ловилъ шакимъ образомъ, что наспавливалъ по ближайшимъ и болѣе непроходимымъ дорожкамъ камни, грудю одинъ на другой, и когда проходія по темнопѣ находя на сіи камни, обрушивали ихъ, по онъ идя на спукъ опъ шого производимый, примѣчалъ сколько людей проходило, и еспли случался одинъ, по онъ приближаясь къ нему, по своему обыкновенію, для спраннопріимспва заводилъ его въ

свою пещеру; а въ случаѣ несогласія убиваль шупъ же на мѣспѣ. Послѣ шаковаго допроса, привязали его къ лошадиному хвосту и размыкали, такъ, что какъ говорится у насъ, оспались одни уши. Съ тѣхъ поръ и вошло въ обыкновеніе, что всякой проходящій по сему мѣспу, спавишь камень на камень. Въ продолженіи сей повѣсти спали мы подходить уже къ тому мѣспу, гдѣ должно было спускахься съ горы на Аракашскую степь. Немного недоходя до онаго, на одномъ изъ шамошнихъ камениспыхъ холмовъ нашель я родъ маленькаго озерка, или нѣкошорое количесшво воды, а около его цѣлыми грудами разбишья каменные разные сосуды. Товарищъ мой сказалъ мнѣ о семъ то, что я по наслышкѣ давно уже зналъ, и имянно: по кончинѣ Св. Месропа, владѣшельный Князь Ушаканскій, ошкуда мы шли, Ваганъ Амапуни, будучи человекъ въ то время весьма сильный, пошребоваль, чтообъ Месропъ, какъ уроженецъ Ушаканскій, пренесень былъ для погрѣбенія шѣла его въ шамошнюю церковь, гдѣ

послѣ и онъ самъ погребенъ подлѣ Месропа. — Духовные Эчміацынскаго Монастыря, несшіе святое тѣло Месропа, для отдохновенія своего, и во множествѣ слѣдовавшаго за ними народа, оспановилися на семь мѣспѣ, а по отдохновеніи, когда они спали продолжашъ свой путь, по вдругъ сдѣлался чрезвычайно сильной дождь, продолжавшійся только нѣсколько минушь; послѣ чего дождевая вода соединилася вся на по мѣсто, гдѣ спяло тѣло Месропово. Съ тѣхъ поръ болящіе чесотками и другими наружными сыпями, принося съ собою новые не держанные сосуды, окачиваются сею водою, по шомъ разбивающъ сосуды, и получаютъ послѣ того весьма скорое изцѣленіе. Это есть дѣйствительная правда; но только не знаю я шого, что показанная вода высыхаетъ ли въ лѣтнее время и собирается ли ошъ новыхъ дождей, или спойшъ все одна и также неиспоцимою.

Попупчикъ мой шель весьма скоро, шерописъ возвратишъся въ Ушаканъ, въ

попъ же день. По слабости моей опъ болъзни, я былъ уже не силахъ поспѣшашь за нимъ и опасался оспашься одинъ; ибо въ осеннее время бывающъ у насъ среди дня пакія сильные шуманы, чпо на разспоянїи даже одной сажени нельзя видѣшь лица челоука, и чпобъ въ сїе время непопасъ какому нїбудъ хищному звѣрю, изъ коихъ большею частїю нападающъ погда волки, я убѣдительно просилъ моего спущника идши пише; но онъ на просьбу мою не согласился и оставилъ меня одного. — Объяпный спрахомъ шель я уже по пихоньку, плакалъ, или чипалъ для ободренїя себя молишвы. Сошедъ съ горы и пройдя Персидскую деревню Мулла-Дурсунъ (чпо значилъ для одного муллы), доспигъ наконецъ монастырской мѣльницы, Юсь-Баша называемой, опъ копорой до монастыря оспавалось не болѣе какъ часъ, или часа полтора ходьбы. Я рѣшилъ ипущъ опдохнуть и узнать опъ мѣльника, нѣтъ ли у насъ въ селенїи, или монастырѣ чего новаго; но взошедъ въ нее, услышалъ я

въ низу мѣльницы голось спонающаго человека. Я осмѣлился спуда спуститса и нашель мельника, связаннаго и брошеннаго между колесами. Онъ былъ весь почпи въ крови и едва могъ проговорить, чпобъ я его развязаль. У него были въ гостяхъ разбойники, копорые ограбивъ все пшено и муку, въ добавокъ избили его шакъ, чпо едва оставили живаго. При выходѣ отъ него, просиль онъ дашь знашь объ его приключеніи въ монастырѣ и въ селеніи, въ которое дошелъ я уже предъ вечеромъ. Робяпишки увидѣвшіе меня первые, попчасъ начали кричать: мершвецъ! мершвецъ! Всѣ сказали, чпо онъ упонулъ въ рѣкѣ, машь давно уже служила по немъ панихиды и сдѣлала могилу; онъ изъ воды, мершвецъ! мершвецъ! — Такая вспрѣча и привѣтствія при совершенномъ изнеможеніи моемъ, привели меня въ робосшь и я едва могъ дойти до своего дома, будучи безпрестанно провождаемъ крикомъ глуныхъ ребяшь. — Взойдя въ домъ, увидѣль я мою машь, сидящую въ праурномъ

положеніи по нашему обычаю *) и въ глубочайшей задумчивости. Увидѣвши меня, она не вѣрила своимъ глазамъ, вспала и подходила ко мнѣ въ молчаніи; я тотчасъ проговорилъ: машушка, я живъ! и бросился къ ней на шею. Бывъ опъ спѣшеннаго дыханія не въ соспопніи ни слова промолвишь, она прижала меня къ груди своей, и въ безмолвномъ рыданіи обливала меня своими слезами. Я также плакалъ, и опъ радости, смѣшенной съ гореспію, въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ не могъ сказаць ни одного слова. Потомъ успокоясь мало по малу, я пересказалъ ей всѣ бывшія со мною приключенія съ того времени, какъ посланъ былъ въ работу. Она также рассказала мнѣ, какимъ образомъ увѣдомили ее о моей смерти; какія дѣлала по мнѣ поминки и на послѣдокъ что еще претерпѣла во время оплучки моей опъ припеснѣній и ненависти нашихъ злодѣевъ. — Какъ уже

*) По нашему обычаю трауръ означается такъ: мужчина разстегиваетъ воротъ рубашки и грудь держитъ обнаженною, а женщина имѣетъ разпущенные волосы и покрываетъ голову чернымъ плащомъ.

со всѣмъ смѣрклося, пришелъ домой и старшій мой братъ. — Общая наша съ нимъ радость также была велика. — Ему снова я пересказала о себѣ то, что говорилъ матери. На конецъ поужинавъ вмѣстѣ кислаго молока, которое соспавляло всю пищу моей матери, разошлись спать. На другой день и нѣсколько дней съ рядомъ, всѣмъ селеніемъ удивлялись о моемъ возвращеніи, и многіе не вѣрили тому, пока сами меня не увидѣли. — Между тѣмъ мы жили хопя скудно, но спокойно, такъ какъ по окончаніи полевыхъ работъ и въ зимнее время занимаюся всѣ только собственными домашними работами и никуда не шребуются. Въ продолженіи зимы мать моя по совѣшу со мною, положила чпобъ женить старшаго брата, на что и онъ согласился, тѣмъ болѣе, что успѣлъ уже скопить у себя нѣсколько денегъ. Мы разсуждали, что съ умноженіемъ родспвенниковъ можемъ избавишься опъ припѣснителей и соспавить подъ защипою, и для того, чпобы войпи въ родспво еъ доспашочнымъ домомъ, ими случайнымъ,

положили выбрашь невѣспу не изъ самыхъ молодыхъ, но совершенныхъ лѣшь. И такъ сдѣлали сваповспво и вскорѣ сыграли свадьбу. Жена брашнина принесла ему въ приданое половину шого, чпо онъ по обыкновенію долженъ былъ дашь ее родипелямъ. Расходъ свадебный нѣсколько былъ наверхшанъ шѣмъ, чпо всякой госпъ, пирующій на свадьбѣ, даешъ для жениха нѣсколько денегъ, коихъ и собралось у брата рублей до осмьнадцати.

По обычаю нашему вышедшая въ замушпво не можешъ говорипшь въ домѣ ни съ кѣмъ, кромѣ своего мужа и дѣвушекъ. — Она объясняется одними только знаками, и шопчасъ опворачивается ког. да на нее мушина, или женщина смопришъ; садипся за споль съ однимъ только мужемъ и не бываетъ за общимъ. Случается, чпо шакое тиранское правило продолжается даже и послѣ рожденія молодой замушнею женщиною 3 и 4 дѣшей, и иногда до десяти лѣшь жипшь своего съ мужемъ. Въ исходѣ чешвершаго мѣся-

ца послѣ брашнинаой женидѣбы, мнѣ край-
не наскучили нѣмые разговоры невѣспки.
Я сожалѣлъ и объ ней, что такое обра-
щеніе должно бытъ для нее очень и ску-
чно и запруднительно. Поговоря о семь
съ маперью, я съ согласія ея предложилъ
брату, чтобы онъ позволилъ своей женѣ
говорить съ нами языкомъ, а не руками
и ногами; а при томъ изъяснилъ ему мое
усердіе учить ее грамотѣ. И такъ не
смотря на жестокой и глупой нашъ обы-
чай и на то, что въ селеніи будущъ надъ
нами смѣялись и зазирали, такъ какъ
ушайцы сего было бы не можно, невѣсп-
ка обращалась съ нами какъ должно. Вско-
рѣ послѣ сего, по просьбѣ моего брата,
около Іюня мѣсяца, отправили я въ Бая-
зипъ съ однимъ шамошнимъ жипелемъ,
который будучи въ нашей деревнѣ, сдѣ-
лался боленъ. У насъ была лошадь, на
которую посадивъ моего больного, самъ
шелъ пѣшкомъ, вмѣстѣ съ караваномъ,
шедшимъ въ Баязипъ же изъ Ашпарака
съ виномъ. Послѣ полудня дошли мы до
рѣки Ерасхъ, или Арасъ. Самое большое

ея разлипіе уже миновало, однако все была еще очень широка и большею частію глубока. Во время разлипія ея переправляюся по ней иногда на плотахъ а иногда на доскахъ, привязывая къ концамъ оныхъ надушые кожаные пузыри, или мѣха, въ коихъ обыкновенно въ Азіи возяшъ въ дорогѣ вино, держащъ воду и молоко. Араксъ при разлипіи своемъ весьма быспрѣ и причиняешъ иногда много вреда сносишъ дома и изспребляешъ посѣвы. Съ прудомъ нашли мы мѣлкое мѣсто и переправилися въ бродъ; но при семъ случаѣ я едва не погибъ вмѣспѣ съ моимъ еѣдокомъ. При переходѣ чрезъ рѣку, я сидѣлъ также на лошади позади больнаго. По слабости своей онъ не въ соспоянїи былъ долго править лошадыю и упустилъ узду, а лошадь, сбившись съ мѣли, вдругъ вспушила въ глубь. Мнѣ закричали изъ каравана, чпобъ я, оставя Баязипца понушъ, спасалъ себя. Я ухватился за хвостъ моей лошади, а больной мой держался за меня. Къ счастью лошадь плыла весьма сильно, билась минутъ до десяти, искав-

ли выйди на мѣль, и наконецъ увидя сполщихъ на другой сторонѣ лошадей, кои успѣли уже переправиться, устремилась къ берегу. По берегамъ Аракса расстелъ кустарникъ, называемой Елгонъ, имѣющій листья и вѣтви на подобіе укропныхъ, вышиною около 5 аршинъ, а толщина самая большая около 3 вершковъ. Онъ горитъ чрезвычайно пылко и даетъ обширное пламя. Шедшія въ караванъ люди, поспѣвъ изъ сего распѣнія разложили огонь и обсушили мое плащье. Предъ вечеромъ дошли мы до деревни Плуръ. Я пошолъ ко всенощной, пѣлъ и чипаль. По помъ вспупись я въ разговоръ съ священникомъ, чшобъ отъ него что нибудь узнать, дѣлалъ ему разные вопросы о значеніи нѣкопрыхъ Евангельскихъ текстовъ; но какъ большая часть сельскихъ священниковъ не только не разумѣють объяснишь, но и не знаютъ сказать, въ какомъ мѣстѣ написано то, о чемъ спрашиваешь, то бѣдной Плурской священникъ пихонько съ убѣдительнымъ видомъ шепнулъ мнѣ, чшобъ я оставилъ мои вопросы и при-

шелъ бы къ нему въ домъ. Онъ угоспиль
меня весьма хорошимъ ужиномъ и виномъ.
Ночь провелъ я вмѣстѣ съ караваномъ.
Между тѣмъ какъ я пѣлъ въ церкви, по
спутники мои прославляя мою ученость,
какъ по наслышкѣ въ нашемъ селеніи,
такъ и по разговорамъ моимъ съ ними на
дорогѣ, выдумали разгласить, что я имѣю
намѣреніе жениться. По чему тамошнія
дѣвушки спарались выглядывать изъ подъ
своихъ покрываль, чтобы я ихъ замѣпилъ.
Но мнѣ было не до того; я думалъ какъ
бы только поужинашь и попраздновашь
лучше на счетъ священника.

На другой день продолжая путь, око-
ло полудня переходили мы большія высо-
ты подошвы горы Арарата на южной ея
сторонѣ, предъ копорою оканчивается
граница Араратской степи деревнею *Ар-
хаче*, гдѣ родился изрядной мѣльничной
камень и находится Персидская таможня.
Здѣсь на одномъ особенно возвышенномъ
холмѣ, называемомъ *Хачъ Гядукъ* (кресп-
ная высота) увидѣлъ я воздвигнутый на

могилѣ большой надгробный памятникъ, и спрашивалъ объ немъ больнаго моего Базипца. Онъ сказалъ мнѣ, что одинъ изъ Епископовъ Ечміацынскаго монастыря, за нѣсколько сошь лѣтъ, возвращаясь изъ своего вояжа въ монастырь, остановился въ Базиптѣ въ нѣкопородѣ домѣ, гдѣ во время спола, за которой только что съли, хозяинъ дома сказалъ ему, чтобъ онъ по примѣру прочихъ взялъ палку. Епископъ удивясь, спрашивалъ пому причину, ему отвѣчали, что въ городѣ появилось въ то время споль много змѣй, что и въ домахъ должно опасаться бышь опъ нихъ уязвленными, и для того всякой имѣешь палку, чтобъ въ случаѣ, естли змѣя покажется, было чѣмъ оборониться. Епископъ услышавъ сіе, попчасъ вспаль изъ за спола, повергнулся на колѣни, и молясь Богу, что-то про себя чипаль. По шомъ вспавъ, сказалъ всѣмъ бывшимъ въ шомъ домѣ, что пока будутъ цѣлы у него зубы, до шѣхъ поръ въ семъ городѣ никшо опъ змѣи уязвленъ не будетъ. По окончаніи обѣда Епископъ не мѣжкавъ

отправился въ свой пупъ, но только что выѣхалъ онъ за границу города, вдругъ поднялся въ немъ чрезвычайный шумъ отъ змѣй, кои изъ всѣхъ мѣсць успремилась вонъ изъ города. Жипели приведены были симъ явленіемъ въ чрезвычайное смяшеніе и удивленіе. Паша въ шуже минушу чрезъ крикуновъ повелѣлъ донести ему, не было ли у кого въ городѣ какого нибудь особеннаго приключенія. Симъ способомъ узнавъ о дѣйствіи Епископа и о сдѣланномъ отъ него обѣщаніи послалъ гонцовъ, чѣмъ привести къ нему его голову, кошорая отсѣчена у него на семь мѣсць, на кошоромъ его догнали, и положена въ свинцовомъ ящикѣ при входѣ въ домъ Пашы, для того, чѣмъ по словамъ Епископа, сберечь зубы его въ цѣлости, а тѣло погребено здѣсь, и съ согласія погдашняго Папріарха, Паша, въ знакъ памяти Епископа, соорудилъ сіе надгробіе, кошорое какъ ты видишь, говорилъ онъ, показываесть само собою, что существуетъ нѣсколько уже вѣковъ. Онъ обѣщаль мнѣ по прибытіи въ Балзипъ пока-

зашь и голову Епископа. Я за непремѣнное положилъ испытать справедливость пересказаннаго имъ. Пройдя еще нѣскольکو часовъ, припужденъ я былъ опшшать опъ каравана по просьбѣ одного Ашпаракца, у кошораго нагруженная виномъ лошадь опъ успалости не могла слѣдовать далѣе за караваномъ. Опспуспивъ моего больнаго съ прочими, опспались мы на мѣспѣ около 3хъ часовъ, не далеко опъ пустой деревни Карабазаръ, гдѣ въ прежнія времена стоялъ большой городъ *); къ ночи дошли мы до Баязипской деревни, называемой Гара Булахъ, что значить черной ключъ, кошорый тамъ находится. Здѣсь догнали мы свой караванъ и ночевали вмѣспѣ. Деревня сѣя находится при самомъ окончаніи выспѣ, кои мы переходили, и еспѣ Баязипскаго владѣнія Курдустанской обласпи. — Жипели оной называемые Язипы, еспѣ народъ кочующій. Лѣпомъ они уходить въ горы, но

*) Говорить, что здѣсь въ древности протекала рѣка, но послѣ сокрылась, что легко и быть можеть; ибо я проходя снѣ мѣспомъ, дѣйствительно слышалъ довольно чувствительный шумъ текущей воды подъ землею.

на зиму возвращаются на свое мѣсто, которое есть, такъ сказать, непремѣнное ихъ пребываніе, по причинѣ чрезвычайной пріятности воды Гарь-Булаха, или чорнаго ключа. Языцы не есть Магомешане, и со всѣмъ неизвѣстно какую исповѣдуютъ вѣру. Они говорятъ по Турецки, но имѣютъ особенный и собственный языкъ, также никому неизвѣстный. Письмень у нихъ нѣтъ. Между ими находятся избранные родъ ученыхъ, кои попомощвенно передаютъ словесно какой по однимъ имъ извѣстный секретъ, каждый одному изъ своихъ сыновей, котораго признаетъ къ тому достойнымъ. Должно удивляться въ нихъ еще нѣкоторымъ особеннымъ дѣйствіямъ. Въ кляшвѣ и иныхъ случаяхъ, они какъ Христиане, дѣлаютъ на себѣ крестное знаменіе, но только со всѣмъ опличнымъ образомъ, и имянно, сложивъ вмѣстѣ оба кулака, поднимаютъ только большіе пальцы, и держа ихъ соединенно, крестятся ими. Красное вино пьютъ, держа также обѣими руками и утверждаютъ, что вино сіе есть Хри-

слова кровь; еспьли же случипся, упась
 капль того вина на землю, лизупь по
 мьсто языкомъ. Въ гостепрїимствѣ при-
 вѣшливы и усердны безпримѣрно. Всякой
 Язищець гошовъ пожертвоваць всѣмъ сво-
 имъ семействомъ, но не выдасть своего
 госпя и недопуститъ оокорбитъ его, по-
 ка онъ у него пребудеть. Запрещають
 бранитъ діавола и гошовы за сіе убить,
 говоря, что діаволь прежде былъ первый
 у Бога, и за грѣхъ свой предъ нимъ на-
 казанъ сверженіемъ съ неба и лишеніемъ
 Ангельскаго вида, и можетъ быть что
 Богъ опянь его проспипъ и возведеть
 въ прежнее его достоинство. Еспли около
 Язища, гдѣ онъ спопитъ или сидитъ,
 кто либо обведеть кругъ, то онъ шупъ
 гошовъ умереть и не выдеть пока не
 сошрупъ круга, о чемъ, буде кто такимъ
 образомъ надъ нимъ поступитъ, проситъ
 убѣдительнѣйшимъ образомъ. Но что
 спранность сія значитъ, эпа пайна из-
 вѣсна только имъ. Надъ умершими род-
 ственниками плачуть и сѣшуютъ по со-
 року дней, сидятъ надъ кладбищемъ день и

ночь. Случалось, что нѣкоторыя изъ нихъ, не упохребляя долгое время пищи, совершенно опъ того изнемогали и даже умирали надъ могилою. Сказанное здѣсь о Язишцахъ извѣстно всѣмъ въ нашихъ справахъ, и я все то видѣлъ и испыталъ самъ; а сверхъ того слыхалъ, что Язишцы въ память того, что жипели Ниневіи, по пророчеспву Іоны, при дни молились Богу объ оппущеніи грѣховъ ихъ и о избавленіи опъ предопредѣленной имъ за разврапъ ихъ гибели, также однажды въ годъ при дни сидяпъ въ домахъ, погруженные въ печаль, и не токмо сами неупохребляюпъ пищи, но даже и младенцамъ ничего не даюпъ и скопа не кормяпъ. Переночевавъ въ Гара Булахъ, къ вечеру слѣдующаго дня дошли до Баязиша. — Между Гара Булахъ и Баязишомъ, степное мѣсто все почти покрыто болопами и высокимъ камышомъ. Баязишъ споишъ на горѣ и казался намъ опъ сѣверной спороны, опъ копорой мы шли, выпроеннымъ какъ бы домъ на домъ, копорые почти до самыхъ послѣднихъ въ городъ спроеній всѣ вид-

ны. Опъ таковаго мѣсположенія города случается иногда по, что при дождяхъ, которые шамъ бывають весьма сильны, идущаго челоуѣка сносишь на низъ спремленіемъ пекущей по покапоспи воды. Солнце видимо быается шамъ только въ полдень, пошому, что съ восточной и западной стороны городъ окружень возвышеніями горы, содержащими его въ тѣни.

Больной мой имѣлъ въ Балзипѣ собственнй свой домъ; но къ несчастію сего бѣднаго челоуѣка жена его размошала почти все, что было имъ въ домѣ осшавлено; и сверхъ того, когда онъ спашъ ошомъ ее спрашивашъ, по она въ опвѣшь осыпавъ его ругашельспвами, ушла со двора и болѣе не возвращалась. Мы ночевали съ нимъ только двое; и нечего намъ было поужинашь; добрая хозяйка не оставила послѣ себя и куска хлѣба. На другой день надобно было ему со мною расплашиться; но по распроенному сосшолнію своему, вмѣспо условленныхъ имъ

съ брапомъ моимъ за провозъ 90 паръ, заплашилъ мнѣ только 60, чѣмъ я безъ всякаго огорченія и удовольствовался, а доспальныя, когда исправился, наказаль опдашь въ церковь. Баязипъ населень большею часпю Армянами и имѣеть чешырѣ церкви, изъ коихъ одна весьма проспранная. Въ шопъ же день упромъ водиль онъ меня въ Сарай, или дворець Пашинской и показываль шопъ свинцовой ящикъ, въ коемъ заключена голова нашего Епископа, и надъ кошорымъ по ночамъ съ шого самага времени, какъ онъ убипъ, шеплился лампада на иждивеніе Пашей. — Около полудня случилось мнѣ бышь здѣсь свидѣшелемъ бѣдспвенной кончины одного изъ богатѣйшихъ шамошнихъ жипелей изъ Армянъ Манукъ-Аги. Причина шому была слѣдующая: сынъ Паша шорговаль у одного Купца большой Фесь, *) но не даваль шой цѣны, какую хошѣль взяшь

*) Родъ скуфы, которыя обыкновенно Азіатскіе народы носятъ на головѣ подъ шапкою. Они дѣлаются двоякимъ образомъ: одни малыя круглыя, а другія съ длинною широкую лопашью, и сіи послѣднія продаются весьма дорогою цѣною.

Купецъ, а Манукъ Ага заплашилъ болѣе, и иманно то, менѣе чего Купецъ не хотѣлъ опдаться. Пашинской сынъ шѣмъ обидѣлся и жаловался опцу; а сей почель справедливымъ, велѣлъ Манукъ - Агу, за мнимое оскорбленіе чести сына своего, повѣсиль, что и было исполнено при моихъ глазахъ. Пожалѣвъ объ участи сего человѣка, поропился я выйши изъ Баязиша; но прежде желалъ осмопрѣшь спроющійся на горѣ дворецъ Пашинской, копорый шакже видѣнь былъ опъ дороги и предспавляешъ издали очень хорошій видъ. Онъ спроился изъ чернаго и бѣлаго мрамора, обдѣланнаго въ небольшихъ камняхъ на подобіе здѣшнихъ кирпичей; а вмѣсто извести, для вязки камней, упопрелялся свинець и сверхъ того укрѣпляли желѣзными скобками. Мраморъ, уже обдѣланный, шакже свинець и железо, доспавляли изъ Эрзерума, опъ Балзиша шестъ дней ѣзды. Дворецъ сей спроился на подобіе замка или крѣпости; ибо вокругъ его была выкладена стѣна изъ того же мрамора. Впрочемъ зданіе сіе вообще не очень велико.

Мнѣ однако сказывали, что оно началось спроеіемъ до того за 16 дѣпъ.

Между тѣмъ, какъ день былъ уже близокъ къ вечеру, но я рѣшился провести еще ночь въ Баязипъ, и для того приспалъ въ Караванъ-Сарафъ, какъ шакомъ мѣспъ, гдѣ удобнѣе могъ сыскапъ себѣ попушчика, а при томъ надѣялся провести время безъ скуки и услышатъ что нибудь новое. Хозяинъ накормилъ меня шамошнимъ опличнымъ и любимѣйшимъ въ городѣ кушаньемъ Кялла-Пача (п. е. голова ноги, горячая спудень съ чеснокомъ).

Сей ночлеги доставилъ мнѣ случай узнать чрезвычайное приключеніе, бывшее шолько за супки до прихода моего въ Баязипъ, и о кошоромъ къ удивленію моему не случилось мнѣ ни опъ кого слышатъ ни одного слова въ продолженіи цѣлаго дня. Хозяинъ посшоялаго двора, на вопросъ мой: нѣшъ ли у нихъ чего новаго, рассказалъ мнѣ подробно о мученіи и

смерти, извѣстной по всей памошной странѣ красавицы Манушакъ, (название одного самаго пріятнѣйшаго свѣтло-лазореваго цвѣтка), которая жила въ нашемъ селеніи Вагаршапатъ съ лишкомъ годъ и вышла изъ него не болѣе какъ съ мѣсяць до ошѣзда моего съ больнымъ въ Баязипъ. Приключенія сей красавицы, или, приличнѣе сказать, мученицы, были уже извѣстны, кромѣ послѣдняго ея мученія и кончины.

Манушакъ была жена сына Хнусскаго *) Армянскаго священника. По чрезвычайной ея красотѣ, Хнусской Паша опиналъ ее опъ мужа насильно и жилъ съ нею 6 лѣтъ. Въ продолженіи того времени, она тайно исповѣдывала Хрисціанскую вѣру и даже пріобщалась святыихъ тайнъ въ собствѣнныхъ своихъ покояхъ. Для исполненія сего, священникъ входилъ къ ней подъ видомъ купца, якобы для продажи какого либо повара, и. и вещей. Въ послѣдній годъ, Паша имѣлъ къ ней совер-

*) Хнусъ въ той же Курдуспанской области.

шенную довѣренность; оставлялъ безъ надзору и позволялъ выѣзжать прогуливались. На послѣдокъ случилось ему оплучиться изъ города сущки на прои, за охопою ли, или по какимъ надобностямъ, вѣрно сказаць о семъ не могу. Въ сіе самое время написала она къ мужу своему письмо и послала оное съ разнощикомъ Армяниномъ, приходившимъ также для продажи вещей подъ видомъ Магомешанина. Въ семъ письмѣ коропко писала она, что привлеченная силою подъ иго ложного закона, и оплученная опъ церкви Христовой уже 6 лѣтъ, спремишя шеперь воспользоваться удобнымъ случаемъ чпобъ повергнушья въ обяшя свяшой вѣры; прося его согласиться къ побѣгу съ нею, и для любви Божіей рѣщиться на все, презирая всякую опасность; она назначила ему время и мѣсто, гдѣ ее ожидать. Сложивши съ себя всѣ драгоценности, и одѣвшись въ простое платье, пригошвленное напередъ можетъ быть собшвенно для сего намѣренія, или подъ предлогомъ подарка какой нибудь служащей при

ней невольницы, вышла она из палаты и заперла свои комнаты.

Нещасный муж дожидался уже ее на назначенном мѣстѣ. Они рѣшились удалиться къ намъ въ Вагаршапашъ, какъ въ безопаснѣйшее отъ преслѣдованій Хана мѣсто, изъ кошораго, еспли кпо прибѣгнемъ подъ защипу монастыря, никпо уже взять не можешъ; даже самъ Шахъ и Сулпанъ Турецкій не пожелаюшъ изпоргнушъ покровительствуемаго Божиимъ храмомъ, изъ уваженія къ оному. Манушакъ жила у насъ въ селеніи съ своимъ мужемъ не съ большимъ годъ, почно же сказашь времени не могу, а помню только, что за нѣсколько мѣсяцовъ до отправления меня въ Баязипъ я ее видѣлъ и съ прочими удивлялся ея красотѣ. Она по справедливости превосходила ея всѣхъ прелѣсныхъ женщинъ не токмо у насъ, но и въ Баязипѣ, гдѣ женщины, можно сказашь, чрезвычайно пріятныя и имѣюшъ непосредственную бѣлизну, что болѣе относяшъ къ водѣ шамошняго из-

почника, называемаго Агъ-Булахъ, что значить бѣлый изпочникъ или ключъ. Старшины наши и всѣ пѣ, кои считаются у насъ по своему соспояннію сильными, во все время бышности у насъ Манушакъ, на перерывъ спарались удоспоинься ея благосклонности. Опвѣль ея всѣмъ былъ одинаковой, что они дасть ей того не могутъ, что она имѣла и оставила, чтобы сохранишь вѣру и законъ Христіанской, и, что она болѣе того могла давалъ другимъ, что они ей предлагаютъ. Преспупный ихъ домогательсшва можетъ бышь наконецъ были бы ими оставлены, еспди бы не замѣшалась въ игру зависшь молодыхъ нашихъ женщинъ. Надобно сказать справедливо, что участие ихъ въ семь дѣлъ было причиною учиненнаго съ нею шيرانскаго посшупка. Господа наши старшины собравшись ночью, нѣсколько человекъ, пришли къ дому, гдѣ Манушакъ жила съ своимъ мужемъ. Выломавъ двери, и не шребуя уже ея согласія, удовлетворили своему вождельнію насильнымъ образомъ. Несчастный мужъ ея, для сокры-

пїя спыда своего, удалился изъ селенїя пайно. Поспупокъ злодѣевъ сдѣлался извѣспнымъ на другой же день. Они не думали скрывать его, находя въ немъ свою славу, а женщины поспарались о томъ разгласить. Манушакъ не могла выходить болѣе изъ дома; мальчишки, сполько же наглые, какъ и опцы ихъ, толпами слѣдовали за нею и поносили безчестнымъ названїемъ, что принудило несчастную Манушакъ, по прошествїи нѣсколькихъ дней, удалиться ночью изъ селенїя. Хозяинъ поспоялаго двора, къ симъ извѣспнымъ уже мнѣ обспояпельспвамъ, дополнилъ, что Манушакъ пришла въ Баязипъ и жила тамъ около мѣсяца. Между тѣмъ Хнусской Паша, по побѣгъ ея, разослалъ повсюду извѣспїя, въ томъ числѣ просилъ и Баязипскаго Пашу, что если Манушакъ найдется въ его владѣнїи, то приказалъ бы убить ее, или препроводить къ нему. Манушакъ, сколько ни скрывалась въ Баязипѣ, но нѣкоторые узнали ее и донесли Пашинскому сыну о красотѣ ея. Онъ приказалъ привести ее предъ себя, дѣлалъ

самыя лѣспныя предложенія, и требоваль, чпобъ она приняла Магомешанскую вѣру, какъ самое важное испуленіе для согласія на любовь Христіанки съ Магомешаниномъ. Она опвергла все: богатства, любовь и лжепророка, и съ мужествомъ презирала всѣми угрозами. Ее опвели въ пемницу и мученіями хопѣли изпоргнуть желаемое согласіе. Между прочимъ жгли ее разкаленнымъ желѣзомъ; но она перпѣла все и рѣшипельно опвѣчала, чпо ожидаетъ и желаетъ вкусить смерть для Исуса Христа. Паша и сынъ его объявили всѣмъ подданнымъ Магомешанамъ, чпо Манушакъ находясь прежде въ вѣрѣ Магомешанской, опсавила ее, и принявъ вѣру Христіанскую, опреклась съ презрѣніемъ обратишься къ ихъ закону. Они опсудили ее на побіеніе камнями, и для сего назначили мѣсто за городомъ. Всѣ Магомешане, жившіе въ городѣ и въ ближнихъ селеніяхъ собрались къ шому мѣсту; опсужденную поставили въ яму и всякой бросилъ на нее свой камень.

Въ наступившую ночь Магометане, жившіе въ ближайшихъ домахъ къ означенному мѣсту, гдѣ Манушакъ убиша, первые увидѣли восходящій отъ того мѣста нѣкопорый свѣтъ. Любопытство заставило ихъ выдти изъ домовъ и приближиться къ оному мѣсту, гдѣ почувствовали они пріятный и до селѣ неизвѣстный имъ ароматный запахъ. Будучи приведены симъ явленіемъ въ изумленіе, они поспѣе же часъ о семъ чудѣ дали знать въ городѣ. Собравшіеся всѣ вообще Магометане и Христіане равнымъ образомъ поражены были удивленіемъ, смотря на сіяніе и обоняя ароматы. На другой день Армяне согласясь единодушно, принесли Пашѣ нѣкопорую сумму денегъ, за то, чѣмъ позволили взять шѣло убиенной, и похоронили оное въ подгорной церкви Цыранаворъ. Справедливость сего послѣдняго приключенія съ Манушакъ, пересказаннаго мнѣ хозяиномъ, я рѣшился непременно изслѣдовать и по утру, пошедь на мѣсто побиенія, нашелъ дѣйствительно въ помянутой ямѣ множество камней, кой всѣ ка-

зались обогренными кровію. Послѣ сего ходилъ по улицамъ почти цѣлый день и спрашивалъ о справедливости ночнаго явленія всякаго, кпо только мнѣ попадался, особливо же изъ Магомепанъ, на коихъ безприсраспіе въ семь случаѣ могъ я болѣе положиться. Всѣ единогласно подтвердили испинну сего произшесствія, а шаковое свидѣшельство безъ всякаго сомнѣнія заспавляетъ меня вѣрнѣе, что Манушакъ принявъ мученическую кончину за вѣру Христіанскую и цѣломудріе, можетъ бытъ плочно сдѣлалась угодною предъ Богомъ.

Не за долго предъ вечеромъ, поспѣшилъ уже я выѣхать изъ Баязита. На дорогѣ осмошрѣлъ означенную церковь Цыранаваръ, и ошдалъ поклонъ Манушакъ на мѣстѣ ея погребенія. Сошедъ съ горы оспановилсъ на ночлегъ въ подгорной деревнѣ Арцабъ, гдѣ находится совершенной бѣлизны глина, каковой въ шамошнемъ краю ни гдѣ больше нѣтъ, кромѣ сей деревни, и изъ которой дѣлаютъ раз-

ные посуды. Здѣсь нашель я себѣ попуш-
чика и на другой день подь вечерь благо-
получно возвращилсѣ въ Багаршапашь.

Я разсказаль все, что видѣль и слы-
шаль въ разсужденіи убіенной Манушакъ;
но мнѣ никшо не хопѣль вѣришь, судя
по бышности ея у Хнусскаго Хана въ
наложницахъ, и по пресупленію учинен-
ному съ нею нашими извергами. Но на
другой день удосповѣрились въ шомъ со-
вершенно; ибо опъ Баязипскихъ священ-
никовъ было уже прислано къ Папріар-
ху донесеніе, коимъ подпверждалось мое
извѣстіе, во всей подробности и опъ
слова въ слово. Пресупники, поражен-
ные стыдомъ, имѣли еще духъ сказаць:
„слава Богу, что такъ случилось;“ шо
есть, что Манушакъ праведница.

Подати платяпъ у насъ женашой
четыре, а холосшой два рубли. Узнавъ,
что я за провозъ Баязипца досталь рубль
денегъ, потчасъ донесли управляющему
селеніемъ монаху, что меня, какъ пришед-

шаго въ совершенный почти возрастъ , надобно положишь въ окладъ , и какъ я спалъ уже наживаю деньги, по назначили съ меня брагъ не по два, но какъ съ женашаго по чешыре рубли. — Монахъ очень былъ доволенъ шаковымъ представлениемъ, и не медленно приказалъ съ меня и брапа моего взыскагъ восемь рублей.— Я опдалъ все что имѣлъ, по еспь, одинъ шолько рубль, а за доспальныя по повелѣнiю управляющаго начали меня мучить предполагая можешъ бышь, что капли крови моей не обрапялся ли въ деньги. Брагъ мой видя шаковыя злодѣйства, рѣшился поскорѣе продать изъ домашнихъ вещей даже самыя необходимыя, чпобъ удовлетворишь жадности монаха и зависти старшинъ, и шакимъ образомъ освободилъ меня отъ изспязанiй. Но послѣ сего, чрезъ нѣсколько дней, брагъ мой не надѣясь имѣшь въ селенiи ни спокойной жизни, ни наживишь денегъ, рѣшился оставишь домъ и жену, и удалился на лѣпо въ деревню Егвардъ, отъ Вагарша-

папа къ сѣверной споронѣ на день ходу, гдѣ онъ безъ всякаго сомнѣнія по своему художеству могъ наработашъ и накопипъ нѣскольکو денегъ.

Какъ скоро брать мой ушолъ, то въ отмщеніе за сіе, спали меня каждый день посылашъ на полевья работы, шакъ, что кромѣ одной ночи и воскреснаго дня, я не имѣлъ ни одного часа покоя. Но въ праздникъ Вознесенія, когда всѣ жипели Ериванской обласпи собирающся на одну превысокую гору, лежащую къ сѣверо-восточной споронѣ, опъ нашего селенія ходу дни на два или съ небольшимъ, мы съ маперью ошавя дома одну невѣшску, шакже пріѣхали шуда на своемъ ослѣ. Гора сія соединяешся съ горою Аракашскою простирающимся опъ сей послѣдней хребтомъ. Вершины ея во все почпи неприсшупны по совершенной крупизнѣ огромныхъ каменныхъ скалъ. Впрочемъ положеніе ея весьма пріятно; ибо на ней расшущъ почпи повсюду различныя травы и цвѣшы, въ шомъ числѣ опмѣнно ду-

шиспая, Урць называемая, копорую упо-
 шребляють здѣсь въ аптекахъ. Дикихъ
 козь и оленей, а особливо первыхъ, ви-
 дѣль я чрезвычайно много. — Дикія козы
 особенно удивительны шѣмъ, что имѣють
 весьма великіе рога, до полушора аршина
 и даже болѣе. Персіане упошребляють
 ихъ вмѣсто трубы, въ копорую обыкно-
 венно созываютъ народъ на молишвы и
 въ прочихъ случаяхъ. Голосъ шаковой тру-
 бы опмѣнно пришенъ. Гора сія какъ бы
 раздѣляется глубокою впадиною, по ко-
 порой опъ самыхъ вершинъ пещель ма-
 ленькая рѣка, скрывающаяся по шомъ при
 подошвѣ пропивоположныхъ холмовъ. Въ
 довольномъ опъ подошвы ея распояніи,
 въ одной весьма высокой каменной скалѣ
 находится натуральная пещера, раздѣлен-
 ная сводомъ, шакже натуральнымъ, на два
 опдѣленія; въ пещеру сію всходятъ по
 подшавнымъ лѣспницамъ. Въ первомъ или
 переднемъ опдѣленіи помѣщаются бого-
 мольцы, человекъ до ста, а въ другомъ,
 копорое гораздо менѣе, совершается въ
 день Вознесенія лишургія. Въ сей послѣд-

ней находилась могила, и, какъ во всей шамошней спранѣ говоряшь, почивающъ въ ней мощи святой Варвары великомученицы. Въ ней же по лѣвую руку спойшь немного воды, никогда не изсякающей. Я испыталъ здѣсь самъ со всѣмъ вниманіемъ слѣдующее чудо, о которомъ прежде зналъ только по общему слуху. Подъ сею пещерою находится другая, но гораздо шемнѣе; и изъ подъ шого мѣсна, гдѣ въ верхней пещерѣ спойшь вода, на пошолокѣ нижней пещеры держатся какъ бы проходящія шой воды капли. Капли сіи, еспьли подъ нихъ подойши, упадающъ какъ на муцинъ, такъ и на женщинъ, раждающихъ дѣшей; но еспьли спанешъ женщина, еще не рождающая, то капля, гошова упасъ, опшекаешъ въ спорону; когда же каковая женщина подойдетъ и на по мѣсно, капля опшь опшекаешъ, скольбы ни было сіе повшоремо. Сей опшь дѣланъ при моихъ глазахъ нѣсколько разъ, что я и ушверждаю какъ совершенную истинну.

Пребываніе на семь мѣспѣ молеельциковъ продолжается не болѣе двухъ сутокъ. Цѣль сего моленія, святой великомученицѣ приносимаго, опносітся ко спасенію дѣшей опъ оспы; на каковый случай приносяся шупъ въ жершву овцы и другія въ пищу упопреляемыя живошныя.

При возвращеніи домой, я желалъ по-видашься съ моимъ брапомъ, и для шого оппусшивъ машь мою одну, пошелъ въ Егвардъ съ шамощными жипелями. — За нѣсколько верспѣ недоходя до сей деревни, увидѣлъ я въ споронѣ множешво надгробныхъ памяшниковъ, вышиною опъ семи до девяти аршинъ. Я просилъ одного моладаго Егвардца, проводить меня и показашъ шѣ рѣдкоспи, о коихъ онъ, при видѣ сихъ памяшниковъ, мнѣ разказалъ, обѣщаясь, когда случится ему бышь въ нашемъ селеніи, принять его у себя и угоспиль. Согласясь на мою просьбу, опспали мы опъ прочихъ спушниковъ и пришли на означенное мѣспо. Оно ешь древнее кладѣбище, называемое *Огусъ*, что

*

значитъ великанъ, или мѣсто великихъ. Въ древности былъ здѣсь большой городъ. Могилы всѣ необыкновенной величины; однаже изъ нихъ, нѣсколько опрышая, въ двѣ сажени. Товариць мой показалъ мнѣ кости погребеннаго въ ней, изъ коихъ ручная, опъ кисти до локтя, съ лишкомъ въ аршинъ Персидской, который прошивъ Европейскаго болѣе около прешей части; ибо изъ 70 аршинъ Персидскихъ выходилъ сто Европейскихъ; кость же ноги, опъ плусны до колѣна была мнѣ по поясъ; по сему можно судить и о величинѣ всего корпуса. При разсмаприваніи сихъ бранныхъ оспашковъ крѣпости и силы вѣковъ прошедшихъ, я нѣсколько минутъ сподѣлъ неподвиженъ, погружившись мыслию въ глубину лѣтъ минувшихъ и будучи исполненъ гореспными чувспвованіями. Въ продолженіе остальной дороги я былъ занятъ разсужденіями о плѣнности всего сущаго въ поднебесной, о суетѣ и ничтожности гордыни и величія человѣческаго.

Братъ мой весьма обрадовался моему приходу. Я также очень былъ радъ, что

нашелъ его на первый случай довольнымъ своимъ положеніемъ. Онъ занимался своими башмаками, и работы было у него много. Въ деревнѣ Егвардъ родился такой хлѣбъ, каковаго нигдѣ или по крайней мѣрѣ во всей памошной странѣ нѣтъ. Онъ споль бѣлъ, что почти не успушаетъ снѣжной бѣлизнѣ. Кромѣ одной высокой каменной колокольни, украшенной довольно хорошимъ рѣзнымъ масперспвомъ, болѣе ничего примѣчательнаго нѣтъ. Рѣки шамъ нѣтъ, а пользуются падающею съ горъ дождевою водою, которая собирается въ изкопанной для того прудѣ, а изъ него, въ случаѣ надобности, проводятъ и на поля. Пробывъ съ братомъ двѣ недѣли, возвратился я въ Вагаршапашъ съ однимъ изъ Егвардскихъ жишелей, шедшимъ въ Арарашъ. — Мы шли около рѣки Карпи. Каменистые берега ея, или глубина пропасти, по которой она течетъ, имѣетъ въ здѣшнемъ мѣстѣ до 40 и болѣе сажень. На семъ самомъ мѣстѣ, поварищъ мой предлагалъ мнѣ вмѣстѣ съ нимъ спуститься нѣсколько къ рѣкѣ, го-

вора, что мы шупь между камнями что
 нибудь найдемъ. Я спросилъ его, по ка-
 кому случаю и чего можно здѣсь искапъ.
 Онъ объяснилъ мнѣ, что около 1717 года
 Турецкой Сераскирь Паша Кіопро-Огло
 и шопаль Османъ Паца разбишь былъ
 здѣсь на голову Персіанами, и войски
 его всѣ почти изпреблены. Турки не
 знали шаковаго здѣсь мѣстоположенія;
 а Персидскій военачальникъ, будучи весь-
 ма искусный воинъ, заманивши ихъ къ се-
 му мѣсту, упошребилъ всѣ силы сбипъ
 и принудилъ опспуипъ къ оному. Коль
 скоро Турки увидѣли сію ужасную моги-
 лу и свою оплошность, потерали послѣд-
 нее мужеспво и были почти всѣ шуда
 опрокинушы. Сія побѣда досшавила въ ру-
 ки Персіанъ и городъ Ериванъ, бывшій до
 того во владѣннн Турецкомъ. Послѣ сего
 я хопя совершенно былъ увѣренъ въ на-
 ходкѣ, ибо видимые мною повсюду въ ве-
 ликомъ количеспвѣ человѣческія кости
 давали знапъ о множеспвѣ погибшихъ
 шупь Турокъ, но за всѣмъ шѣмъ не полу-
 чилъ ни малой охошы рысковапъ моею

жизнiю, то естъ: сломишь себѣ голову, или бышь уязвленнымъ змѣю. Товарищъ мой однако возврапился цѣль и дѣйствительно вынесъ съ собою серебряное кольцо и нѣсколько другихъ оръжiя серебряныхъ же вещей. — Въ селенiе свое пришелъ я уже за полночь. Въ сiе время наступила жапва и обработка хлѣбовъ. Насъ согнали всѣхъ на работы, которую бѣдные должны были исправлять, какъ обыкновенно водится, и день и ночь, то на монастырскомъ полѣ, то на полѣ какого нибудь старшины. Время было чрезвычайно жаркое, и какъ ошь Воскресенья до Воскресенья домой насъ не пускали, то мы большою частiю должны были пипаться пухлою пищею. Между прочимъ давали намъ рыбу, называемую шарегхъ, весьма соленую, которая привозится изъ Ахшамарскаго озера, находящагося въ области Ванъ, шурецкаго владѣнiя. Не столько ошь жара, сколько ошь шаковой пищи одолѣвала насъ безпрестанная жажда, ошь которой употребляли много воды и плодовъ, раздувшiеся наши же-

лудки конечно бы полопались, естлибъ мы не разминались пяхкою нашею работою. Сверхъ того днемъ, кромъ солнечнаго палющаго зноя, мучилъ насъ оводъ, а ночью комары и опасность бытъ уязвленнымъ отъ скорпіона, или змѣи, не давали намъ спокойной минушы. — Такая работа продолжалась слишкомъ два мѣсяца до половины Августа. Между тѣмъ не за долго предъ окончаніемъ означеннаго времени, послѣдовало со мною въ моемъ семействѣ весьма чувствительное огорченіе. Мать моя разладилась съ невѣсткою. У нихъ каждый день происходили самые шумные споры, такъ, что сосѣди спали мнѣ совѣшавать, чтобъ я поснарадился ихъ унять и примирить, говоря, что я имѣю право поговорить о семь и матери и невѣсткѣ, которыя конечно послушаютъ словъ моихъ, по тому, что ты де человекъ грамотной и можешь представишь имъ разные резоны. Правду сказать, что раздоры сіи крайне меня огорчали, ибо мучась цѣлую недѣлю на полевой работѣ и приходя домой на одинъ

шолько день, я не могъ и шупъ найпи се-
 бѣ спокройспвія. Я уже и чипаль и слы-
 халь и видаль, что гдѣ живущъ спо че-
 ловѣкъ муцинь, памъ можно найпи миръ,
 но гдѣ сойдутся двѣ женщины, по памъ
 напрасно искашь добраго согласія; на по-
 слѣдокъ сію горестную испинну должно
 мнѣ было испыпашъ въ сердцѣ собспвен-
 наго семейства. Неоднократно покушался
 я вмѣшашься въ посредсшво, но не зналъ,
 чью взяпъ спорону. На конецъ по со-
 вѣшу сосѣдей, рѣшившись принятъ на се-
 бя примиреніе мапери съ невѣспкой, я
 разсуждалъ на передъ, за копорую бы
 было приличнѣе подашь мнѣ свой голось.
 Еспшли спашъ пропивъ невѣспки за мапъ,
 по она, какъ человѣкъ чужой, не будешъ
 разсуждашь о справедливости моихъ пред-
 спавленій, но спанешъ жаловашься сосѣ-
 дямъ, а послѣ и брапу, что мы съ ма-
 перью соединась, по ненависти ее оби-
 жали и припѣсняли безъ него, и такимъ
 образомъ можешъ посѣяпъ между нами
 раздоръ, несогласіе и самую ненависть. На
 пропивъ шого мапъ конечно не обидишя

словами и совѣтами своего сына и припомъ любимѣйшаго; я даже надѣялся, что посредство мое будетъ ей пріятно, и я безъ труда приобрѣшу себѣ честь примиренія какъ опъ нихъ самихъ, такъ опъ моего брата и сосѣдей. Но къ несчастію вышло на прошивъ, и мать моя хотя была изъ лучшихъ женщинъ, но все женщина. Въ одинъ изъ воскресныхъ дней, когда у насъ сидѣли двѣ сосѣдки, и вмѣсто обыкновенныхъ разговоровъ слушали и сами говорили только о томъ, что относилось къ войнѣ матери моей съ невѣсткою, я, поображенію моему о слѣдствіяхъ моего посредничества, обратился съ представленіемъ моимъ къ матери. Вспупленіе моей проповѣди началъ я извиненіемъ предъ нею, что осмѣливаюсь ей говорить, надѣясь, что она приметъ слова мои и не будетъ за то на меня гнѣваться; по томъ представлялъ, что такіе раздоры, кромѣ того, что лишають ее послѣдней минуты спокойствія, дѣлають намъ стыдъ и зазрніе опъ сосѣдей нашихъ и опъ всего селенія; что мнѣ всѣ

о томъ говоряшь съ язвительными насмѣшками, укоряють небреженіемъ объ ихъ примиреніи, и что я даю обижать бѣдную невѣстку напрасно; что и брату моему также будетъ прискорбно, и онъ можетъ съ нами чрезъ сіе повздорить и даже считая насъ въ числѣ своихъ непріятелей. — Если же невѣстка наша нѣсколько спала дерзка и много прошивъ нее говоришь, то это происходишь отъ того, что она по молодости лѣтъ своихъ, еще глупа и не можетъ имѣть довольно-го терпѣнія; она же на прошивъ того какъ человекъ пожилой, видѣвшая въ жизни своей и худое и доброе, а по тому имѣя разсудокъ швердой и основательной можетъ извинять ее глупость, хотя для своего сына, а ее мужа, и между тѣмъ безъ ссоры и шума давая ей нужныя наставленія и собою показывая примѣръ, по крайней мѣрѣ до того времени, пока возвратится братъ. Я можетъ быть разспрашивался бы и еще въ моемъ поученіи, но мать моя вышла уже изъ терпѣнія слушаешь меня и принявъ посредниче-

ство мое за особенное приспращіе къ невѣспкѣ, пришла въ сугубое раздраженіе, и между прочимъ упрекала меня самою ужасною не благодарностію къ ней за ея обо мнѣ попеченіи и воспитаніе. Сосѣдки съ начала представляли ей, что она меня обижаешь напрасно; но видя что она вовсе ихъ не слушаетъ заключили представленіи свои смѣхомъ и оставили насъ продолжая нашу войну. Укоризны мащери моей и ея прощиву меня огорченіе пронули меня чувствительнымъ образомъ, шѣмъ болѣе, что я никогда почти не видалъ на себѣ ея неудовольствія, я старался ее успокоить сколько возможно и говорилъ ей уже со слезами, что я опшнюдь не желалъ сдѣлать ей досаду, а старался шолько о томъ, чтообъ ее успокоить и примирить съ невѣспкою для общаго нашего счастья, которое осщаетъ намъ шолько въ семейственномъ согласіи. Послѣ сего мащери моя мало по малу ушшла и спала сожалѣшь, что при чужихъ людяхъ много на счотъ мой наговорила; но раскаяніе ея было уже бесполез-

но. Сосѣдки успѣли разгласить по всему селенію о томъ, что слышали, и 700 домовъ узнали, въ однѣ почти сушки, что я самой неблагодарнѣйшій и нечувствительнѣйшій изъ всѣхъ живописныхъ, прибавивъ къ тому, что якобы я имѣю пресупное обращеніе съ невѣспкою. — И такъ къ несносной шрудности моей жизни, присовокупилось еще то, что на каждомъ шагу поносимъ былъ ругательствами и укоризнами ошъ спарыхъ и малыхъ нашего селенія. Вспрѣчающіяся со мною, указывая на меня, говорили одинъ другому, вошь это шощъ самой, кошпорой дѣлаешь шо-шо, а еще ученой и грамошной и знаешь что худо и что хорошо. Мальчишки, когда я выходилъ со двора, бѣгали за мною по улицамъ шолпами и кричали: вошь, вошь идешь шощъ-шо, ругали и не рѣдко швыряли въ меня камушками. Словомъ сказаць, что я повсюду былъ преслѣдуемъ, и не было человѣка, кошпорый бы ушѣшилъ меня добрымъ словомъ и сказаць бы въ оправданіе меня, что онъ не вѣришь шому, что говоряшь обо

мнѣ, кромѣ одного моего вшораго учите-
 ля, у копорого я по воскреснымъ днямъ
 находилъ убѣжище. Онъ полько одинъ
 ушѣшалъ меня переносить сіе поношеніе
 великодушно и безропотно, какъ вышед-
 шее въ злой часъ опъ машери, на кошо-
 рую не должно ни въ чемъ огорчаться и
 ободрялъ меня Божіею милоспію. Но ме-
 жду пѣмъ не преминулъ выговорить и ма-
 шери моей, что подвергла меня шакому
 посрамленію. — Она извинялась на сіе
 полько пѣмъ, что была очень раздраже-
 на, и что теперь о шомъ раскаиваешся.
 Но это, какъ выше я сказалъ, было уже
 поздно.

Споль жесткое соспоянiе мое раз-
 спроило совершенно расположеніе души
 моей. Чувсшвованiя мои были подобны
 мушному волнующемуся испочнику, оп-
 клоненному опъ настоящаго своего на-
 правленiя. Я не могъ не любить машери
 и любилъ ее съ горячноспію, но не могъ
 уже бытъ своимъ въ домѣ нашемъ. Еспь-
 ли я и приходилъ, шо чуждался всего, и

ни во что не вмѣшивался. — Большею часнію, когда свободень былъ опъ работѣ, находился у своего учителя, а иногда у сестры. Бѣдная мать моя видѣла и чувствовала мое положеніе, чувствовала свой поспупокъ, плакала горько; но не имѣла ни силъ упѣшить меня, ни же духу сдѣлать къ тому какой либо приспупъ: ибо не было ни какихъ средствъ избавить меня опъ ежеминутнаго и жестокаго посрамленія, коему меня подвергла. — Словомъ все между нами пришло въ самое печальное разспроисво; а я между шѣмъ долженъ былъ получить наказаніе съ той стороны, за которую подалъ поводъ къ такому раздору.

По протесствіи нѣкотораго времени, замѣтивъ неоднократно за невѣсткою нѣкоторыя домашніе безпорядки, рѣшился ей о томъ сказать, но сія спротивая женщина съ озарностію опвѣчала мнѣ, что я не хозяинъ дома, что у нее есть мужъ, и что я не имѣю ни какого права дѣлать ей выговоры. Послѣ сего

я вовсе уже не приходилъ въ домъ свой, а проводилъ время у сеспыры и училея. Онъ, зная мой нравъ и любя меня, самъ совѣпывалъ, чтобъ я поберегъ себя отъ дальнѣйшихъ огорченій и приходилъ бы всегда къ нему, а на послѣдокъ даже совѣпывалъ со всѣмъ изъ селенія удалиться куда нибудь на чужую сторону; но я очень хорошо зналъ, что перевозносимая ученость моя безграмотными, въ другомъ мѣстѣ недоставивъ мнѣ не только опличія, но и куска хлѣба; для чего болѣе бы полезно было какое нибудь ремесло, а я не зналъ ни какого. Въ такомъ соспоянїи провелъ я осень и зиму до наступленія весны. Чувспвуя всю невозможность оставашься въ селенїи рѣшилъ я на весну удалиться въ селеніе Ашшаракъ, опспоящее отъ насъ на день ходу, примѣрно верспъ около сорока, и всшупишь шамъ къ какому нибудь жипелю въ должность садовника. Пришедъ въ Ашшаракъ я на другой же день нашелъ себѣ желаемое мѣсно у одного довольно зажипочнаго жипелля, Д. А. У него было нѣсколько

виноградныхъ садовъ; изъ коихъ одинъ я снялъ въ мое управленіе. Я зналъ нѣсколь-ко садовое масперство, по нашему мѣ-спу; но по шамошнему климату и водѣ, хопя и не въ дальнемъ отъ насъ разспо-яніи, обращались съ виноградомъ со всѣмъ иначе. — Братъ моего хозяина отвелъ мени въ назначенный мнѣ садъ, и далъ всѣ нужныя насшавленія. Общіа кондиціи въ Ашпаракъ садовника съ хозяиномъ сада сосшоятъ въ томъ, что нужны по саду расходы до созрѣнія плодовъ, садовникъ дѣлаешъ на свой щопъ; когда же вино-градъ соберешся, шо прибыль дѣлишся шогда съ хозяиномъ по поламъ. Всѣ сады вообще въ нашей споронѣ для охраненія обносящся со всѣхъ споронъ небольшими стѣнами, шакъ какъ въ прочихъ мѣсшяхъ заборами. Порученный же мнѣ садъ об-несень былъ шолько съ прехъ споронъ, по шому, что чешвершая, или задняя спо-рона прилѣгала къ рѣкѣ Карпи, шоторая въ семь мѣспѣ шечешъ по пропашши, или впадинѣ, шполь же глубокой, какъ и вы-ше мною сказано при возвращеніи изъ де-

ревни Егвардъ, но только не имѣешь споль обрывистой крутизны, какъ тамо, а довольно пологое разположеніе. Такое состояніе моего сада было чрезвычайно опасно опъ разныхъ звѣрей, а особливо опъ волковъ, находящихся въ берегахъ рѣки, и которые въ нашей споронѣ, чрезвычайно хищны и часпо нападають на людей, бросансь съ зади изъ за камней внезапно. — Таковая опасность заставляла меня быть оспорожнымъ каждую минупу. Ночь обыкновенно въ таковыхъ мѣспахъ спяшь на деревьяхъ, и по большой часпи постель разполагается на Априкосахъ. Не смопря на таковыя затрудненія, я занимался моимъ дѣломъ съ хорошимъ разположеніемъ духа, и жилъ въ саду весело. Всѣ хлопоты въ садахъ опносятся до одного только винограда, а прочія фрукшовыя деревья ни мало собою не озабочивають. Въ Августѣ мѣсяцѣ наступило собираніе винограда; плоды также всѣ созрѣли, и я съ радостію ожидалъ прибыти опъ дележа съ моимъ хозяиномъ. Но вдругъ опъ Ериванскаго Ха-

на прислано было въ Ашпаракъ повелѣ-
 ніе, чѣтобъ сіе селеніе выспавило сорокъ
 вьючныхъ лошадей съ людьми, для приво-
 за изъ области Шаруръ запаснаго для
 Ериванской крѣпоспи хлѣба. Таковыя по-
 велѣнія даны были по всей Ериванской
 области по тому случаю, что Шахъ Пер-
 сидскій Ага-Магомедъ-Ханъ выспунилъ
 съ войсками своими изъ Теграна, своей
 столицы, для осады Еревана; по чему
 Ериванской Ханъ, хопѣлъ снабдитъ крѣ-
 постъ припасами, по разположенію его
 на семь лѣтъ. — Кромѣ коренныхъ жите-
 лей крѣпоспи, обыкновенно набирается
 въ оную для защищенія семь тысячъ че-
 ловѣкъ: чепыре тысячи Персіанъ, а при
 Арманъ. Каждый изъ нихъ имѣетъ при
 себѣ только одну жену, а дѣти остав-
 ляются въ жилищѣ, на попеченіи ихъ род-
 ственниковъ и ближнихъ, дабы не сдѣ-
 лать тѣснопы въ крѣпоспи, и чѣтобы не
 выйши изъ пропорціи хлѣбнаго запаса.
 Причина сему нашествію была та, что
 наспоющій владѣлецъ Еревана опложив-
 шись ошъ Шаха, заключилъ союзъ съ Ирак-

ліемъ, какъ ближайшимъ сосѣдомъ и платилъ ему дань; Ираклій же по сему обязанъ былъ защищать его, и помогать ему во всякомъ случаѣ пропиву Шаха. Я назначень былъ моимъ хозяиномъ въ число прѣбуемыхъ опъ селенія 40 человекъ, и съ прочими прибылъ въ Ериванъ; а опшпуда опсправился въ Шаруръ, въ назначенную деревню. — Дорогою поварищи мои, Ашшаракцы, по зависти и ненависти ко мнѣ, только по тому, что я былъ Вагаршапатской, не хопѣли со мною говорить, показывали злобу свою, и даже покушались меня бить. Я опдѣлывался опъ нихъ всѣми возможными уловками. Лошадь у меня была очень хороша, и я спарался держать себя въ такомъ между ими положеніи, чтообъ въ случаѣ нужды, взяшь безъ препяпспвія передъ и ускакать. Однако до сего не дошло, и я благополучно прибылъ съ ними въ назначенное мѣсто. Такъ какъ, кромѣ хлѣба, ничего другаго для пици мы не имѣли, да и шѣмъ запаслись не довольно: по я по обыкновенію моему пошолъ въ церковь къ вечер-

нѣ. Тотчасъ началъ указывать, что по не шакъ, другое не шакъ и прочее, а между прочимъ чиналь и пѣль; не забыль также сельскимъ священникамъ задать нѣскольکو вопросовъ. Бывшіе въ церкви, изъ обывателей смопрѣли на меня съ уваженіемъ; а священники необходимо должны были приглашать меня къ себѣ и угощать. По мнѣ хорошо были приняты и мои шоварищи. Я имѣль право надѣяться что сіи бездѣльники будущъ ко мнѣ признапельны, но на прошивъ: природное ихъ злобное разположеніе еще умножилось по мѣрѣ зависпи къ шому преимуществву, копорое мнѣ предъ ними оказывали.

На другой день по полученіи назначеннаго количествва шцена, копораго на каждую лошадь доспалось съ лишкомъ по шридцати липерь, что сосшавишь безъ мала по восьми пудъ, опправились мы обратно. Деревенскіе священники, у коихъ я успѣль приобрѣспи любовь, не могу въ прочемъ увѣришь, испинную, или пришворную, провожали меня;

и какъ я былъ изъ монастырскаго селенія, и при томъ дважды находился въ самомъ монастырѣ, по полагаю, что я шамъ могу быть для нихъ полезнымъ, просили меня въ случаѣ нужды неоспаляшь ихъ; а поварищи мои, опъ того, примѣшнымъ образомъ надрывались съ досады и зависти. — Съ навьюченными лошадьми мы не могли въ шопъ же день прибыть на мѣсто; а должны были ночевать на дорогѣ. По утру, когда надлежало укладывать на лошадей шшено, поварищи мои не хотѣли помочь мнѣ покласъ на лошадь моихъ мѣшковъ, въ коихъ было въсомъ по чешыре пуда, самъ же я не имѣлъ силы поднять такую шягоспъ, и по тому просилъ ихъ убѣдительно, со всевозможнымъ униженіемъ и почти со слезами оказашъ мнѣ помощь. Нѣкоторые изъ нихъ шронулись ли моими просьбами, или опасались оспавить меня на дорогѣ, на послѣдокъ мнѣ пособили. Прибывши въ Ериванъ *) надобно было для высыпки шше-

*) При выѣздѣ изъ Еривана, я неупустилъ осмотрѣть его со вниманіемъ, а особливо крѣпость, когда мы привѣзли шуда шшено. Здѣсь прилагаешся видъ сего города.

на взлѣзашъ на стѣну по лѣспницамъ, ибо хлѣбные анбары находящяся тамъ въ самой стѣнѣ крѣпости и насыпка дѣлаешся сверху въ ошверспіе, нарочно для сего сдѣланное. Всѣ впащили свои мѣшки и высыпали пшено; а я между тѣмъ, имѣя ошпѣть нужду въ ихъ помощи упрашивалъ по шого, по другаго сдѣлашь мнѣ помощь но ни кто изъ нихъ не хотѣлъ даже и ошвѣчашъ на мои просьбы. По счастію моему въ это время Ханской Тарга Джафаръ *) надсмапривая въ крѣпости надъ работами, примѣчалъ нарочно производившее между мною и моими поварищами. — Какъ скоро всѣ высыпку пшена окончили, а я оспавался только одинъ, будучи не въ соспояніи впащити мѣшковъ своихъ, то онъ со свилою своею пошчасъ подѣхавъ къ намъ, приказалъ поварищамъ моихъ бити плѣшми, кричавши на нихъ: ахъ! вы злобныя и ненависпныя пвари! для чего вы не хотите помочь сему бѣдному человѣку? Еспли вы съ шаковою нена-

*) Главной начальникъ надъ крѣпостью и надъ всѣмъ внутри города, повѣренная особа Хама.

вистію поступаєте и съ своимъ одновѣр-
 цомъ: по чего уже должны ожидать опъ
 васъ другіе? — и съ шѣмъ вмѣстѣ при-
 казалъ имъ вспашишь и выспашишь всѣ
 мои мѣшки; по шомъ, въ вищее наказа-
 ніе, погда же нарядилъ ихъ для спрою-
 щагося въ Шарурѣ Ханскаго дома возить
 шуда бревна, а мнѣ велѣлъ для большаго
 ихъ озлобленія сѣспъ при ихъ глазахъ на
 свою лошадь и слѣдовашь за нимъ въ за-
 городской его домъ, въ Дамиръ Булагъ на-
 ходившійся. По прибышій шуда, Джафаръ
 привелъ меня къ первой своей женѣ и ре-
 комендуя ей, рассказалъ о моемъ приклю-
 ченіи. Она была очень чувствительная
 женщина и приняла меня съ великою ми-
 лостію. Я накормленъ былъ очень сышо
 и вкусно. По желанію жены Джафаровой
 я пересказалъ ей мое соспоаніе и нѣко-
 торыя главныя обшпашельспва моей жи-
 зни. Она послѣ сего еще болѣе приняла
 во мнѣ участія, и убѣдительно просила
 мужа оставишь меня у себя и сдѣлашь
 щасшливымъ. Джафаръ самъ по себѣ былъ
 человекъ добрый, и судя по его поступ-

ку съ моими шоварищами, довольно справедливъ. Онъ охотно принялъ ходатайство за меня жены своей, и говорилъ мнѣ что естли я хочу быль у него: то онъ оставишь меня у себя въ услуженіи, поручишь мнѣ въ управленіе свою деревню и дастъ жалованья сто рублей на годъ. Сія деревня была изъ лучшихъ и находилась отъ города не болѣе какъ въ чешырехъ верстахъ. Я благодарилъ его и жену его за милоспи, и принималъ оныя какъ величайшее благодѣяніе; которое и въ самомъ дѣлѣ было бы шаковымъ, естли бы обспояшельства допустили меня онымъ воспользоваться. Но я просилъ его оппустишь меня во первыхъ для того, чпобъ съ моимъ хозяиномъ разсташься по доброй его волѣ, дабы не подашь ему никакого повода огорчашься мною, ибо я имѣю окончишь у него мою должностъ, и получишь слѣдующую часпъ; а во вторыхъ, увѣдомишь о семъ счаспії мою мапъ и испросишь отъ нее благословеніе. Джафаръ согласился на все и въ изъявленіе ко мнѣ сугубой милоспи, а Ашпаракцамъ

въ досаду, въ шуже минушу послалъ повелѣніе, чѣмъ лежащее на мнѣ у хозяина моего дѣло исправлено было за меня селеніемъ, а чѣмъ придется на мою часть прибывши, выдашь мнѣ сполна. Сверхъ того сказалъ мнѣ, чѣмъ естли я желаю, шо могу взять съ собою мать и брата, и чѣмъ всѣ они могутъ жить со мною спокойно и въ довольномъ состояніи. Сполъ милоспивыя, и по испицинь благодѣмельныя предложенія, шронули меня до глубины сердца. Кланяясь обѣимъ имъ въ ноги, и ошблагодаривъ ихъ со всею моею чувствительностію, опсправился я въ Аштаракъ. Но прежде, нежели я туда пріѣхалъ, сказанное повелѣніе уже было получено. Джафаръ по видимому нарочно приказалъ доспавить оное прежде меня. Повелѣніе сіе сполько напугало моего хозяина, чѣмъ онъ боялся меня пущипъ въ домъ, и вспрѣшилъ въ воропахъ сими словами: нѣшь, нѣшь братаецъ! за шебя, изъ бездѣлицы, вышло сполько хлопощъ, цѣлому селенію; — я боюсь имѣшь съ шобою дѣло, чѣмъ и мнѣ не нажишь какой

бѣды. Бога ради спупай въ свое селеніе за тебя все здѣсь исправяшь, а за долею своею пришли брата. Хозяинъ мой не по-смѣлъ бы въ спрахѣ спросить олъ меня и своей лошади, естльи бы я захопѣлъ ее удержать; но я на прошивъ того со-жалѣлъ полько о томъ, что съ такимъ добрымъ чоловѣкомъ долженъ былъ раз-спашься.

Пришедъ въ Вагарцапашъ, явился пре-жде къ моему учищелю; разсказалъ ему обо всемъ, и просилъ его, чтообъ онъ съ своей спороны уговорилъ мою мапъ оп-пустилъ меня къ Тарга - Джафару. Не смотря на то, сколь ни велико казалось благополучіе мое и моихъ домашнихъ; но онъ предспавлялъ мнѣ прошивъ того всѣ вѣрояпныя опасности, говоря, что рано, или поздно, Персіане изъ зависни къ по-му, что Армянинъ управляетъ имѣніемъ такогд великаго изъ нихъ чоловѣка, всклеп-люпъ на меня какую нибудъ вину; слѣд-спвіемъ чего будепъ то, что меня, по извѣстному Персіанъ обычаю, станупъ

мучишь, дабы принудить принять ихъ законъ, есѣли добровольно на то соглашуся; но предспавляя сіи резоны онъ однако же взялся поговорить о томъ съ моею маперью. Она приняла намѣреніе мое съ великимъ огорченіемъ, и какъ убѣждена была собственными опытами, то спрашась, чѣмъ я когда нибудь не оставилъ Христіанскаго закона, обременила меня всѣми проклятіями, есѣли я пойду жить къ Джафару. — И такъ принужденъ я былъ опспавъ опъ моего намѣренія. Но какъ вмѣстѣ съ тѣмъ насояла опасность опъ поисковъ и мщенія Джафара за то что предложенія его презрѣны; равнымъ образомъ и вышепомянутый случай, подвергавшій меня ругательствамъ и даже опасности былъ убийствомъ: то принужденъ я былъ жить въ домъ тайно и ни куда не выходилъ, кромѣ учителя, да и то по вечерамъ поздно. Между тѣмъ Ашшаракское мое дѣло по приказанію Джафара было кончено, и братъ мой получилъ слѣдующую часть; чему я былъ весьма радъ, ибо доспавшаяся на мою долю прибыль

довольно была по нашему соспоянiю значительна. — По прошествiи не съ большимъ двухъ недѣль, Джафаръ не преминулъ спросить обо мнѣ присылаемыхъ къ нему опъ Паптріарха еженедѣльно для навѣдыванiя объ его здоровьѣ, копорые по нарочно пропущенному опъ насъ слуху, сказали ему, что я уѣхалъ на Турецкую спорону.

По прошествiи еще нѣсколькихъ дней, какъ я угнѣпаемый моими обспоятельствами разсуждалъ, какъ и куда мнѣ удалиться, пришли посѣпить меня двое изъ моихъ шовирищей, учившіеся вмѣспѣ со мною. Они меня любили, принимали во мнѣ нѣкопорое учаспiе, и по тому совѣповали, чтообъ я пошоль въ монаспырь св. Мученицы Рипсимы, въ услуженiе къ прiѣхавшему за годъ предъ тѣмъ изъ Іерусалима Архіепископу Сагаку, у копораго ни кшо не уживался изъ монаспырскихъ прислужниковъ, и онъ желалъ нанять кого нибудь изъ вольныхъ. По сему совѣпу на другой день пошель я въ монаспырь, и

явился къ Сагаку, который по глубокой старости своей, ибо ему было уже слишкомъ 80 лѣтъ, и по многимъ трудностямъ жизни находился весьма въ слабомъ здоровьѣ. На вопросъ его о моемъ состояніи, я пересказалъ кратко всѣ мои обстоятельства, и даже послѣднее мое положеніе. Послѣ чего онъ спросилъ меня, какую я желаю получить отъ него плату за мою службу. Зная по наслышкѣ трудность ему угодить, я просилъ у него только позволенія послужить ему мѣсяць, или два, и если онъ найдетъ меня къ тому способнымъ: то я буду всѣмъ доволенъ, что онъ ни опредѣлитъ, и что я ищу одной только защиты и спасенія отъ ненависти и приписаній моихъ земляковъ. Сагакъ былъ очень доволенъ моимъ отвѣтомъ, и сказалъ мнѣ: „ну, мой другъ! я вижу, что ты будешь мнѣ служить до моей смерти“.

Онъ имѣлъ особенную келью, построенную имъ по прибытіи въ сей монастырь. Она раздѣлена была на три ком-

напы. Я одинъ исправлялъ у него всякое дѣло, и служилъ ему съ усердіемъ. Каждый день пѣлъ и чипаль ему вечерни и заупрени. При чемъ получалъ отъ него всѣ нужныя наставленія, до церковнаго служенія относящіяся. Бѣседы его были только со мною однимъ: ибо его ни кто почти не посѣщалъ, или лучше сказать, онъ никого не принималъ. Иногда прогуливался онъ на своемъ Иерусалимскомъ ослѣ, на которомъ опшуда пріѣхалъ. Сей осель никого, кромѣ его Преосвященства не допускаеть сѣсть на себя, и всегда поднималъ крикъ, есѣли кто хопѣлъ то сдѣлать. По прошествіи нѣсколькихъ дней, Сагакъ говорилъ мнѣ въ разсужденіи жалованья: ты знаешь что у насъ первые въ монашесырѣ люди (п. е. шѣлохранители Папріаршіе, составляющіе вооруженную свипу при его выѣздахъ) получають только 16 рублей въ годъ; а я дамъ тебѣ двѣспи рублей. Но какъ ты человекъ молодой, и можешь употребить деньги иногда безъ пользы: то въсною куплю тебѣ садъ и мѣльницу.“ Я чрезвычайно былъ

радъ такому огромному назначенію, по-
тому болѣе, что совершенно былъ увѣ-
ренъ, не сполько въ приобрѣщеніи сада
и мѣльницы; ибо зналъ, что по смерти
его, оныя будутъ отъ меня отняты, но
болѣе въ полученіи отъ него, кромѣ то-
го, довольныхъ денегъ, въ чемъ я не ошиб-
ся. Сагакъ любилъ меня сердечно, и я
такъ сказать раздѣлялъ съ нимъ остат-
ки дряхлой его жизни. Онъ часпо давалъ
мнѣ по нѣскольку десятковъ рублей, коль
скоро узнавалъ какія нибудь нужды въ
моемъ семействѣ, и до Рождества Хри-
стова: по еспѣ въ два мѣсяца, я успѣлъ
получить отъ него всего сто рублей, изъ
коихъ часть далъ моему брату, а прочіе
матери. На себя же я ничего почти не
употребилъ: ибо Сагакъ, сверхъ того, одѣлъ
меня въ богашое платье. Праздничной каф-
танъ у меня былъ изъ самаго тонкаго
сукна; а нижнее платье изъ лучшихъ шел-
ковыхъ матерій, называемыхъ Аладже, съ
позументами и бахрамою. Мать моя и
братъ, чрезъ меня поправили свое соспо-
яніе, и жили совершенно безнужно; однако

и съ крайнею оспорожностію опъ нашихъ спаршинъ и прочихъ сельскихъ жипелей. — Въ богапомъ моемъ нарядѣ иногда опшпускаемъ я былъ опъ Сагака въ свое селеніе безъ всякаго памъ дѣла; чрезъ что Сагакъ самъ кажеться желалъ наказывать зависшь и злбу земляковъ моихъ, а особливо богашыхъ. Я ъздилъ шуда на его ослѣ, также и понуждамъ: для закупки съѣснаго, и показывалъ перемѣнное мое плашье, кошораго было у меня при пары лучшихъ. Я спарался нарочно казашься нашимъ спарщинамъ, и имѣлъ удовольствіе слышашь, почши всегда, скрежеть ихъ зубовъ. — Приближенностъ моя къ шакому знаменишому, и опъ всѣхъ уважаемому спарцу, и видимая на мнѣ любовь его, заградила всѣмъ бранныя уста; когда случалось мнѣ бышь въ селеніи: по ненавистники мои не смѣли сдѣлать мнѣ ни малѣйшаго озлобленія.

Сагакъ каждую субббу призывалъ духовника, исповѣдывался и приобщался Свяшыхъ Таинъ; при чемъ говоря однажды

о моемъ усердіи и вѣрности, и называя меня сыномъ своимъ, убѣдительно наказывала духовнику, чѣмъ меня, по смерти его, беречь отъ всякихъ обидъ и припѣсненій, и чѣмъ шакое ко мнѣ его разположеніе и воля, были бы извѣстны всѣмъ. Онъ на вѣрное ожидалъ, чѣмъ меня будишь подозрѣвать въ набогащеніи отъ него и слѣдственно спанути мучишь, чѣмъ изпоргнути отъ меня нажишее. Во отвращеніе сего, дабы я могъ имѣти способы избѣгнути напраснаго спрадана и всѣхъ гоненій, онъ не жалѣлъ давати мнѣ денегъ, чѣмъ напередъ поправиши всѣ нужды моихъ домашнихъ и обезпечити будущее мое положеніе; словомъ, чѣмъ въ случаѣ опасности, имѣя у себя деньги и неозабочиваясь соспояніемъ родныхъ моихъ, могъ бы я удалиться изъ селенія, не удерживаясь въ немъ какою либо крайностию. Впрочемъ шакое предумошрѣніе Сагака, открьивъ мнѣ опасность будущаго, ввело было меня въ прешупленіе, въ кошоромъ, не желая скривати своихъ погрѣшностей, признаюсь мо-

имъ чипашелямъ ошкровенно. При всѣхъ милоспяхъ и попеченіяхъ обо мнѣ благодѣтельнаго паспыря, разсуждая о будущей опасности своей, я призналъ за благо приняти, къ опивращенію того, и собственныя мѣры; и на сей кенець рѣшился упошребить во зло опеческую его ко мнѣ довѣренность. По собственнымъ словамъ Сагака, я совершенно былъ увѣренъ, что послѣ него все оберушь въ монастырь и не дадушь мнѣ ничего, не шокмо лишняго, но и того, еспьли что онъ по завѣщанію своему для меня назначить. Чѣмъ болѣе убѣждался я сею гореспною для меня испинною, тѣмъ рѣшительнѣе было мое намѣреніе, чтобъ упошребить собственныя мѣры къ предупрежденію таковой неприлности. Совѣсть моя дѣйспвовала на сей разъ весьма слабо; или, правду сказать, со всѣмъ не дѣйспвовала. Ушвердивъ себя въ мысли, что монахи, ни мало не участвовавшіе въ шрудноспяхъ жизни Сагака, еще менѣе меня имѣють права на его собственность, взялъ я изъ вѣщей его одинъ изумрудный перспень.

•

не малой цѣны; но сдѣлавъ сіе похищеніе не зналъ куда съ нимъ дѣться: отдашь мапери: я не смѣю и подумать; а брать вѣрно бы опіказался; на конецъ призналъ за лучшее отдашь перспень на сохраненіе невѣспкѣ, не смотря на бывшую между нами ссору. Я наказалъ ей, залогъ моея повѣренности, хранишь въ шайнѣ, польстивъ ея нѣкошорыми обѣщаніями; но она, какъ женщина, не уперпѣла, чѣтобъ не похваспашъ перспнемъ одной прішпельницѣ. Тотчасъ догадались, чѣто перспень подарень мною; а я безъ сомнѣнія укралъ его у Сагака. По счастью я узналъ о семъ приключеніи прежде, нежели успѣли донести о немъ Сагаку. Выманивъ у невѣспки перспень, подъ шѣмъ предмогомъ, чѣто есть лучшей, кошорой хочу ея принести, положилъ его на свое мѣсто. Между шѣмъ нѣкошорые, изъ нашихъ жипелей, радуясь случаю мена погубить, пришли нарочно къ намъ въ монастырь, будпо бы для полученія опѣ Сагака благословенія; но не смѣя сказать ему самому, увѣдомили о томъ монашескую живущихъ съ прибавле-

ніемъ заключенія, что я конечно многое уже покрамъ у него, а впредь могу еще и больше украситъ. Коль скоро сіе свѣденіе дошло до моего благодушья: то онъ, будучи во мнѣ много увѣренъ, не принялъ онаго, и даже началъ проклинатъ шѣхъ, кои такую напраслину на меня выдумали; онъ приказалъ мнѣ подать ему шапку, и какъ увидѣлъ, что изумрудный перстень цѣль, то еще болѣе удосповѣрилъ въ моей невинности. Я же съ своей стороны благодарилъ Бога, что не допустилъ оспашься на моей душѣ такому безчестному дѣлу; но за всѣмъ шѣмъ, обличенный и приспѣженный собственною совѣстію, долго я сокрушался о семъ моемъ поскупкѣ, и сознавался въ оноу бывшему въ Россіи Архіепископомъ, нынѣшнему Пашіарху Ефрему.

Я продолжалъ пользовался милостіями праведнаго царца; получалъ отъ него деньги и служилъ ему съ сугубою ревностію. На послѣдокъ, въ началѣ Марша 1795 года, Пашіархъ Лука и многіе Епи-

скопы и монашескую, по обыкновенію, отправились въ Ериванъ на великій Персидскій праздникъ, Наврузъ-Байрами называемый, и отправляемый 10 числа того же мѣсяца. Папріархъ, посѣщавшій Сагака чрезъ каждыя двѣ недѣли, не оставилъ и на сей разъ захватъ къ нему; но нашель его тогда уже въ великой слабости. По сему предвидя скорую его кончину, просилъ его дать ему свое благословеніе и простишь тѣ непріятности, кои опъ него были Сагаку оказаны, говоря, что они можешъ быть болѣе уже не увидяшся. Сагакъ отвѣчалъ ему на сіе, что онъ, по закону Христіанскому, старался только о томъ, чпобъ соблюсти предъ нимъ всю свою подчиненность, и съ благоговѣніемъ къ великому сану его и чиновначалію, оказывалъ ему всегда должное уваженіе и повиновеніе; предъ послѣдними же минушами жизни моею, продолжалъ очъ, прошу Ваше Святѣйшество, объ одной только для себя милости, чпобъ сего служащаго мнѣ, указывая на меня, принялъ подъ защиту свою и не допуститъ

его, по смерти моей ни до какихъ обидъ и припѣсненій. — Послѣ сихъ словъ Папріарху ничего не оспалось говорить, какъ только обѣщать исполнить послѣднюю его просьбу. Его Святейшество, шуръ же, обратившись ко мнѣ, обнадежилъ, что онъ меня не оставитъ и сдѣлаетъ послѣ хорошее награжденіе; но чтобы я между шѣмъ продолжалъ оказывать Архіепископу мое усердіе и помогать бы въ его слабости.

За мѣсяць предъ симъ Сагакъ прогуливаясь за монастыремъ, и назначивъ для погребенія своего мѣсто на дорогѣ къ Еривану, приказалъ сдѣлать могилу и самъ себя написалъ надгробную подпись, для высѣченія оной на камнѣ. Во все время бытности моей у него, онъ всегда съ великимъ сокрушеніемъ и со слезами молился Богу; предъ послѣднимъ же посѣщеніемъ Папріарха сдѣлался чрезвычайно слабъ, такъ, что я всегда долженъ былъ его поддерживать и сидящаго. На послѣдокъ упрямъ 10 числа Марша, чи-

шая съ величайшимъ сокрушеніемъ моли-
 ву, копорую обыкновенно читають у насъ
 въ церкви въ великой Четвертокъ предъ
 исповедью, споя всѣ на коленяхъ, дер-
 жалъ очи свои усшремленными на не-
 бо, и съ нѣкоторою упѣшишельностію
 и умиленіемъ проговориль: я иду шеперь
 въ сообщество прежде опшедшихъ бра-
 тій моихъ, праведныхъ такогo и такогo,
 называя имена старинныхъ Епископовъ.
 Въ самыя послѣднія минушы, онъ повшо-
 риль мнѣ всегдашнія свои наспавленія не
 прельщающа суетносными міра; но памя-
 шовашъ всегда и носиль въ сердцѣ сво-
 емъ законъ Божій и посшупашъ по его
 заповѣдямъ; въ заключение же сказаль до-
 вольно швердымъ голосомъ: оставляю тебѣ
 любезный мой сынъ миръ и благосло-
 веніе. “ Бѣсѣда сія пронула меня до глу-
 бины души; я опираль свои слезы, и по
 помъ хошѣль что-то ему сказаць; кличу
 его: Батюшка, батюшка! но онъ не оп-
 вѣчаешъ; прогаю его, — и вижу, что онъ
 уже скончался, сказавъ мнѣ послѣднія сло-
 ва: *оставляю тебѣ миръ и благословеніе.*

За три дни предъ кончиною своею, при принятіи святыхъ таинъ, завѣщаль онъ, чѣобы мнѣ дано было изъ его денегъ за мою службу тридцать рублей, дабы тѣмъ показашь, что будпо бы я ничего отъ него не получаль, или мало, надѣялся, что сію не большую сумму выдадутъ мнѣ безъ препяшствія. Какъ Спаршій Архимандритъ монастыря Іоаннесъ, бывшій издавна еще любимцемъ Сагака, также уѣхаль съ прочими на Персидскій праздникъ: по я попчасъ взявши осла, поѣхаль въ Ечміацынъ и далъ тамъ знашь о его кончинѣ. Всѣ оставшіеся Епископы и монашескую, также и духовенство изъ всѣхъ ближайшихъ мѣстъ, прибыли для его погребенія. Тѣло положено съ должною церемонією въ назначенномъ самимъ имъ мѣстѣ, а имѣніе его описали и опечатали; я же оспался въ монастырѣ во ожиданіи возвращенія Патріарха изъ Еривана. Изъ всего имѣнія покойнаго я взялъ для памяти его, шолько чернильницу и гребень и спрашалъ ихъ на кладбищѣ.

Сагакъ, при жизни Папріарха Симеона, находился въ Ечмиаціанѣ спаршимъ Архіепіскопомъ. Родомъ онъ былъ изъ Нахичевана, изъ деревни Паракъ, а воспитывался въ Монастырѣ Св. Апостола Фаддея (*) Приключенія жизни его исвѣспны были мнѣ часпію по наслышкѣ, а болѣе опъ него самаго. Сагакъ имѣлъ нрава швердый, справедливый, и нѣсколько горячій, когда надлежало говорить правду; соспрадапелень, смерпелно ненавидѣлъ припѣсненіи, оказываемые кому либо, и попому въ жизни своей претерпелъ многія заключенія. По смерти Симеона, когда Лука вступилъ на Папріаршій Пресполь, Сагакъ, за нѣкопоре сдѣланное ему справедливое предспавленіе, подпаль его неблаговоленію и понесъ опъ него весьма чувспвишпелныя оскорбленія. — Дабы сохранишь должное уваженіе къ пампипи шоль великой духовной особы, какъ Папріархъ, я считаю не приличнымъ объясняпшься о семъ проспранно; но слѣдуя сдѣ-

(*) Сей Монастырь находится въ обласпипи Маку, и еспна Главнѣйшій по Ечмиаціанѣ.

ланному мнѣ опъ Сагака словесному за-
вѣщанію, скажу только о нѣкоторыхъ
главныхъ изъ извѣстныхъ мнѣ обстоятель-
ствахъ.— По прошествіи нѣкотораго вре-
мени, по вступленіи Луки на Пампріарскій
Пресполь, года чрезъ два съ половиною,
или около того, Сагакъ принужденъ былъ
удалиться въ Іерусалимъ, гдѣ и пробылъ
около пяти лѣтъ. Послѣ того Лука въ
доказательство своего къ нему благора-
сположенія и примиренія, вызвалъ его оп-
туда, и сдѣлалъ своимъ намѣстникомъ въ
Монастырь Св. Фаддея. Къ управленію
сего Монастыря принадлежатъ: состоя-
щій въ области Маку главный городъ сего
имяи, область Балзипъ, часть области
Ериванской по другую сторону рѣки Ера-
сха и часть области Хойской. Сія
последняя и первая области Пер-
сидскаго владѣнія. Сагакъ, въ облегченіе
жителей своей Епархіи, отмѣнилъ раз-
личные Монастырскіе поборы и учредилъ,
чтобы вмѣсто всего, что прежде выну-
ждали опъ жителей за умершаго въ со-
вершенныхъ лѣтахъ и по случаю браковъ,

вносящъ въ Монастырь по нѣскольку аршинъ мешкаля, который дѣлаешся унась во всякомъ домѣ и несоспавляешъ ничего важнаго для жителя; равнымъ образомъ ограничилъ Свещенство; строго наблюдалъ за ихъ поведеніемъ и за спокойствіемъ ввѣренной ему паспвы; съ ревностію преслѣдовалъ сдѣлавшихся изъ нашей Націи Палиспами, спаравшихся разсѣвать между жителями семена разврата и расколовъ. Сіи негодли, почти всѣ, были изъ его Епархіи изгнаны и истреблены. Всѣ жители, богатые и нищіе, Христіане и Магомешане любили и уважали Сагака сердечно; что наконецъ подало поводъ къ новымъ неприличностямъ, которые произведены были посредствомъ нѣкопорохъ приближенныхъ къ Паше чиновниковъ его. Сагакъ принужденъ былъ паки удалиться въ Іерусалимъ, и жилъ тамъ лѣшь около семи, или осьми.

Со времени сей послѣдней оплочки его, произошло слѣдующее чудо. Въ продолженіи паша лѣшь, во всей Баязицкой

обласпи, какъ бы въ наказаніе за то, что изъ шамошнихъ, нѣсколько человекъ, замѣшались въ интригу прошиву Сагака, не родилось ни одной капли масла, которое добывается изъ конжуса, льна, канали и Керчакъ (*). Всѣ сіи травы въ оныя пшшь лѣшь засыхали. Жители обласпи справедливо причли сіе къ наказанію Божію за оскорбленіе Сагака; и какъ Христіане, такъ и Магомешанъ, были въ разсужденіи сего одинакихъ мыслей; знавшійшія же изъ Магомешанъ, наконецъ просили Паптіарха письменно, чшобъ Сагака къ нимъ возвратишь, или по крайней мѣрѣ, чшобъ онъ прислалъ къ нимъ свое благоволеніе. Паптіархъ чувствую свою старость и слабость, самъ напоследокъ пожелалъ прекратишь всѣ неудовольствія, въ коихъ, со стороны Сагака, почти всѣ принимали участіе, по уваженію къ благочестію и добродѣтелямъ его. Лука писалъ къ нему

(*) Корчакъ имѣеть совершенное сходство съ зерномъ кофе; оно столь жирно, что топчась даетъ масло, если пожать его пальцами. Имѣеть чрезвычайно слабительное свойство, и употребляется только для освѣщенія,

о прозьбѣ Персіанъ и всей области, и просилъ его прїѣхать въ Ечміацынь. По сему письму Сагакъ прислалъ только просимое Болзипскими жишелли благословеніе, равнымъ образомъ и всей бывшей его Епархіи; а ошъ возвращенія въ Ечміацынь опказался, прося Папріарха оспавить его въ Іерусалимѣ, для спокойнаго окончанія послѣднихъ дней его жизни. Жишелли Баязипскіе, коль скоро получили жемаемое ошъ него благословеніе: по на слѣдующее шеспое лѣшо добыли масла въ величайшемъ и непосредственномъ изобилїи, что болѣе усугубило высокое къ нему почпеніе, любовь и уваженіе народа. Даже Магомешанѣ, безъ всякаго сомнѣнїя, почишали его за мужа, совершенно угоднаго предъ Богомъ. Лука писалъ къ нему въ другой разъ и непременно шребовалъ чшобъ онъ прїѣхалъ въ Ечміацынь; но Сагакъ опказался и въ сей разъ. Таковый двукрашный опказъ его шѣмъ чувспвишельнѣе былъ Папріарху, чшо могъ проишвеспи въ народѣ нащепъ его непрїяшныя опечашлѣнїя, и подашъ случай комно-

гимъ невыгоднымъ заключеніямъ. Онъ писалъ къ нему въ шрешій разъ, и въ семь послѣднемъ письмѣ, въ случаѣ несоглашенія его, возпрещалъ ему Священно-дѣйствовашь и носить Духовнаго чина одежду. Письмо сіе, какъ и прочія, шли чрезъ руки Іерусалимскаго Папріарха Іоакима, которому шакже о томъ было писаноособо. Іоакимъ имѣя совершенное къ Сагаку уваженіе, нехошѣлъ оскорбить его спаросшь объявленіемъ шаковой воли Папріарха и письмо удержалъ у себя; а между тѣмъ опнесся къ Конспаншинопольскому Папріарху Захарію, который шакже зналъ и уважалъ Сагака. Захарій писалъ къ Лукѣ и между прочимъ замѣшилъ ему; чпо съ шакою неограниченною и деспотическою власпію вмѣшивашься въ разпоряженіе духовными особами, соспоящими подѣвліяніемъ другаго Государства, не совмѣспно; и чпо еесли онъ не опмѣнитъ споль повелительнаго шона, шо Сагакъ, по всей справедливосши, можешь его не послушашься и оказашь явнымъ образомъ неуваженіе къ его власши. Пока произхо-

дла сія переписка, Армянскіе Каполики, или Паписшы, провѣдавъ о послѣднемъ повелѣніи Папріарха, вознамѣрились воспользоваться симъ случаемъ, щобъ онымъ привести Сагака до крайней степени огорченія, оппоргнувъ его опъ Армянской церкви, и согласишь признашь надъ собою власць Папы. Подъ предлогомъ усердія и уваженія, они объявили Сагаку все, что было писано Лукою; за шѣмъ предлагали ему приняшь Каполическую вѣру, признашь Папу своимъ главою, и опредѣляя ему, между прочимъ, на содержание по десяти червонныхъ на день, говорили, что они опправяють его въ Римъ въ хлопчатой бумагѣ; каковое выражение означало всевозможное и въ самой высокой степени соблюдение его спокойствія. Сагакъ выслушавъ коварныя ихъ предложенія, съ сердцемъ сказалъ имъ въ отвѣтъ: знаюшь ли они того, кто даеть ему такое повелѣніе? — Я, продолжалъ онъ, не шокмо не обижаюсь; но даже благоговѣю къ сему повелѣнію; верховнаго Папріарха и перваго чиновачальника.

Какъ глава, какъ полновластный Владыка, поставленный надъ ними Богомъ, онъ можешь приказать, непокмо, чшобъ я вхаль, но даже влачись меня къ себѣ, лицомъ по землѣ связаннаго; я долженъ ему повиноваться безмолвно, и сей же часъ отправилюсь въ Ечміацынь. Въ заключеніе сего опвѣща Сагакъ, какъ человекъ горячій, снявъ съноги шуфель, ударилъ нѣсколько разъ крѣпко по губамъ Езуипа, который дѣлалъ ему предложенія, сказавъ: „ я дѣлаю сіе для того, чшобъ ты лучше помнилъ мой опвѣсть, и не забылъ пересказать его пому, кпо тебя послалъ ко мнѣ для соблазна, чшобъ я измѣнилъ церкви, и законному моему повелію! „

Послѣ сего, пошь же часъ, пріѣхаль онъ къ Іоакиму, и выговорилъ ему за то, что онъ упайлъ опъ него послѣднее повелѣніе Папріарха; а чрезъ нѣсколько дней раздавъ по церквамъ всѣ свои деньги, отправился въ Ечміацынь. Такимъ образомъ, Сагакъ показавъ собою примѣръ смиренія, и повиновенія къ пошановленной власти, спажалъ себѣ сугубое опъ обо-

ихъ Папріарховъ Іерусалимскаго и Константинопольскаго, и отъ всѣхъ тамошнихъ Армянъ удивленіе и уваженіе.

Папріархъ Лука узнавъ о его прибытіи, высмалъ ему на встрѣчу, верспы за чепыре отъ Монастыря, всѣ Чины монастырскіе съ хоругвями и пѣніемъ, спараясь оказати тѣмъ должное ему уваженіе. Но Сагакъ по смиренію своему, остановился; нехотѣлъ продолжати своего пути; и послалъ просить Папріарха, чтобы онъ вмѣсто всей церемоніи, прислалъ ему свое благословеніе. Папріархъ вышелъ ему въ встрѣшеніе за крѣпость, и принявъ съ благословеніемъ, повелъ его самъ прямо въ церковь, гдѣ Сагакъ повергнулся предъ нимъ и цѣловалъ его ноги. Лука оспавлялъ его при себѣ; но Сагакъ упросилъ его отпустить, для спокойствія въ означенный Монастырь Рипсиміи, и пославиши туда Начальникомъ, бывшаго при немъ въ Монастырь Фаддея, Архимандрита Іоаннеса, гдѣ построилъ себѣ особую келью, и скончался.

Я дожидался обратнаго прибытія въ келью Патріарха, напрасно; онъ проѣхалъ прямо въ Ечміацынь; а въ слѣдъ за тѣмъ, по устанавленному издревль правилу, все имущество Сагака было взято, въ Ечміацынской Монашьярь. Патріархъ по видимому забылъ, и меня и свое обѣщаніе; а можешь быть, и Сагакъ въ продолженіи нѣсколькихъ дней, вышелъ изъ его памяти. И такъ, не получивъ даже и того, что было самимъ Сагакомъ завѣщано, возвратился въ свое селеніе. Я имѣлъ глупость, щеголялъ тамъ въ своемъ плащѣ, и дразнилъ зависъ нашихъ богатыхъ, забывъ, что уже не имѣю никакого покровительства и защиты. Учитель мой, и еще нѣкоторыя другіе, замѣтили мнѣ мою неоспорозность, совѣшуня скорѣе все продашь, и оставишь только самое необходимое. Я послушалъ немедленно по сему совѣшу, и только что не оспался нагимъ и босымъ: но ешь, что между прочимъ, предоспавилъ себѣ одни изрядные чулки, такъ какъ худаго у меня ничего и небыло;

*

но и сіи чулки, сдѣлались вскорѣ причиною моего спраданія.

Въ одно время случилось мнѣ идти мимо Ечміацынскаго Монастыря. Прежній управляющій селеніемъ уже умеръ, а на мѣсто его посланъ былъ другой; и сей новой управляющій, по несчастію, сидѣлъ въ то время предъ ворошами Монастырскими, съ нѣкоторыми людьми нашего селенія. Зависпливое его око, увидѣло на мнѣ чулки. Онъ спросилъ про меня у окружающихъ, и ему отвѣщено, что я сынъ шакой — то бѣдной вдовы, и находился, при Сагакѣ. Заключение тотчасъ было сдѣлано, что я воровалъ у Сагака, и на это щопъ щеголяю; не смотря на то, какъ всѣмъ было извѣстно, что Сагакъ благодѣшельствуя мнѣ, старался одѣвать меня лучшимъ образомъ, и что я все имѣю отъ него. Ко мнѣ подбѣжали, остановили, и привели предъ управляющаго. По приказанію его привязали меня къ цѣпи, копорою заграждающа вороба, и били палками по слѣ-

дамь; управляющій самъ допрашивалъ меня, чѣмъ я признался въ воровствѣ, котораго не сдѣлалъ. Я свидѣтельствовался всѣми, что Сагакъ самъ давалъ мнѣ все нужное; но сего не слушали: ибо жадный монахъ хотѣлъ только узнать, нѣтъ ли у меня еще чего нибудь такого, что могло бы быть ему пригодно, и что безъ всякаго сомнѣнія, опъ меня бы опняли. Я перенѣлъ мое мученіе съ нѣкоторымъ родомъ мужества, которое вселяло въ меня пророческое предвѣщаніе о томъ праведнаго старца. Меня перестали бить, по обыкновенію не прежде, какъ уже исчезъ мой голосъ. Насытившись моимъ мученіемъ, монахъ объявилъ мнѣ, что онъ даетъ мнѣ три дни отдохнута, и чѣмъ я на четвертый день явился къ нимъ въ Монастырь для служенія; въ противномъ же случаѣ угрожалъ, что прикажетъ меня въ селеніи убить до смерти. Во время наказанія, подошелъ мужъ моей сестры, и какъ скоро меня развязали, то онъ взваливъ меня на свою спину, спазилъ въ домъ, едва живаго. Я пролѣжалъ двѣ не-

дѣли не вспавая съ постели. Однажды собрались ко мнѣ, мой учишель и нѣкоторые поварищи; они всѣ совѣщовали мнѣ, чѣмъ я куда нибудь удалился на чужую сторону, чѣмъ терпѣть шакіямученія. Я болѣе всѣхъ чувствоваль сію необходимость; но по спранныму, врожденному любопытству, горестно было мнѣ оставити мою сторону, не осмопрѣвши шѣхъ древностей, о коихъ я только слыхаль, но не имѣль случая осмопрѣть. Братъ мой собирался ѣхать въ Ериванъ; я просилъ его взять меня съ собою, и послѣ осмопрѣть старинный Монастырь Кегардъ, споящій на одной горѣ, отъ Еривана къ воспоку на сурки, построенный Армянскимъ Царемъ Тридашомъ (*). Я подговорилъ съ собою еще одного охотника, и въ шроемъ отправились въ Ериванъ верхами. По исправленіи брашомъ своей надобности, поѣхали къ Кегардъ. Мы проѣхали мимо деревни Джафаровой,

(*) Сей самый Царь мучилъ священномученика Григорія, просвѣтителя Арменіи, и послѣ отъ него крещень.

Червезъ (*), въ которую я былъ опъ него назначенъ управляющимъ, и ночевали на дорогѣ въ деревнѣ Норкъ, въ которой находяшся хорошіе маспера каменной посуды, и изрядные виноградные сады. На другой день продолжая путь нашъ, издали сморгъли мы на развалины древней столицы Армянской, Карни, сполщей на гориспомъ берегу рѣки, называющейся шѣмъ же иманемъ. Мѣсто сіе, обратившееся въ пустыню, усѣяно было разными плодоносными деревьями; но мы никакъ не смѣли опважиться, чшобъ приближиться къ нему, по опасности опъ разбойниковъ, кои можешь бышь тамъ находилсь; и частію опъ звѣрей, кои обыкновенно въ такихъ мѣстахъ наиболѣе водятся, гдѣ ешь плоды, которые они одни шолько и собирають.

Не въ дальномъ опъ горы разстояніи находишся крѣпость, большою частію обращенная въ развалины, поспроенная

(*) Въ Червезѣ находится великое множество кремня, который изшолча, выжигаютъ изъ него шекла.

поминутымъ Армянскимъ Царемъ Трида-
шомъ, жившимъ за 1500 лѣтъ. — Крѣпость
сія примѣчательна тѣмъ, что построена
вся изъ дикаго шлифованнаго камня. Ду-
мать надобно, что она раскопана един-
ственно для свинца, котораго употреблень
былъ при кладкѣ ея, и желѣза, коимъ свя-
заны камни. Многіе приходилъ сюда до-
спавать свинець для лиша пуль, да и
самый камень берутъ для печей; по тому
что онъ болѣе всѣхъ терпитъ жаръ. По-
томъ взошли мы на гору, и достигли до
Монастыря Кегардъ. Онъ спойтъ подлѣ
самой рѣки Карни, которая выходя изъ
сей горы сверху, течеть по глубокой
впадинѣ, или пропасти; а потомъ упа-
даетъ на самой низъ каскадомъ, на до-
вольно далекое разстояніе отъ горной
стѣны, такъ, что между стѣною и водою,
можно стоять, какъ въ большомъ фонарѣ,
что составляетъ весьма пріятное и вмѣ-
стѣ величественное зрѣлище. Шумъ сей
рѣки, производитъ родъ нѣкоторой со-
гласной музыки, и по крайнѣй мѣрѣ пріятный
для моего слуха; однако такъ силенъ,

что въ близи естѣли кричатъ : по едва можно разбирашь слова. Монастырь Кегардъ, (; что значить копіе) выстроень Тридапомъ, по крещеніи его, во имя того копія, копорымъ былъ прободень Спаситель нашъ, и копорое теперь находится въ Ечміацынѣ. Онъ весь изъ шамошняго камня, краснаго цвѣша, коего свойство хотя довольно мягкое, но крошкы не боится. Монастырь сей, еще во всей цѣлости; но сколько стоить въковъ въ запустѣніи? сказать точно не можно. Далѣе въ гору, находится чудесная церковь, Арзакану, названная такъ по мѣстули, или по имени строителя, мнѣ неизвѣстно. Она высѣчена вся въ одномъ большемъ камнѣ со сводомъ; нѣтъ въ ней ничего, придѣланнаго изъ посторонняго вещества; образа высѣчены на стѣнахъ такъ, какъ и купель выдѣлана на приличномъ мѣстѣ, не отдѣльно отъ общаго основанія камня. Свѣтъ входитъ съ верхняго отверстія. Пространство ея можетъ вмѣщать до 200 человекъ. Въ лѣвой сторонѣ церкви, внутрь камня находится

нашуральная, или сдѣланная, точно того не знаю, проспранная пещера, въ которой видны намъ были, нѣсколько человѣческихъ костей, погребенныхъ здѣсь умершихъ; по срединѣ же церкви стоишь опкрытый ключъ, коего вода чрезвычайно чиста и пріятна, но весьма холодна. Воздухъ въ церкви такъ же холоденъ, но совершенно свѣжъ, и казалось, не было ни малѣйшей сырости. — Главное кладбище здѣсь по видимому было подъ горою. Зданіе сіе, безъ сомнѣнія стоило величайшаго труда, и немалыхъ издержекъ. Выше и около, по разнымъ мѣстамъ опъ Монастыря и церкви, находятся многія пещеры пуспынниковъ; въ одной изъ нихъ между камней, нашель я довольно количество смолистой матеріи чернаго цвѣта, имѣющей запахъ довольно пріятный. Когда я взялъ нѣсколько сей матеріи, то намѣсто ея пошчасъ вышупила новая; изъ чего надобно заключаешь, что оной находилась шупъ въ большемъ изобилии. Мѣстоположенія горы чрезвычайно пріятны, и усѣяны плодоносными деревья-

ии; по большой части ореховыми, называемыми грецкими. Здѣсь находятся различные звѣри: олени, волки, медвѣди и другіе. Персіане прїѣзжающіе сюда на звѣриную охоту, ушверждаютъ, что въ ночное время, неоднократно случилось имъ видѣть въ горѣ горящую свѣчу, или лампаду, но приближаясь къ сему огню, только что хотѣли войти въ то мѣсто, гдѣ онъ казался горящимъ, то свѣча, или лампада исчезала, и они оставались въ темнотѣ. Вообще, мѣсто сіе приводитъ въ нѣкоторый священный воспоргъ. — На возвратномъ пути, ночевали мы въ деревнѣ Норкъ, и на другой день прїѣхали мы въ Ериванъ. Здѣсь, просилъ я брата убѣдительнѣйшимъ образомъ, чтобы поѣхалъ со мною еще на Араратскую гору; а если не можешь рѣшиться удовлетворишь моему любопытству, чтобы осмошрѣшь с п о я щ а г о на Южной споронѣ оной горы, Монастыря Хор-вирабъ (: что значишь глубокую яму, (*) надъ копорой

(*) Яма сія при Тридагѣ была мѣстомъ самаго жестокаго наказанія виновниковъ. Никто не оставался въ ней жи-

онъ построень:) що, покрайнѣй мѣръ проводилъ бы меня къ ближайшему монастырю, построенному Мыцпинскимъ Архіепископомъ Св. Іаковомъ, около 1300 лѣтъ, на самой подошвѣ горы, на Западной ея сторонѣ, и на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ праведный Ной, сошедъ съ вершинъ Арарата, посадилъ первое виноградное дерево, и развелъ виноградъ; и по тому называемый Эаркъ-Уры (: первонасажденный виноградъ, или виноградное дерево :) въ обоихъ сихъ монастыряхъ, въ погдашнее время, находились еще монашескующие; а теперь запустили. Послѣдній примѣчательный попому, что означенный Мыцпинскій Архіепископъ, Святой Іаковъ, какъ говоритъ преданіе Св. опецъ, вознамѣрясь достигнуть вершинъ Арарата, гдѣ остановился Ноевъ ковчегъ, принесъ о томъ Господу Богу усердное моленіе, и отправился въ свой путь; но когда

вылъ даже до сутокъ, и въ которой Священномученикъ Григорій, брошенный по повелѣнію Триада находилъ ся между змїями, скорпіями и прочими ядовитыми животными 14 лѣтъ.—

бывъ упружденъ шествіемъ своимъ, для подкрѣпленія изнеможенныхъ силъ предавался опдохновенію, то по пробужденіи ошъ сна, каждый разъ находилъ себя опяшь на низу, или не въ дальномъ разспояніи ошъ того мѣста, ошъ кошораго начиналъ свой пупъ; и такимъ образомъ трудился цѣлые семь лѣшь, пока на послѣдокъ явился ему во снѣ Ангелъ, который давъ ошъ ковчега кусокъ негніющаго дерева, сказалъ, что Богъ не хоща презрѣшь во все его шрудовъ и моленія, послалъ ему для удовольстворенія любопытства его, сей кусокъ дерева; но что ковчегъ могъ бы онъ видѣшь только тогда, когда бы возмогъ возвратиться въ нѣдро родившей его матери, и шамъ рассмашривашъ внушрешняя ушробы ея. Таковы, возставшій ошъ сна своего, нашель подлѣ себя данное ему Ангеломъ въ видѣніи дерево (*). Въ засвидѣшель-

(*) Дерево сіе находится нынѣ въ Ечміацынскомъ Монашшре; но съ кошораго времени, сказать вѣрно немогу оно сѣроваатаго цѣша, имѣеть косяную швердосшь; запахъ пріятный, но незнакомый; и ошличное ошъ всѣхъ почти известныхъ деревъ, шакъ что ни къ какому примѣншть нельзя; а при шомъ обдѣака его показы

ствованіе грядущимъ вѣкамъ сего произ-
 шесивія, просилъ онъ опъ Бога, показашъ
 и оставилъ навсегда на семь мѣсѣвъ, ка-
 кое нибудь чудо; и по сему шо проше-
 нію, опкрылся на шомъ мѣсѣвъ ключъ, ко-
 торый и до днесъ находится, не болѣе
 какъ съ одну вершну выше опъ монасты-
 ря. Ключъ ни куда не истекаетъ, и вода
 его имѣетъ слѣдующую чудесную силу:
 въ окружности тамошняго мѣста нахо-
 дятся не большія черныя пшцы. Сіи
 пшцы въ маломъ числѣ, какъ я видѣлъ,
 слѣдуютъ въ нѣкоторомъ распояніи за
 оною водою, когда привозили ее въ наше
 селеніе, и ушверждаю какъ испинну, что
 кромѣ шого мѣста, гдѣ находится ключъ,
 ни гдѣ ихъ не видно. Когда на хлѣбныхъ
 поляхъ покажется много червей, и осо-
 бенно при нападеніи саранчи, шотчасъ
 берутъ означенную воду, и бросаютъ надъ
 полемъ по воздуху; помянутыя пшцы,

влетъ тѣску обыкновеннаго шопора, вмѣсто котораго
 во всей нашей сторонѣ употребляется оудіе другимъ
 со всѣмъ образомъ сдѣланное на подобіе большой Кур-
 ги. —

вдругъ Богъ знаешь ошъ куда берущся, на подобіе гуспаго облака, и бросаешь на шо поле, поодающъ саранчу, всякой вредной червь, и шѣмъ спасающъ хлѣбъ. Сію воду берущъ въ Грузію, и въ окружныя облащи Турецкаго и Персидскаго владѣнія, и упошребляющъ въ подобныхъ случаяхъ да же и Магомешане; но ошнюдь недолжно спавишь ее на землю, или на поле, но держашъ всегда висящую; ибо въ прошивномъ случаѣ, она пошерьяетъ сказанную силу свою. Я гошовъ былъ подвергнушь всякимъ опасностямъ, чшобъ видѣшь оное мѣспо своими глазами; но брашъ мой, ни какъ не могъ на шо рѣшишься, опасаясь попасшься на разбойниковъ: въ самомъ дѣлѣ, въ нашихъ мѣспяхъ, чшобъ ѣхашъ безъ опасности, всегда собирающъ караваномъ человѣкъ 10, 15, и болѣе. И шакъ принужденъ я былъ возврашиться съ нимъ въ Вагаршапатъ, и шамъ продолжалъ жизнь самымъ скрышнымъ образомъ шакъ, чшо меня считали въ бѣгахъ. Спусшя нѣскольکو времени, учишоль мой увѣдомилъ меня, чшо Архимандритъ Карапешъ, любишель

перца, сдѣланъ Епископомъ и Намѣстникомъ въ Георгіевскомъ монастырѣ, и совѣщивалъ, чѣмъ я для лучшей безопасности, прибѣгнуль опять подъ его покровительствво. Я совѣтъ сей принялъ шѣмъ съ большею радостію, чѣмъ совершенно зналъ прощому и нравъ Карапеша, и какъ будто предчувствовалъ, чѣмъ буду жить у него въ довольствѣ. На другой же день, до солнечнаго возхожденія, вышелъ я изъ своего селенія, прошелъ Ашпаракъ, достигъ Монастыря (: опстоящаго отъ Ашпарака, примѣрно, верстахъ въ пяти, на подошвѣ Аракатской горы:) и прямо явился къ Карапешу. Вступленіе мое, началъ я со всевозможнымъ умиленіемъ, хотя мало искреннимъ, или и со всемъ прищворнымъ; чѣмъ чувствуя прежнія его благодѣянія, имѣю къ нему сердечную привязанность, и желаю паки употребить себя на услугу ему со всемъ усердіемъ. И пакъ ты возвращаешься ко мнѣ, какъ блудный къ своему отцу!.... Такъ почтно бапюшка. Ну! пакъ спань же на колѣни, и принеси свое разкаяніе! Я пощася

понялъ, что просподушному Епископу захопѣлось видѣть сцѣну Евангельской припчи и самому быть при томъ первымъ дѣйствующимъ лицомъ.— Справъ на колѣни говорилъ я: согрѣшилъ на небо и предъ пнобою, и несмь достоинъ нарѣциса сынъ пвой; но умилосердись надомною и повѣли причесать меня хотя къ рабамъ пвоимъ. — Поднявъ меня съ пономъ, изьявляющимъ совершенное примирѣние и любовь, сказалъ: ну вспань сынъ мой, я нашель шеперь погибшую мою драхму. Послѣ сей небольшой церемоніи, я долженъ былъ пересказать ему кое что изъ моихъ приключеній, но ушайлъ то, что выперпѣлъ опъ новаго управляющаго, и что я приведенъ къ нему не доброю волею, но бѣдспвеннымъ положеніемъ моимъ и безнадежноспію спаспи себя безъ его покровишельспва. Я былъ для него шакъже весьма полезный человекъ и удоспоился всей его доверенноспи, имѣлъ на своихъ рукахъ приходъ и расходъ; былъ свободенъ во всемъ и дѣлалъ, что хошѣлъ; часто ѣзжалъ въ Ашпаракъ и хотя послѣ покой-

наго Архієпископа Сагака оспалось у меня не лучшее плащье; но и шаковаго ни у кого почпи шамъ не было, что и подало поводъ заключить, что я имѣю большіе деньги. — Въ семь Монаспырѣ, копорой Персіане называютъ *Могни*, думать надобно по прежнему названію мѣста сего, или какого нибудь селѣнія, на немъ бывшаго, имѣющаго мощи Св. Великомученика Георгія, хранящіеся въ спѣнѣ между олшаремъ и ризницею. Хрисціанѣ, а еще болѣе персіане, весьма часто приходятъ сюда молишься святымъ мощамъ; о избавленіи отъ болѣзни, копорая сущесвуеетъ шолько въ одной Персіи и какъ будшо природная по шамощному климашу. Болѣзнь сія состоить въ шомъ, что сдѣлается въ лицѣ чрезвычайное воспаленіе, сопровождаемое опухолью и нерѣдко большими понемъ шишками, подобными наростамъ дикаго мяса. Персіане при семь случаѣ приносятъ еще и жертвы изъ разныхъ числыхъ живошныхъ, копоры закалаются на монаспырскомъ дворѣ и раздаются по часшамъ бѣднымъ. Послѣ

еого всякой съ усердіемъ и вѣрою молящійся, Христіанинъ ли, или Персіанинъ, получаешъ опъ поминушой болѣзни весьма скорое избавленіе. Сверхъ того приходящіе молишьяся мощамъ кладушъ и деньги. Деньги сіи безъ опчешно были въ моемъ управленіи. Я могъ показашъ ихъ въ приходѣ сколько хошѣлъ, и попому по никогда не опдавалъ ихъ Епископу сполна; но всегда опдѣлялъ изъ нихъ изрядную часшъ и раздавалъ шихонько бѣднымъ, и особенно собиравшимся изъ принадлежащей къ Монашпырю не большой деревенькѣ для испрощенія опъ молещиковъ милосшыни; для своихъ же надобношей я пользовался, впрошчемъ со всевозможною умѣренносшію, изъ другихъ доходовъ, собшвенно принадлежавшихъ Епископу.

Такъ какъ я имѣлъ совершенную свободу, по бралъ съ собою надежнаго челоуѣка и осмашривалъ находящіеся на *Аракатской горѣ* въ великомъ множествѣ старинныя церкви и монашпыри, споя-

*

щіе въ запусѣніи. Они большею частію находятся еще въ цѣлости и шочно какъ новыя; а нѣкоторыя въ развалинахъ. — Здѣсь все предшавляетъ чловѣка люшымъ, хищнымъ и губительнымъ. Правда, что кочующіе шамъ народы, какovy Лезгинцы, Курды и прочіе, а частію нѣкоторыя изъ Персіанъ, имъ подобныя, шолько имѣють образъ чловѣческой; но впрошчемъ чужды всякаго чловѣчества и шоль звѣронравны, что едвали уступаютъ въ шомъ и самымъ люшымъ звѣрямъ; исключая нѣкоторыхъ случаевъ, на примѣръ госпепрїимства Лезгинцовъ. Оно сосшавляетъ у нихъ шоль священную обязанность, что ешлы бы къ кому изъ нихъ, хошя убійца сына, или брата его, ушлы сдѣлать прибѣжище и заявитъ себя въ видѣ гостя, то уже шоль долженъ не шолько оставитъ свое надъ нимъ мщеніе, но еще на шое время и защищаетъ его отъ другихъ. —

Наслышавшисъ прежде о находящемся за симъ Монашпыремъ, раззоренномъ спа-

ринномъ городѣ Карпи, называвшемся такъ по названію рѣки Карпи; а болѣе о жителяхъ сего города, которые опличны отъ всѣхъ прочихъ тамошнихъ народовъ своимъ плутовствомъ и обманомъ, что составляетъ природной ихъ характеръ, поѣхалъ я однажды осмошрѣть сіе мѣсто, распояніемъ отъ монашья версахъ въ пиши, или шести, и чтобъ увидѣть своими глазами одну тамошнюю церковь обогренную кровію сихъ жителей, коихъ, какъ говорятъ, до 500 душъ мужей и женъ изжарили Лезгинцы, или другіе разбойники, на кровль сей церкви. Пріѣхавъ на мѣсто, въ самомъ дѣлѣ нашолъ я всѣ стѣны сей церкви (: бывшей во имя Архангела Гавріила:) окровавленными. Во время случившагося въ томъ краю, лѣтъ двѣспи назадъ всеобщаго возмущенія. Нѣкоторые жители города Карпи, при нашествіи помянутыхъ разбойниковъ разбѣжались; а другіе, для защищенія, забрались совсемъ имуществомъ на кровлю показанной церкви, кощорыя у насъ по большій

части строясь такъ, чшобъ могли служить и крѣпостью. — Разбойники не могли ихъ достать, по крайней мѣрѣ безъ собственнаго вреда не хотѣли оставить и цѣлыми. Они наполнили внутренность церкви и всю окружность ее обложивъ множествомъ деревьевъ и сухаго хвороста, все это зажгли; несчастнымъ не случилось никакого средства къ своему спасенію, и всѣ погибли въ пламени. — Городъ имѣлъ не большую крѣпость; но какъ сшены, такъ и дома, большею частію, находились въ развалинахъ, кромѣ помянутой церкви и еще другой въ немъ находившейся, во имя Петра и Павла. Разбѣжавшіеся Карпійцы, живутъ нынѣ по разнымъ селеніямъ малымъ числомъ, и едва ли можно найши гдѣ нибудь ихъ болѣе прехъ домовъ. Они дѣйствительно споль опличные плуты и обманщики, что про нихъ еще изъ стари сложена басня, будто бы они обманули и самага чорпа, слѣдующимъ образомъ: чорпъ имѣлъ какое то право на поля ихъ, они сдѣлали съ нимъ условіе,

что по созрѣніи посѣвовъ, верхняя часть должна принадлежать имъ, а нижняя чорпу. Они посѣяли пшеницу: чорпу досталось только солома. На другое лѣпо, чорпъ взялъ оспорожность въ назначеніи своей доли и опредѣлилъ себѣ верхъ, а Карпійцамъ низъ. Они посѣяли тогда свеклу, морковь и другія коренья, и такимъ образомъ чорпу досталась опять пустая права. —

Между тѣмъ, какъ я находился у Карапеша, онъ былъ во ожиданіи, что я пойду въ духовный чинъ, чего онъ желалъ чрезвычайно и о чемъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе, вскорѣ по моемъ къ нему прибытіи. На первой разъ я опозвался, что мнѣ должно испытать себя, измѣришь свои силы и напередъ предъуголовишься совершеннымъ образомъ, чтобы быть достойнымъ носить оное званіе. — Въ другой разъ опговорился моимъ не совершенствомъ, которое въ себѣ еще чувствовалъ и Карапешъ снисходилъ всему; а напоследокъ въ день Вознесенія, когда

онъ хотѣлъ посвящити меня въ діаконы, я пришворился больнымъ и такъ посвященіе меня опложено было до другаго дни. Но въ послѣдующіе дни, я едва не опдѣлался и опъ посвященія, и опъ самаго Карапета, женидбою по слѣдующему обшопишельству:

Къ Ериванскому Хану вошло множество жалобъ опъ молодыхъ Армянъ и Персіанъ, что опцы не хотѣли отдавать за нихъ въ замужство дочерей своихъ, иначе какъ за значную сумму, кошорую бы они заплашили за нихъ напередъ, что впрощемъ по тамошнему краю еслѣдло обыкновенное; но прѣбванія опцовъ были споль не умѣренны, что женихи и родспвенники ихъ ни какъ не въ сосщояніи были оныхъ выполнити. — Таковое корыстоплюбіе, какъ вредное для благососщоянія цѣлыхъ обществъ, и собственно пиранническое для молодыхъ людей, конечно долженспвовало быть топчасъ испреблено, и Ханъ сдѣлалъ такое распорженіе, кошорое принесло ему весьма

много чести и заслужило общую благодарность молодых людей обоего пола. — Онъ по всѣмъ селеніямъ своего владѣнія разослалъ повелѣнія, чѣмъ каждое изъ нихъ доставило къ нему въ сераль лучшихъ дѣвушекъ, подѣ опасеніемъ наказанія за утайку. Повелѣніе сіе, и нарочито разнесенной слухъ, что будто бы съ тѣмъ вмѣстѣ разосланы отъ него и шпіоны, коихъ однако не было, споль устрашили всѣхъ опцовъ, что на перерывъ спарались искашь дочерямъ своимъ мужей, дабы шолько недопустишь ихъ сдѣлаться безчестными жертвами Ханскаго сласполюбія. — Въ нашемъ селеніи Вагаршапатъ, сколько мнѣ извѣстна, въ одни супки обвѣнчано было до 200 паръ, одними шолько священническими свидѣшельствами, поелику шоликаго числа браковъ, шайно и въ короткое время, совершишь настоящимъ образомъ во все не возможно, каковымъ образомъ поступилъ и въ прочихъ мѣстахъ.

Сей счастливой оборошъ дѣла, въ числѣ прочихъ палъ было и на мепя въ Аш-

шаракъ, у одного не весьма зажиточнаго жителя, была дочь первая красавица изъ всѣхъ Ашшаракскихъ дѣвушекъ. — Со всею скоростію пребовали опъ нее опвѣша, какого бы она желала имѣть своимъ мужемъ. За нее свашались прое тамошнихъ молодыхъ людей. Правду сказаць я шакъ же ее любилъ, часто ходилъ къ нимъ въ домъ и былъ извѣстенъ за опличнаго изъ всѣхъ молодыхъ людей, сколько по моей учености, сполько и по мнѣнію, что я долженъ былъ богатъ; а при шомъ былъ первый человекъ и любимецъ у Епископа. Я очень видѣлъ всѣ сіи преимущесва, но однако мало помышлялъ о женидбѣ, какъ между шѣмъ помянутая красотка избрала меня въ женихи и просила родителей со всею убѣдительностію постараться, чтообъ я былъ ея мужемъ. Опець шопчасъ прибѣгнулъ съ прозьбою къ тамошнему священнику, чтообъ принялъ на себя шрудъ сего дѣла. Священникъ, чрезъ мужа старшей дочери сего Ашшаракца, прислалъ ко мнѣ письмо съ предложеніемъ о бракъ, и представлялъ мнѣ нѣкошорыя

выгоды, о которыхъ самъ онъ будетъ спараться. Священникъ тѣмъ охотнѣе взялся соспряпать мою свадьбу, что самъ немнѣе инпересовался мною и цѣлиль приспроишь меня къ тамошней церкви, по совершенному моему знанію церковнаго порядка и служенія, въ чемъ самъ онъ, какъ я замѣшилъ, не весьма былъ свѣдущъ. И правду скажашъ: изъ всѣхъ въ тамошнихъ мѣстахъ грамопѣевъ, я лучше чипаль и зналъ церковной порядокъ, сколько можно видѣшь изъ вышеписаннаго, что вездѣ, куда я ни приходилъ, опмичался и заслуживаль опъ однихъ уваженіе, опъ другихъ зависть, а опъ иныхъ побои. Письмо опъ священника получилъ я вечеромъ, и сдѣланному предложенію, по опрометчивости, обрадовался. Желая увѣдомить о семъ брата, чтобы онъ находился при моей свадьбѣ, пошчасъ нашель распоропнаго чловѣка и написалъ къ брату въ Вагаршапашъ письмо, чтобы поспѣшилъ ко мнѣ приѣхашъ въ слѣдующій же день. За доставленіе письма сего, шакъ какъ надобно было въ оба конца

пройши верстѣ до 80, заплашилъ я напередъ 72 пары, что составишь 120 копѣекъ. Монастырскіе ключи были у меня, и потому безъ затрудненія вышедъ изъ монастыря, поздно вечеромъ, пришелъ въ Аншпакъ и явился къ священнику. Между шѣмъ помянутые свапавшіеся при молодца провѣдавъ, что желаемая ими невѣста идетъ за меня, прибѣгли къ шамошнему головѣ, представили обиду свою, что чуждой челоуѣкъ опинимаспъ у нихъ невѣсту и что я бывъ Епископомъ назначенъ въ духовное званіе, хочу женишься скрыпно оупъ него. — Голова далъ имъ позволеніе: еспли я нахожусь у нихъ въ селеніи, шо сыскавъ, хорошенько меня побить и потомъ представивъ къ нему, а онъ препроводивъ меня къ Епискому. — Трое жениховъ, прямо и едва не вмѣспъ со мною, попали къ священнику; но сей свѣдавъ о жалобѣ и намѣреніи не довольныхъ, успѣлъ прежде меня спряшашъ и инымъ образомъ той же ночи принужденъ я былъ возвратишься въ монастырь и оспашься холоспымъ. Голова между шѣмъ

не преминалъ на другой день явиться къ Карапешу и разказаць обо всѣмъ. Онъ не хопѣлъ вѣришь, а я оправдывался даже и тогда, когда почти все селеніе прошиву меня свидѣтельствовало. На послѣдокъ Карапешъ повѣрилъ больше свидѣтельствамъ, нежели мнѣ; укорялъ въ обманѣ и жестоко меня бранилъ. Какъ бы то ни было, но слава богу, что я оспался холоспымъ и свободнымъ. Правда, я былъ бы священникомъ, а священникамъ жить у насъ довольно хорошо; ихъ весьма уважають, какъ на прошивъ при встрѣчѣ съ монашескствующимъ и часпо даже предъ самимъ Епископомъ, никшо не хочеть снятъ шапки. — Я не знаю, что бы придумалъ Карапешъ со мною сдѣлать, дабы меня у себя удержать, но зналъ на вѣрное то, что мнѣ отдѣлаться отъ него надлежало бѣгствомъ. — Однако новое обспонствство, по пробышій моемъ у Карапеша около двухъ мѣсяцовъ, предупредило и то и другое, и заставило бѣжать не мені одного, но и всѣхъ жителей и монаховъ, оставивъ одни сѣны. На прешій день

послѣ того, какъ уничтожилось свадебное мое намѣреніе, вдругъ прислано было отъ Ериванскаго Хана повелѣніе, чѣмъ жители обласпи, для безопасности своей, забравъ свои имуществва, удалились по извѣстнымъ убѣжищамъ: ибо дошелъ слухъ что Шихъ идетъ съ войсками на Еривань.

И такъ я со всѣми монашескующими отправился въ наше селеніе Вагаршапатъ, и тамъ оспался, а Карапешъ съ брашєю вошли въ Ечміацынь. Жители Вагаршапатскіе, такъ же заблаговременно, свезли туда все свое имуществво. — Каждому семейству назначено было шамъ мѣсто пребываніе. По всей обласпи, для надежнаго убѣжища отъ непріятельскаго нашествія только и есть двѣ крѣпости: Еривань и Ечміацынь. Въ общей опасности я былъ безопаснѣе и неспрашилъ нашествія непріятелей, имѣвъ въ собственномъ мѣстѣ жесточайшихъ. Въ это время, какъ всѣ гнѣздились въ крѣпость монастыря, прибыли въ Арзерумъ (отъ

Баязита на 6 сушокъ ходу) изъ Царяграда и другихъ дальнихъ мѣстъ 150 человекъ Армянъ, слѣдовавшихъ въ Ечмиацынъ на поклоненіе и предварительно о семъ увѣдомили Пашріарха. — Лука въ отвѣтъ къ нимъ, описывая положеніе дѣль и опасность, копорая неизбѣжно предстоитъ имъ отъ Персіанъ, совѣщавалъ опложитъ имъ пріѣздъ ихъ до удобнѣйшаго времени; но изъ нихъ нашлось 70 человекъ споль ревностныхъ, что рѣшились на все, даже естли бы это стоило имъ и жизни. Они прибыли въ Ечмиацынъ и удовлетворивъ своему желанію и усердію, пребыли въ монастырѣ шрое сушокъ; а между шѣмъ возвращенный ихъ путь сдѣлался еще опаснѣе и затруднительнѣе; ибо Персіанѣ начали уже развѣзжашъ партіями даже за Баязитъ, и переходили рѣку Ерасхъ къ Ечмиацынской сторонѣ. Почему поклонники просили Пашріарха, чтошбъ для безопасности даль имъ изъ нашего селенія 50 человекъ вооруженныхъ провожатыхъ. Братъ мой назначенъ былъ въ число оныхъ, а я по-

желалъ ѣхать добровольно, съ тѣмъ, чтобъ отъ своего опечесства удалиться на всегда. Я не желалъ уѣхать тайно отъ матери и пришелъ съ нею просвѣтиться. Я убѣждалъ ее согласиться на мой отъѣздъ тѣмъ именно, что не терпимъ въ селеніи и чего долженъ еще ожидать впереди. Сверхъ того, если Шахъ возьметъ Ериванъ, то по обыкновенію отъ всякаго мѣста пошлешь плѣнниковъ, и такъ какъ я во всякихъ не пріятныхъ случаяхъ всегда былъ первой, то и тогда взявъ буду первой же; и въ такомъ случаѣ нельзя уже имѣть надежды, что бы я съ нею когда нибудь увидѣлся. Отъѣзжая же съ одновѣрцами, могу удалиться заблаговременно отъ всѣхъ ожидаемыхъ опасностей; никогда не забуду ея воспитанія и всѣхъ обонъ родительскихъ попеченій, и употреблю всѣ силы, чтобъ на чужой сторонѣ снискавъ помощь, какъ для себя, такъ и для нее; но всѣ мои резоны не были приняты, и бѣдной моей матери расстаться со мною было очень горестно. Она желала меня удержавъ

по горячему своему нраву проклятіями; но я имѣлъ пакъ сказаць опчаянную рѣшительность: ибо положеніе мое дѣйствовало на меня сильнѣе всякаго другаго убѣжденія, и я отправился съ караваномъ поклонниковъ.

Не доѣзжая до кустарниковъ Елгона, коимъ усыяны прибрежныя мѣста рѣки Аракса, увидѣли мы издали ѣдущихъ Персіанъ, человекъ до ста. Командовалъ ими старшій сынъ Макинскаго Султана, гдѣ находился выше означенный Монастырь Св. Фадѣя. Спасись отъ нихъ было не возможно, они насъ наспигли и какъ поклонники были Турецкіе подданные, шо пошребовали съ нихъ съ каждаго человекъ по пяпи червонцовъ, копорые имъ шопчасъ и были заплачены. Наши провожашые, на вѣрное, не уступили бы Персіанамъ; подрались — и безъ сомнѣнія разбили бы ихъ; но несмѣли сего сдѣлать; ибо одинъ изъ младшихъ сыновей Султана женатъ былъ на родной сестрѣ Хана и жилъ въ Ериванѣ. Только что достигли

о берега и спали искашь брода, какъ
е толпа опашь напала на насъ подь
длогомь, что они ищущь мѣста пере-
правихься, и возобновивь свои пребо-
ваніи, не внимая ни какимь убѣжденіямь,
наспояли, чшобь имь заплашили еще по
то червонцовь съ каждаго челоуѣка; но
присемь дали кляшву, что оспавяшть
пупешествениковь съ покосемь и даже
проводяшть благополучно. Деньги были
заплачены на мѣстѣ. Провожащые имѣя
обязачность проводить ихъ полько до
берега Аракса, подозрѣвая, что Персіанѣ
не оспанупіся довольными и на дорогѣ
ограбяшть пупешествениковь нашихь
совершенно, совѣшвали мнѣ всѣ вообще
не подвергашься видимой смерпи и воз-
вращихься съ ними въ свое мѣсто. Бращь
мой шакъ же убѣждалъ меня возвращихься
къ матери и не огорчатъ ее моими опас-
ношями, коимь неминуемо подвергнушъ
на другомь берегу. Справедливосшь сихь
представленій была очевидна и я согла-
силъся поѣхашь назадъ. Въ самомь дѣлѣ,
дни черезъ два, услышала мы опш нѣко-

торыхъ пришедшихъ изъ Баязита, что путешественники лишь полько, что переправились на другой берегъ и прошли нѣкоторое разстояніе, то Персіане атаковали ихъ, опняли у нихъ все и самихъ почти всѣхъ изрубили, кромѣ челѣвкъ десяти, кои успѣли опъ нихъ ускакать.—

Не успѣлъ я показаться въ селѣніи, какъ съ насмѣшкою начали вопрошать меня: давноли я возвратился изъ путешествія; каковъ Конспаншинополь; что тамъ дѣлается и прочее; а нѣкоторые изъ сосѣдей увѣдомили меня, что мать моя въ опчаяніи въ домѣ Іова, молился Богу предъ Евангеліемъ, чпобъ я возвратился къ ней (*). Я попчасъ пошелъ

(*) Фамилія Іова есть древняя въ нашемъ селѣніи и можно сказать единственная. Евангеліе писано на пергаментѣ; но къ кому именно не знаю и ни опъ кого не слыхалъ, знаю полько то, что къ нему, кромѣ Священника, одѣяннаго въ ризы свои, часпный челѣвкъ прикасаться не можешь. При нашествіи Шахъ Аббаса, бывшій въ то время хозяинъ, или начальникъ дома сей фамилии, чпобъ Евангеліе не досталось въ руки Магомешанамъ, спрятали его подъ мостомъ въ рѣчкѣ Соломоновой, гдѣ находилось оно въ водѣ подъ камнемъ, до возвращенія жишелей,

въ оной домъ; мапъ моя дѣйствительно стояла на колѣняхъ предъ пѣмъ Евангеліемъ и молилась. Увидя меня, она, какъ сама мнѣ призналась, сочла меня за привидѣніе, но увѣрившись, что я явился къ ней въ самомъ существѣ моемъ, обрадовалась не сказано. Я возвратился съ нею въ нашъ домъ, преслѣдуемый щѣмиже насмѣшками праздныхъ людей. —

Послѣ того не прошло недѣли, какъ пріѣхали въ наше селѣніе изъ Тавреза съ шоварами Тифлисскіе купцы, коихъ въ караванѣ съ рабочниками было человекъ до 50, почти всѣ Армяне. Они слѣдовали въ Тифлисъ и были вооружены, какъ говорится съ головы до ногъ. Тифлискіе жипели или Грузинскіе подданные, славились въ то время за людей самыхъ опшважныхъ и храбрыхъ. Добрай мой

7 м лѣтъ, и по прошествіи полякаго времени найдено кезиномъ въ совершенной цѣлости безъ малейшаго поврежденія. Его не однократно брали въ Монастырѣ въ церковь; но оно всегда возвращалось на прежнее мѣсто, и послѣ нѣсколькихъ попытокъ, ошазалось въ домѣ означенной фамиліи,

учитель, не упускавший ни одного случая къ моей пользѣ, и на сей разъ рѣшительно присовѣщывалъ мнѣ воспользоваться оказіею уѣхать съ симъ караваномъ. Одинъ изъ сельскихъ Священниковъ, находившійся прежде въ Тифлисѣ, былъ знакомъ съ однимъ купцомъ изъ того каравана. Учитель мой вмѣстѣ съ нимъ упрости сего купца взявъ меня съ собою, съ шѣмъ, чѣмъ доспавишь въ Россію, ибо онъ имѣлъ непременное намѣреніе шуда ѣхать съ своими шоварицами. Онъ согласился и далъ вѣрное слово исполнишь ихъ порученіе, сколько возможно лучшимъ образомъ. Учитель мой отдалъ ему находившіяся у него на сохраненіи мои деньги 30 руб. Наконецъ въ воскресенье, 15 Іюля (1795 года) ушромъ рано, купецъ сказалъ мнѣ, что они выѣдутъ до полудни и чѣмъ къ тому времени я собрался. Я тотчасъ бросился въ свой домъ и пощасію мать моя была у моей сеспры, а брашь ушолъ въ Монаспырь къ обѣднѣ; оставалась одна невѣспка. — Увѣдомивъ ее что я опѣвѣжаю, просидъ, изгошвишь

мнѣ, что нибудь надорогу съ ѣснаго. Но она въ томъ мнѣ отказала съ грубостію, сказавъ, что я не хозяинъ въ домъ и ни чего не принесъ, а потому не имѣю права ни чего и требовать. Озлобленный таковымъ опвѣтомъ, я наирощанѣ изрочно ее выругалъ, и взявъ самъ нѣсколько сыру, хлѣба и при курицы, опнесъ послѣдніе къ сосѣдкѣ, которая мнѣ пошчасъ ихъ зажарила. Собравшись такимъ образомъ, выѣхалъ я изъ Вагаршапапа на всегда, имѣвъ тогда опъ роду 20 лѣтъ. Нѣкоторые изъ товарищей моихъ просили меня, чтообъ взять ихъ съ собою; но я опвѣчалъ имъ, что опваживаясь на все, не знаю что сомною будешь: живопъ, или смерпъ, и вѣрнѣ полагаю первое; они же на противъ того не имѣюпъ столь сильныхъ побудительныхъ причинъ, какъ я, подвергашься вѣроятнымъ опасностямъ, и такимъ образомъ опъ нихъ отдѣлался. Я распрошчался только съ однимъ учипелемъ и тогда, какъ купецъ вѣлѣлъ мнѣ собраться.

Сей добрый человекъ далъ мнѣ спасительныя наставленія еще наканунѣ, и я считая долгомъ, въ засвидѣтельствованіе его благочестія, благоразумія и моей признательности, помѣстивъ здѣсь хотя нѣкоторыя отрывки оныхъ, кои для лучшаго памятованія въ ночь же вечеръ, какъ и Исторію моей мащери, бросилъ на бумагу. —

„Ты, любезный другъ мой, говорилъ онъ мнѣ, теперь уже въ совершенныхъ лѣтахъ; испыталъ многое, можешь разумѣть и различать худое и доброе. Опъѣзжая на чужую сторону подъ покровительствомъ одного Бога — ты незнаешь, что еще ожидаешь тебя внѣ своего опечества. — Благоразумный человекъ, всякой новой случай, всякое предначинаніе, разсматриваетъ прежде съ самой худшей стороны; предполагаетъ болѣе не пріятныя слѣдствія, рассуждаетъ о средствахъ, и такъ сказать запасается напередъ мужествомъ переносить все огорчительное. Такимъ образомъ онъ менѣ

ошибается въ надеждахъ своихъ; дѣйствуетъ правильнѣе; огорчается шѣмъ менѣе, чего ожидалъ прежде, и съ большею удобностію преодолеваетъ то, что напередъ обдумалъ и къ чему готовился.

Ты испыталъ болѣе зла, нежели сколько видѣлъ себя по среди добра. — Ты испыталъ на самомъ себѣ, и самыя жестокия спраданія дали тебѣ познать, что человѣкъ, къ несчастію, бываетъ исполненъ болѣе злобы, зависти, не нависти и всѣхъ пороковъ, губительныхъ для подобнаго ему человѣка и унижающихъ его предъ всѣми дышущими тварями, — Сколько ни силенъ человѣкъ въ произвѣденіи зла, имѣя способность изобрѣтать къ тому многія средства, какъ шваръ одаренная разумною душою; но онъ менѣе бы опасенъ былъ, если бы, подобно прочимъ живошнымъ, не умѣлъ скрывать своихъ намѣреній и чувствованій, что хочетъ произвести зло, подъ личиною доброй воли и благорасположенія. Такимъ

образомъ не благодарный челоуѣкъ своему создателю, сотворившему его съ свободою волею по образу и по подобію своему, употребляетъ во зло и то и другое.— Соображался съ сею горестною истинною, испытанною самимъ побоею во многихъ приключеніяхъ, совѣшую себя поставивъ за правило, располагаць не только дѣйствіями, но и каждою мыслію со всевозможнымъ благоразуміемъ и оспорожностію; не говоришь даже ни одного слова опрометчиво не обдумавши. Спарайся изыскивай друга и заслуживай справедливое право на его дружбу; будь ему вѣренъ; но при семъ помни замѣчаніе древнихъ мудрецовъ, чтооь по слабости и безъ не обходимой нужды не вверяшь своей тайны, дабы не сдѣлался рабомъ незнавшаго ее. Въ таковыхъ случаяхъ, легко можешь ты подвергнуться крайности; быть принужденнымъ дѣлать то, что добрыя твои свойства оприцають и что можешь на всегда очернить и опягошить чистую совѣсть. — Будите мудри, яко змии, и цѣли яко голуби. Разумъ

словъ сихъ заключаешь въ себѣ наспавленіе, чпобъ мы спарались бытъ благо-разумны, но вмѣспѣ съ шѣмъ не винны и чисты въ нашихъ намѣреніяхъ и поспупкахъ. Слѣдуя сему, не предосудишельно бытъ хипрымъ, но безъ коварныхъ ухищреній, чпобъ хипросшь швоя была бы не иное чпо, какъ одно чистое. блáгоразуміе и самосохраненіе ошь несправедливости, измѣны, или коварства другихъ. Будь добръ и проспосердечень, но блюдишь, чпобъ просподушіе, шoliko пріятное Богу и человѣкамъ, не было въ тебѣ слѣдспвіемъ глупости, или соединено съ нею. Истинный свѣшь высшей благодати пребываетъ въ душахъ благихъ и непорочныхъ; основаніемъ свойспвъ сихъ ешь проспота сердца, единспвенная подруга невинности; а соприспспвенный ей спрахъ Господень ешь начало мудрости, и не заходимый свѣшь чистаго разума. Берегишь бытъ спроптивымъ и бѣги ошь спроптиваго: „съ избраннымъ избранъ будеши, и состроптивымъ развратишися.“ При огорчишель-

ныхъ встречахъ воздерживайся отъ гнѣва, и не будь вспыльчивъ. Запальчивость подобна огню, который испребляя подверженное ему, исчезаетъ послѣ и самъ. Человѣкъ запальчивый, не умѣющій управлять злыми движеніями сердца своего, дѣлается безумнымъ, нестерпимымъ; опгоняетъ отъ себя людей; терлетъ ихъ уваженіе; испребляетъ любовь и расположеніе къ нему другихъ, не обходимѣйшія союзы для каждаго во взаимныхъ отношеніяхъ общежитія; а вмѣстѣ съ тѣмъ такъ сказать, испощаетъ самаго себя. При встрѣчахъ съ шаковыми людьми будь воздерженъ, терпѣливъ, и крепостію спарайся предупреждать раздраженіе и запальчивость ихъ, наблюдая только за ихъ намѣреніемъ, чтобы не подпалъ отъ нихъ какому либо дѣйствительному злу; будь подобенъ водѣ, которая все на себѣ носитъ, все въ себя принимаетъ и угашаетъ пламя. Рѣка, какое бы ни было сдѣлано загражденіе, чтобы остановить теченіе ея, мало помалу преодолеваетъ все препятствія и

открываетъ себѣ пошъ же, или другой
пушъ. Ты вступишь въ новый свѣшъ;
можешъ бышь достигнешъ благополучно
до народовъ просвѣщеннѣйшихъ; будешъ
находишь шамъ, гдѣ ешъ много мудрыхъ
и разумныхъ: спарайся искашь случаевъ
научаешь ошъ ушонченныхъ ихъ разумнѣ-
ннѣй; но болѣе всякаго возможнаго зла
берегись ошъ нихъ шѣхъ умшвованнѣй,
которыя не чувствительнѣй заводяшь въ
разныя заблужденнѣй подѣ видомъ истинны
хришшанскаго ученнѣй. Убѣгай ихъ и не
допускай до слуха своего, коль скоро
увидишь, что они прошивны извѣшнымъ
основаннѣй вѣры, и дѣлають превраще-
ннѣй по волѣ разума, и по наклоненнѣй
спрашней человѣческихъ. Эшо такнѣй при-
виднѣй, которыя слабого человѣка съ
начала прельцають, а пошомъ погубляють
его; и для шого спарайся употребляшь
все швое вниманнѣй, чтобы раздѣляшь
пшеницу ошъ плевель. Не желай, и не
ищи сдѣлашь сшшкомъ разумнымъ;
но учишь бышь благоразсудительнымъ;
будь вѣренъ своему закону и спарайся

ушверждашься въ вѣрѣ, кошорая познает-ся самыми проспыми поняпіями. Разумъ не управляемый ею, есть уже безуміе, паче безумія безсловесныхъ. Гдѣ будешь находишься, будь усерденъ, покоренъ и вѣренъ памошнему Государю и поспановленнымъ ошъ него власпямъ. Неспъ власпи иже не ошъ Бога. Испыпавши сполько спраданій, пы привыкъ почти ко всѣмъ спрудностямъ жизни; чшобъ не спступашь опромешчиво ко вреду себѣ, благоразуміе спребуешь не обольцашься ни какими суешными надеждами, и даже не желашь скорого спправленія спвоихъ обсповшельспвъ; но бышь терпѣливымъ и приближашься къ шому спспѣпенно и пушями правильными. Случишься можешь все: лучше, нежели желашь и скорѣе, нежели ожидаешь; но спредоспавъ все промыслу; будь добрый человекъ, уповай на Бога и вѣрѣ, чшо онъ знаешь лучше насъ доброе наше; мы же часшо желаемъ шого, чшо можешь спслужить ко вреду нашему, и чего мы ни спредвидѣшь, ни сппредупредишь, ни опспрацишь не въ

силахъ. Еесли же, по милости Божіей, достигнешь ты до благополучнаго и довольнаго во всемъ соспоянія: — будь умѣренъ и воздерженъ ошъ всего; не упошреби во зло и ко вреду самому себѣ благихъ швоего Создателя, а паче не надышайся, не превозносись гордостію, шoliko прошивною Богу, всѣмъ небѣснымъ силамъ и каждому человѣку., За симъ помянулъ онъ мнѣ и опрочихъ смѣршныхъ грѣхахъ; подшвердилъ наблюденіе заповѣдей и особенно о любви къ Богу и ближнему; располковалъ въ подробности всѣ ихъ значенія, слѣдствія и воздаяніе. Наконецъ въ заключеніе сказалъ мнѣ изъ псалма: удаляйся ошъ зла, швори благо, ищи мира и възыщешь его.

Сей добрый мой наспавникъ вскорѣ послѣ ошѣзда моего посшавленъ былъ во Священники, въ каковомъ санѣ и по нынѣ проводишь жизнь свою съ довльющимъ благочестіемъ.

Караванъ поѣхалъ по Абаранской до-

рогъ чрезъ Ашшаракъ. Купецъ приказалъ своему работнику взять отъ меня мою ношу и положить на лошадь; я шолъ съ однимъ только ружьемъ. Опощедши версты на три отъ своего селѣня, я благословилъ Бога, что избавился отъ пшуда, ибо по тогдашнему опасному времени зналъ что на такое разстоянїе преслѣдовать меня не будутъ. Караванъ остановился въ Георгіевскомъ монастырѣ, гдѣ я жилъ у Карапепа. Ашшаракскіе жители такъ же выбирались въ свои пещеры, находящїеся въ неприступныхъ каменныхъ высопахъ рѣки Карпи, или яснѣе сказать, въ бокахъ пропасти, по которой печать онаг рѣка при Ашшаракѣ. Въ пещеры сіи не иначе можно входилъ, какъ по веревкамъ на блокахъ и шочно такъ, какъ обыкновенно щекотуряшъ и красяшъ большїя дома, поднимая щекотура на веревкѣ въ ящикѣ. Между шѣмъ человекъ по десяти и болѣе, назначающа по супочно въ селѣни бышъ кораульными; навѣдывающа по окрестностямъ отъ проѣзжающихъ, или проходящихъ, о обстоятельстввахъ, и примѣ-

часть за нашесшвіемъ непріятеля. — Изъ числа сихъ караульныхъ случилось бысть одному молодому Ашшаракцу, котораго я училъ грамошъ. Онъ былъ изъ хорошей фамилии и малой не дуракъ. Пришедши къ намъ въ Монаспырь, съ прочими, узнашь, что дѣлается и что слышно въ Ериванъ, или у насъ; извѣстно ли о непріятелѣ и прочее, онъ радъ былъ нашему свиданію; спрашивалъ о моихъ обспояшельспвахъ и о намѣреніи куда хочу ѣхать. На другой день обѣщаль принести мнѣ изъ селѣнія нѣсколько провизіи на дорогу. Я считалъ себя совершенно уже свободнымъ и опнюдь не воображалъ повспрѣчаться съ кѣмъ либо изъ нашего селѣнія, какъ, на другой день, вдругъ появился мой брашъ въ числѣ десяти человекъ. Они за сто рублей взялисп проводисп одного опспавшаго опъ нашего каравана купца и настигли насъ въ Монаспырь; но мой брашъ сказалъ мнѣ, что онъ пріѣхаль собспвенно только за мною, и попому упрашиваль и спребоваль, чтообъ я возврашися съ нимъ въ селѣніе;

Я на прошивъ того убѣждалъ его оставишь меня съ покоемъ, не возвращаешь опять къ мученіямъ и неспрашиваешь въ караванъ какъ беглеца; но онъ хотѣлъ непременно, чтобы я исполнилъ его требованіе. Послѣ сего не оставалось мнѣ ничего болѣе, какъ дожидаться моего Ашпаракскаго пріятеля, и нарочно сперегъ, чтобы поговорить съ нимъ наединѣ. Не прошло часа, какъ онъ пріѣхалъ съ обѣщанною провизією. Я вспрѣпилъ его за Монашпыремъ; увѣдомилъ о пріѣздѣ брата, моего пребываніи, и просилъ, чтобы онъ, въ доказательство дружбы своей, поспарался меня выручить изъ сихъ хлопотъ и избавилъ бы отъ брата. Другъ мой охотно за сіе взялся, поскакалъ обратно въ свое селѣніе и подговоривъ напередъ челоуѣкъ до шридцати удалцовъ, своихъ поварицей, вступился попомъ за меня и уговаривалъ брата оставишь меня въ покой, представляя ему, что онъ изъ одной только прихоти хочешь подвергнушь меня стыду и возвратишь къ спраданіямъ. Я шакъ же говорилъ ему, что ѣду на чужую степь-

рону не съ шѣмъ, чтобъ забыть его и мать нашу; но съ шѣмъ, что если буду благополученъ, по всѣ свои приобретения раздѣлюсь съ ними и успокою ихъ; Но братъ не зная и не ожидая того, что мною приняты рѣшительныя мѣры, упорствовалъ въ своемъ пребываніи и не убѣждался ни какими резонами. Тогда Ашпиракской мой другъ сказалъ ему: ну! такъ послушай же: когда ты не хочешь согласишься на то по доброй волѣ, такъ послѣ непеній, если мы обратимся къ другимъ средствамъ. Пусть братъ съ побою возвратится; но онъ недалеко уйдетъ отъ Монастыря; васъ только десятокъ человекъ, а у насъ гогово тридцать; мы на васъ нападёмъ, изрубимъ всѣхъ въ куски и дадимъ ему свободу ѣхать куда, куда хочешь.— Братъ мой увидѣлъ тогда свою слабость, безуміе, и удовольствовался только укоризнами, что я обманулъ его, присовѣщавъ ему жениться, и обѣщавшись сдѣлать поже, теперь оставляю его одного. Я старался его утѣшить все возможными увѣреніями; о моей любви,

не премѣнно усердіи, и съ шѣмъ раз-
 прощался. По благодаря усерднаго моего
 друга, за важную его услугу, обѣщаль ему,
 при случаѣ, еесли буду въ сосшоиніи, до-
 казашь мою благодарносшь, шакъ же самымъ
 дѣломъ.

Караванъ нашъ пробыль въ Монастырѣ
 прои сущки, развѣдывая о безопасности
 пупи. На четвершый день, слѣдуя по
 берегу рѣки Карпи, вспушили мы на по-
 дошву Аракашской горы съ Сѣверной
 спороны, и ошановились провести тамъ
 ночь, близъ стариннаго Монастыря, Ке-
 наць-Пайпа (: живоноснаго древа :). Мо-
 настырь сей построень по случаю при-
 несенія шуда части живоноснаго древа
 креспа Господня. Онъ называется шакъ
 же Сагмось - а - Ванкъ, чшо значипь псал-
 тырной Монастырь : ибо псалпырь чи-
 паешся въ немъ день и ночь. Оное древо
 производило шакіе чудеса, чшо когда вы-
 носимо было на поле, шо находящіеся на
 немъ змѣи, бѣжали опъ лица его и дѣла-
 лись слѣпыми; нынѣ же въ шомъ мѣсцѣ,

*

хотя и водялся змѣи, но никакого вреда не причиняюшь. —

На утро дошли мы до того самаго мѣста, которое называется Амаранъ, что значить лѣшнѣе мѣсто. Оно идетъ на весьма большое пространство, почти ровною долиною; и по всюду имѣетъ превосходную траву и ключи. Особенно приятной воздухъ его прохлаждаетъ путешественника; подкрепляетъ изнуренныя его силы и вливаетъ въ чувства нѣкошерую особенную ошраду.

Здѣсь увидѣли мы, въ нѣкоторомъ отъ насъ распоянѣи, человекъ до сна вооруженныхъ. Примѣняя, что они раздѣлясь на двѣ паршіи, хотѣли на насъ на насъ съ двухъ сторонъ, тотчасъ остановились; сняли вьюки и, какъ обыкновенно водятся, сдѣлали изъ нихъ родъ батарей; лошадей поставили въ средину и начали спрѣляшь. Хищники увидѣвъ сильное сопрошивленіе, хотя и остановили насъ; но мы принуждены были пребыть шущъ до

Другаго дня, и упопрѣбиль епо время на-
 прилѣжнѣйшія развѣдыванія по окрестно-
 сямъ, чѣтобъ нечаянно не встрѣпипся
 еще съ подобною шолпою, засѣвшю въ
 какомъ ни еспъ закрыпомъ мѣспѣ. — На
 упро пуспились опяпъ въ пуспъ и шли съ
 такою же оспорожноспію. Предъ вече-
 ромъ увидѣли въ правой рукѣ довольно
 большой лагеръ, расположенный въ низкой
 долинь, при кошоромъ находилось много
 верблюдовъ, и быковъ, лошадей и нѣсколь-
 ко барановъ; почему и заключили, чѣто
 епо семѣйспва, какого нибудь цѣлаго се-
 ленія, укрывающіяся опъ опасностей во-
 еннаго времени. Оспановясь провеспи
 шупъ ночь, Караванцики послали въ ла-
 геръ просипъ для себя какой нибудь пици,
 и узнали, чѣто епо были жипели Нахиче-
 ванской Обласпи, изъ селенія Гарадага,
 (: черная гора :), слѣдовавшія для укры-
 тія себя въ Шуракаль, укрьпленное мѣспо
 Турецкаго владѣнія. Часпъ изъ нихъ были
 Армяне, а болѣе Персіанъ. — Опъ нихъ
 принесли къ намъ кислаго молока, сыру
 и хлѣбовъ. — Между шѣмъ подѣхали къ

каравану нашему съ другой стороны нѣ-
 сколько человекъ и говорили съ купцами
 по Грузински. Я хотя не зналъ по Гру-
 зински; но въ разговоръ замѣшилъ слово
Джашуть, которое значить шпионъ. По
 движеніямъ нашихъ купцовъ могъ я заклю-
 чить, что они увѣдомляли шѣхъ шпионовъ
 о нахичеванцахъ; а услышавъ имя ихъ
 предводителя, догадался, чѣно онъ, по
 тогдашнимъ обстоятельствомъ, ищешь
 также кого нибудь разбишь изъ непри-
 надлежащихъ къ подданству Грузіи, и чѣно
 бѣдные Нахичеванцы, снабдившіе насъ пи-
 щей, непременно должны бышь разбишы
 и ограблены; почему я рѣшился какимъ
 ни будь образомъ увѣдомишь ихъ о сей
 опасности. Въ караванъ нашемъ нахо-
 дился еще другой, подобной мнѣ, путеше-
 ственникъ, молодой человекъ, изъ де-
 ревни Шуръ, съ которымъ я познако-
 мился уже на дорогѣ. Открывъ ему мое
 замѣчаніе, нашелъ его не меньше гошовымъ
 употребить себя на спасеніе невинныхъ
 людей; я научилъ его, какъ можно скрыш-
 нѣе сходишь въ лагерь и увѣдомишь пу-

пешественниковъ о предстоящей имъ опасности. Онъ принялъ сію комиссію охотно и поспѣе часъ ее исполнилъ. Упомянутый предводитель находился тогда съ пятью спами челоуѣкъ въ Памбакацорѣ, на два дни ходу отъ того мѣста, гдѣ мы спояли; и попому нахичеванцы, предъувѣдомленные объ опасности, для спасенія себя, успѣли уклониться къ Еривану, какъ ближайшему для того мѣсту. Въ слѣдующіе два дни доспигли мы до Памбакацора безъ всякихъ приключеній. и узнали, что предводитель уже выѣхалъ для своей добычи; но свѣдавъ, что путешественники удалились подъ Ериванъ, не посмѣлъ шуда ихъ преслѣдовать и возвратился на свое мѣсто. Къ несчастію онъ заспалъ насъ въ Памбакацорѣ, и не удача его стоила жизни несчастному Пмурцу: ибо Предводитель въ разсужденіи сего прямо обратился съ подозрѣніемъ на нашъ караванъ. Купцы и ихъ работники, не могли сего сдѣлать, какъ Грузинскіе подданные; я находился безъоплучно съ шѣмъ, кому былъ поручень, и

поэтому всё указали на бѣднаго Плульца. Предводитишель не спрашивая признанія, прямо приказалъ убить его, что подданные его шопчасъ и исполнили. Между шѣмъ, какъ его били, чѣмъ и почему ни попало, я объяшъ былъ смершнымъ спрахомъ и возносился къ Богу всею моею душою, ожидая равной участи, когда Плурецъ укажешъ на меня, какъ на главнаго виновника шого дѣла, зашпорое приказано лишишь его жизни; но онъ, рѣшившись великодушно принять все мученія и умерешъ одинъ, неподалъ никакого къ шому вида. Ему размозжили голову и раздробили руки, ноги и все члены. — Я чувшвовалъ ужасное шерзаніе въ моей совѣспи, видя себя единшвеннымъ виновникомъ мученической смерти шего несчастнаго человекъ. Въ ушѣшеніе себя, и въ оправданіе своей совѣспи въ семь случаевъ, приводилъ шолько то, что въ дѣйствіи его заключалось общее наше доброе намѣреніе, спасти ошъ рукъ злодѣевъ множество невинныхъ жершвъ, и что я ни какъ не могъ предвидѣшь шоль пагу-

бныхъ для него слѣдствій, отъ коихъ спасло меня самага, чудесное его шerpъ-нiе. —

Предводитель имѣлъ причину нападать на Гарадагцовъ Нахичеванскихъ за то, что они искали себѣ убѣжища не въ Грузіи; а шли для того въ Турцію. Но Гарадагцы поступили благоразумнѣе и выбрали лучшее мѣсто къ своему спасенію: ибо мы, выѣхавши изъ Памбакацора на спешь, въ продолженіи двухъ дней, были на каждомъ шагу свидѣтелями плачевнѣйшаго позорища. Жители обласпей: Карабагской, Ериванской, Нахичеванской и другихъ мѣстъ, Христіанѣ и Магометаше, коль скоро узнали, что Шахъ, Государь ихъ, идетъ войною на Ериванъ, избѣгая раззореній, сопряженныхъ съ насиліями различнаго рода при проходѣ войскъ, уклонились со всемъ имущесвомъ и скотомъ, въ предѣлы Грузіи, надѣясь имѣть тамъ спокойное пристанище, бывъ при томъ увѣрены, что Шахъ не одолѣетъ Грузинскаго Царства. Но они въ томъ

ошиблись. Преселясь на сіи ешѣпи, они пошчасъ встрѣпили недоспашокъ въ хлѣбѣ, чего во все не предполагали; испоцивши на поупку онаго, самую дорогою цѣною, всѣ деньги въ короткое время, принуждены были плапипь Грузинамъ, за при фунпа хлѣба, овцу; а за Лидерь, или 10 фуншовъ, лошадь; а на конецъ отдавали и послѣднѣе свое плашье. Но сего недовольно: Грузины, чего не успѣли, лишипъ ихъ такимъ образомъ, по опняли у нихъ силою, и даже весьма многихъ изъ нихъ обобрали со всѣмъ, по ешъ, сняли рубахи и оспавили нагихъ. Таковыми бѣдствіями доведенныя до опчалнія, помимые голодомъ и обнаженные, отдавались они шамошнимъ богатымъ Грузинамъ въ рабство, лишь бы только избавишься голодной смерти. Многие изъ нихъ помершіе опъ шаковаго бѣдствія, валялись по полямъ непогребенными: ибо у сихъ пришельцовъ небыло лопашокъ, чпобъ зарышь въ землю умершихъ собратій своихъ з опъ чего самый воздухъ, на всемъ пространствѣ двудневнога пуши нашего, шакъ

едѣлаея тяжель, что мы едва могли переносить его. По всему вѣроятно, что Грузинцы приняли сихъ несчастныхъ подѣ свое покровительство и поступали съ ними такимъ образомъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ доведя ихъ до возможной степени крайности, не только имѣніе, но и самихъ ихъ сдѣлавъ своею собственностію, въ чѣмъ и успѣли. Пройдя сіе плачевное позорище, подѣ конецъ другаго дня по выходѣ изъ Памбакацора, остановились на ночь въ нѣсколькихъ верстахъ отъ того мѣста, гдѣ на упронадлежало намъ спускаея съ горы и накопшоромъ находится густой и огромной лѣсъ. По опасности сего мѣста, мы оправились на упро весьма рано. Бывъ же увѣдомлены, что Лезгинцы, занѣсколькочо предѣ тѣмъ часовъ разбили и ограбили одинъ купеческій караванъ, мы, для успрашенія разбойниковъ, стараясь показатъ большее число людей, нежели сколько насъ было, кричали и пѣли разными голосами; стрѣляли изъ ружей и пистшолоповъ; а между тѣмъ, навьюченныхъ шо-

варами лошадей, понуждали идти как можно скорѣе. Такимъ образомъ, объѣхавъ страхомъ, шли мы около четырехъ часовъ по весьма узкой пропинкѣ, не встрѣпивъ нигдѣ ни какой лощинки, на копорой можно бы было распорядиться и поспавить себя въ оборонительное положеніе. На послѣдокъ спустился къ небольшой рѣчкѣ, прошли чрезъ нее по мосту и опять поднялись въ гору. Здѣсь пакъ же находился лѣсъ; но только рѣдкой, а кустарники были довольно густы, и потому большая опасность наша миновалась не прежде, какъ выбрались на ровное мѣсто; коимъ пройдя еще около трехъ верстъ, остановились для отдохновенія и корма лошадей. Снявши съ нихъ вьюки, пустили на праву; но здѣсь встрѣпили другихъ непріятелей: большихъ мухъ, копорыя жалили лошадей нашихъ споль сильно, что шамъ, гдѣ укусятъ, тогда же вышупала кровь. Мы какъ скоро ихъ увидѣли, потчасъ закрылись; но лошади не находили отъ нихъ ни какого спасенія; злыя насѣкомыя недопустили ихъ

даже отвѣдавъ находившейся шупъ въ изобиліи весьма хорошей sprawy. Почему купцы принужденными нашлись, опяшь ихъ навьючишь и идиши далѣе. Пройди еще, покрайней мѣрѣ, верспъ до плши, на послѣдокъ нашли на прекрасное мѣсто, гдѣ права была густая и высокая. Чпожь касается до воды, шо во всѣхъ шамошнихъ мѣстахъ ключей и испочниковъ вездѣ весьма довольно. На семь мѣспъ мы провели ночь, и собравшись съ силами, въ коихъ изнурены были до крайности, особенно послѣднимъ днемъ, въ слѣдующій день пришли къ рѣкѣ Нахепуръ, копорая спояла шогда въ полной водѣ, какъ думаешь надобно опъ спеченія въ нее съ возвышенныхъ мѣспъ дождевой воды. Въ караванѣ нашемъ не было ни одного, копорый бы зналъ хорошенко положеніе сей рѣки, чшобъ найши бродъ. Ёсякъ искалъ для себя, гдѣ бы выгоднѣе переправиться; опъ чего произошло шо, чшо лошади въ иномъ мѣспѣ плыли, а въ другомъ хопя и шли, но шакъ глубоко, чшо всѣ вьюки подмокли. Почему должно было

на другомъ берегу разобрать и пересу-
 шипъ почти всѣ товары, большая поло-
 вина дня прошла въ сей работѣ и кара-
 ванъ остался тушь ночевать. На другой
 день пришли въ большое и весьма изряд-
 ное селеніе Коду, отъ куда купцы, по
 тяжести каравана, отправили его поспеш-
 ной Соганлугской дорогѣ; а сами, на лег-
 къ, переправились прямо чрезъ гору и къ
 вечеру прибыли въ Тифлисъ.

Конецъ первой части.

